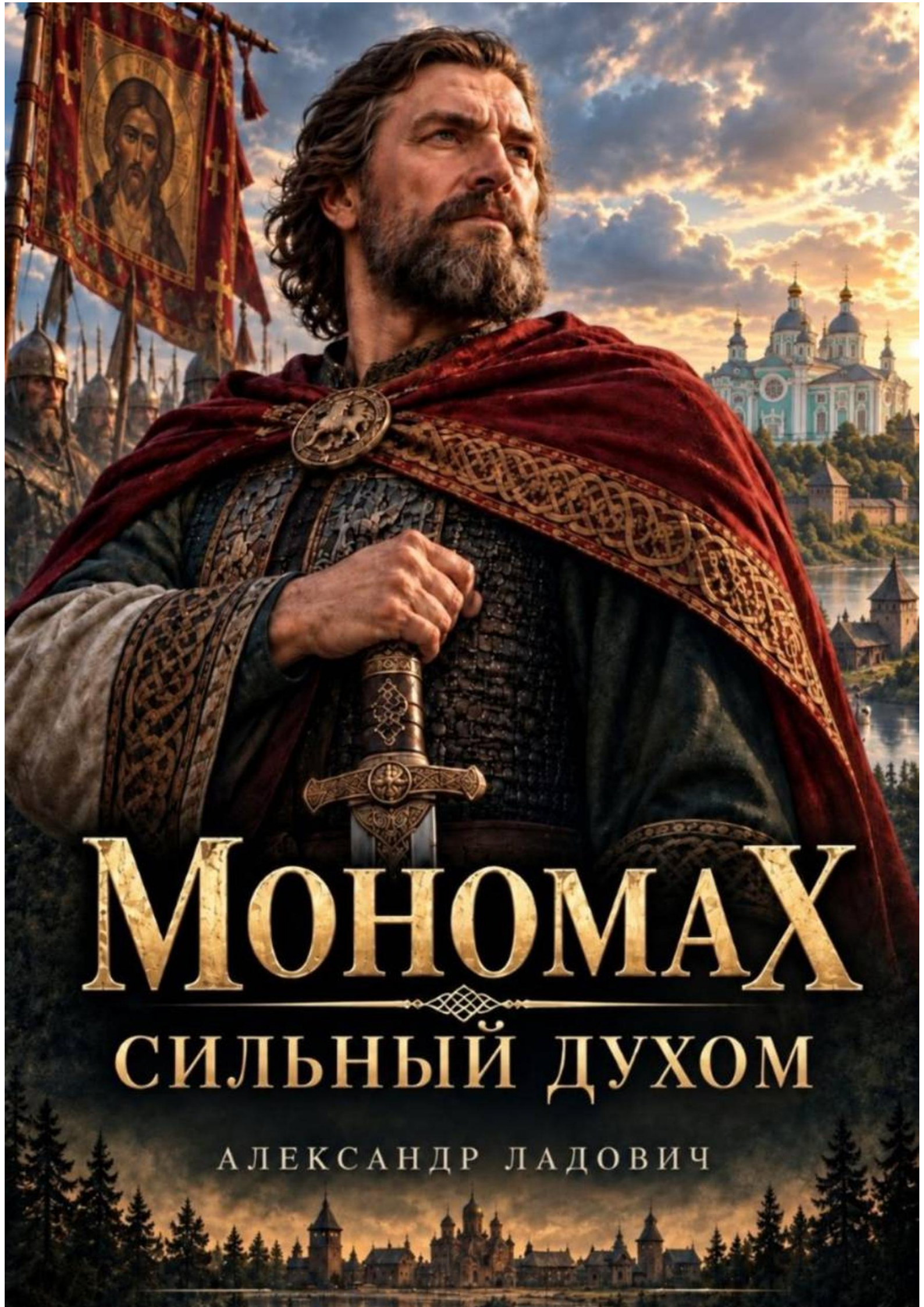

МОНОМАХ

СИЛЬНЫЙ ДУХОМ

АЛЕКСАНДР ЛАДОВИЧ

Александр Ладович

Мономах. Сильный духом

«Автор»

2026

Ладович А.

Мономах. Сильный духом / А. Ладович — «Автор», 2026

Как Мономах поступил с убийцей своего сына? 83 военных похода. Правда или легенда? «Шапка Мономаха»: реликвия великого князя или политическая выдумка? Ответы — на страницах книги «Мономах. Сильный духом». Перед вами не сухая хроника, а живая история: здесь факты дышат, а боль и гордость героев ощущаются кожей. Вы увидите Владимира Мономаха не как памятник, а как человека во плоти, которому приходилось выбирать между мстостью и миром, гордостью и долгом.

© Ладович А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Предисловие Мономаха к "Поучению"	7
Глава 1. Дед	8
Глава 2. Два дяди	11
Глава 3. Отец	67
Глава 4. Двоюродный брат	100
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Мономах. Сильный духом

*«... не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле...»
Владимир Мономах*

*«Народ, не знающий своего
прошлого, не имеет будущего»
Михаил Васильевич Ломоносов*

От автора

Дорогие читатели! Представляю вашему вниманию исторический роман, посвященный жизни и деяниям выдающегося древнерусского правителя Владимира Всеволодовича Мономаха. Этот жанр был выбран не случайно — для облегчения читательского восприятия и в надежде на то, что герои, будучи вписанными в контекст исторического не исследования, но романа станут более живыми, близкими и понятными нам, современным людям, широкому кругу читателей, хотя их реальные исторические прототипы жили на много веков раньше.

Трепетно относясь к фактам и ратуя за исключительную историческую достоверность и скрупулезную точность даже в самых мельчайших деталях, при создании этой книги я работал со множеством источников. Мое жизненное кредо — историческое просвещение. Одно из его направлений — организация и проведение различных конференций с участием ведущих историков страны, эти мероприятия проходят с 2011 года. Один из последних, под названием «Реальная история» доступен для просмотра на крупных интернет-площадках. Другое направление открывает эта книга, которую я с душевным трепетом и надеждой на благосклонный прием представляю вашему вниманию.

Свою жизнь я посвятил великой науке истории — и выступаю сейчас не только как автор художественного произведения, но и как профессиональный историк, более 15 лет изучающий материалы, связанные с Древней Русью.

Повествование основано на проверенных, авторитетных, достоверных источниках, опирается на фундаментальную историческую базу и архивные источники (в их числе — две редакции уникального произведения об истории древнерусского государства — «Повести временных лет»: первая сохранилась в составе Лаврентьевской (Суздальской) летописи, вторая — в составе Ипатьевской (Киевской) летописи), а также широкий спектр первоисточников и классических научных трудов отечественных и зарубежных ученых, изучавших и изучающих историю Древней Руси.

Жизнь Владимира Всеволодовича Мономаха была настолько насыщена событиями, имеющими ключевое значение как для его современников, так и для потомков, что во многих отечественных и зарубежных летописях фигуре этого человека уделено немало внимания. Достаточно лишь упомянуть, что его имя можно встретить на страницах Новгородской Первой летописи старшего извода, Софийской первой и Типографской летописей, в Тверском летописном сборнике, Воскресенской и Никоновской летописях. Много уникальной информации о Владимире Мономахе содержится и в других памятниках древнерусской письменности: например, в посланиях церковных иерархов того времени, адресованных князю Владимиру (послании митрополита Никифора «О посте», «Сказании о чудесах святых князей Бориса и Глеба», Киево-Печерском патерике). Законодательная деятельность князя отображена в документе под названием «Устав князя Владимира Всеволодовича», который дополнил знаменитую «Русскую правду» — основной свод законов, действовавших на территории Древней Руси до конца XV века. Помимо отечественных источников, множество сведений о жизни князя Владимира было

почерпнуто мною из иностранных хроник: византийских, польских, венгерских, немецких и скандинавских.

Огромнейший пласт информации об истории Древней Руси и о жизни князя дает нам знаменитое автобиографическое «Поучение» Владимира Мономаха, где князь подробно описал все поворотные события своей жизни. Большой интерес представляет не имеющее аналогов в мировой истории письмо, написанное им князю Олегу Святославичу.

Надеюсь, эта книга станет для вас увлекательным путешествием по истории Древней Руси и позволит увидеть легендарные события в новом свете, открыть для себя много нового и интересного, а главное — полюбить историю нашей великой страны, как люблю ее я.

С уважением, Александр Ладович

Предисловие Мономаха к "Поучению"

*«...Дети мои или иной кто, слушая
эту грамотку, не посмейтесь, но
кому она будет любя, пусть примет
ее в сердце свое...»*

Владимир Мономах

Глава 1. Дед

Метель заметала все вокруг. Ветер дул с ужасающей силой. Под его ударами могучие вековые деревья со скрипом и скрежетом клонились к земле. Их огромные ветви срывало и с неимоверной легкостью, словно перышко, уносило в кромешную снежную мглу. Свист, поднимаемый бурей, заглушающий все вокруг, объял, казалось бы, вечно тихую гавань Вышгорода.

И только несколько человек, стоявших у крыльца, заметенных с головы до ног снегом, с всклокоченными, взятыми сединой до снежной белизны косматыми бородами, не обращали внимания на ужасы, творимые природой в этот момент. Их терзала другая мысль: что теперь будет?

Что теперь будет не с ними лично, седовласыми, испещренными морщинами и изукрашенными шрамами былых, бурно прожитых лет. Что будет с великой, могучей державой, слава которой гремит в Византии и Венгрии, Священной Римской империи и Франции, Чехии и Швеции, Дании, Норвегии и Польше.

Славу, величие и могущество державы, долгие годы они ковали вместе со своим любимым князем Ярославом Владимировичем, прославившимся в веках под именем Ярослав Мудрый.

19 февраля 1054 года на руках у своего любимого сына Всеволода скончался великий князь Ярослав Мудрый.

Незадолго до этого, чувствуя приближение конца своего славного земного пути, великий князь Ярослав Владимирович призвал к себе пятерых своих сыновей и разделил между ними державу. Он передал Киев, а вместе с ним и старейшинство в роде своему второму сыну Изяславу, занявшему место первого, так как самый старший сын Владимир умер еще при жизни отца. Вместе с Киевом Изяслав получил второй по значению город — Новгород — и прочие земли от Киева на юге до Карпатских гор и Польши на западе. Второй сын, Святослав, получил Чернигов, Рязань, Муром и Тмутаракань. Третьему, Всеволоду, отцу Мономаха, Ярослав отдал Переяславль Южный, Ростов, Суздаль, Белоозеро и земли в верховьях Волги. Четвертый сын, Игорь, получил от отца Владимир-Волынский. Самому младшему, Вячеславу, отец дал Смоленск.

Ярослав Мудрый наставлял своих сыновей: «Се аз отхожу от света сего, сынове мои. Имейте в себе любовь, потому что вы — братья, единого отца и матери. И если будете в любви между собою, Бог будет в вас и покорит вам противящихся вам, и будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распри и раздорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим. Но пребывайте мирно, слушааясь брат брата...».

Отец наказывал сыновьям слушаться своего старшего брата Изяслава так же, как они слушались его самого, запретил им переступать пределы других братьев и изгонять их, при этом сказав Изяславу, если кто захочет обидеть брата своего, то Изяслав должен помогать тому, кого обижают. Власть в роде от старшего брата должна переходить к следующему по старшинству брату только правдою, а не насилием.

Любимый сын, Всеволод Ярославич, практически постоянно жил при отце в Киеве, а затем в Вышгороде.

Когда в семье Всеволода и его жены, дочери Византийского императора Константина Мономаха — Марии, родился первенец, его дед, Ярослав Мудрый, назвал младенца в честь своего отца Владимира Святого — Владимиром, в крещении же имя его было Василий.

Находясь на смертном одре, Ярослав Мудрый обратился к своему любимому сыну Всеволоду, отцу Владимира Мономаха: «Сыну мой... Если даст тебе Бог перенять стол мой по

братии своей с правдою, а не насильем, то, когда заберет тебя Бог от жития сего, ляжешь там, где я лягу, у гроба моего, потому что люблю тебя паче братии твоей».

Заслуги Ярослава Мудрого перед государством огромны: при нем Русь достигла пика своего внешнеполитического могущества, заявила о себе как крупнейшее независимое многонациональное государство мира.

Правители многих европейских держав того времени считали честью породниться с могущественным правителем огромной державы.

Сам Ярослав Владимирович был женат на Ингигерде — дочери шведского короля.

Изяслав Ярославич женился на дочери польского короля Гертруде.

Женою Святослава Ярославича была австрийская принцесса Ода.

Всеволоду Ярославичу отец выбрал в жены дочь Византийского императора Константина Мономаха — Марию.

Елизавета Ярославна вышла замуж за конунга Харальда, который в будущем стал королем Норвегии.

Анастасия Ярославна стала женой Венгерского короля Андраша I.

Анна Ярославна отправилась в далекую Францию и стала женой французского короля Генриха I.

Забота Ярослава Мудрого о своей державе была самым тесным образом переплетена с заботой о своей любимой семье.

Однако основное внимание он уделял внутреннему благоустройству своей страны. Время его правления по праву называют золотым веком Древней Руси. Благодаря многолетнему мудрому руководству Русь, которая еще недавно представляла собой объединение диких языческих племен, достигла своего художественного и духовного расцвета.

Достойный сын своего отца, Владимира Святого, Ярослав Владимирович старался не столько силой, сколько просвещением, строительством многочисленных храмов и церквей распространять и утверждать христианскую веру на Руси. В годы его блестящего и счастливого правления Киев значительно преобразился: был построен прекрасный киевский собор Святой Софии, который стал главным храмом на Руси, также были возведены каменные храмы в Великом Новгороде и Чернигове, основывались монастыри, стала распространяться грамотность, появились первые библиотеки, получило свое начало летописание, увидели свет первые иконы русских мастеров. Ярослав заботился о людях. Он создал первый свод законов под названием Русская Правда, или Правда Ярослава Мудрого, который упорядочил правовые взаимоотношения в обществе.

Тело великого князя перевезли из Вышгорода в Киев и на глазах тысяч горожан во главе с его сыновьями и митрополитом положили в мраморную раку в соборе Святой Софии. Весь город рыдал, и некому было утешить ни его сыновей, ни священнослужителей, ни простой люд. Не стало защитника Отечества. Каждый человек ощущал на себе по-отцовски добрую и ласковую заботу великого князя Ярослава Владимировича. Тяжелые, страшные и мрачные мысли наполнили головы каждого присутствующего. Смогут ли сыновья прислушаться к завещанию их великого и мудрого отца. Будут ли жить в любви и мире друг с другом?

В памяти народа вновь вставали картины кровавых междоусобных войн, когда брат поднимал меч на своего брата. Так было после гибели Святослава Игоревича. Тогда в смертельной схватке, начатой старшим сыном Святослава, Ярополком, погиб Олег, а позднее и сам Ярополк пал от рук наемников единственно уцелевшего Владимира. После смерти горячо всеми любимого великого князя Владимира Красно Солнышко его старший сын Святополк, прозванный в народе Окаянным, также поднял меч и стал вероломно убивать своих братьев. От его рук погибли позднее канонизированные в лике мучеников-страстотерпцев покровители Русской земли, братья Борис и Глеб. Святослав также погиб от рук своего брата Святополка Окаянного. И только Ярослав Владимирович смог остановить этого изверга. Огромный урон, неисчисли-

мые горести и беды приносили эти межкняжеские братоубийственные войны. Беда приходила в дома всех людей: от княжеских дружинников и бояр до простого смерда. Истреблялись целые города и села, везде царили гибель и разруха. В процветавших в мирное время городах и селах оставались только обугленные признаки бывшего счастья. В полях, ранее колосившихся золотой нивой, хозяйничали вороны и галки, все было усеяно костями ратников и их боевых коней.

И вот теперь, после трех с половиной десятилетий процветания, благополучия и спокойствия во время правления Ярослава Мудрого, люди снова с ужасом затаились в ожидании того, что будет дальше.

Глава 2. Два дяди

Вся Русь в то время управлялась двумя линиями рода Рюриковичей. Первую линию составляли потомки Изяслава, старшего сына Святого Владимира. Изяслав Владимирович умер еще при жизни отца, поэтому его потомство не могло претендовать на старшинство в роде, менять княжеские столы и ограничивалось только Полоцким княжеством.

Вторую линию составляли потомки другого сына Святого Владимира, Ярослава Владимировича. У Ярослава осталось пять сыновей: Изяслав, Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь и внук Ростислав, сын старшего Ярославича, Владимира. Князь Ростислав также вследствие преждевременной смерти своего отца не имел прав на старшинство в роде и вместе со своим потомством должен был довольствоваться тем городом, который дадут родные дяди.

После похорон Ярослава Мудрого киевский престол, как и завещал отец, занял старший из пяти сыновей, Изяслав Ярославич. Остальные князья разъехались по своим стольным городам и мирно в них правили.

Всеволод Ярославич со своей семьей жил в Переяславле. Когда его сыну Владимиру исполнилось три года, состоялась обязательная по тем временам церемония посажения княжича на коня. Все мероприятие проходило в торжественной обстановке. Еще накануне князь Всеволод отдал необходимые распоряжения о подготовке к событию, которое было значимым как для малолетнего княжича, так и для всей княжеской семьи. До этой церемонии ребенок, как правило, большую часть времени проводил при матери и многочисленных няньках на женской половине княжеского двора. После свершения этого старинного обряда мальчика переставали считать несмышленным ребенком и уже, несмотря на малолетний возраст, относились к нему как к мужчине.

В один из солнечных летних дней, при большом скоплении нарядно одетых жителей города во главе со знатными боярами и княжеской дружиной, которые были в полном боевом облачении, сверкающем на солнце и отражающем все цвета радуги дорогих нарядов их жен и детей, священнослужителями, которые степенно беседовали между собой и приветствовали всех собравшихся ласковыми улыбками и одобрительными покачиваниями головы, под звон церковных колоколов на крыльцо княжеского терема вышел высокий, статный, светловолосый, с короткой реденькой бородкой, добродушный князь Всеволод Ярославич. Подняв вверх руки, князь поприветствовал всех собравшихся. Следом за князем вышла его смугленькая, среднего роста, стройная гречанка — красавица жена Мария, которая придерживала за руку их трехлетнего сына Владимира, который хмурился и был немного насторожен из-за большого скопления людей.

В десяти метрах от крыльца стоял белоснежный конь по кличке Смирный, накрытый вышитой золотыми нитями попоной цвета бездонно-голубого неба. Поверх попоны было небольшое седло, украшенное расписной резьбой и отороченное золотыми и серебряными нитями. Расписанные золотом стремена покачивались в такт дыхания нового друга малолетнего княжича. За уздечку, украшенную серебряными и металлическими с позолотами узорчатыми бляхами, коня держал нарядный, деловитый, с кудрявой копной золотистых волос, сорокалетний крепыш — главный конюх княжеской конюшни. Конь стоял спокойно, совершенно отрешенно от всего происходящего вокруг и мерно пожевывал золоченные удела.

Всеволод взял сына за руку и медленно спустился с ним по лестнице. У крыльца стоял двухметровый широченный витязь Твердислав. Это был прославленный полководец и мудрый, уважаемый во всей Руси княжеский воевода и боярин, который еще в 1043 году вместе со старшим сыном Ярослава Мудрого — Владимиром — был одним из предводителей войска в походе на Константинополь против Византийской империи. Приняв малолетнего княжича Владимира у его отца, Твердислав взял мальчика на руки и церемониально поднял над собой. На площади

поднялся одобрителный гул собравшихся людей. Все были рады тому, что прославленный на всю Русь своим мужеством, мудростью и человеколюбием боярин был назначен воспитателем-пестуном малолетнего княжича. Собравшиеся жители Переяславля не сомневались в том, что Твердислав, как никто другой, сможет научить княжича Владимира воинскому искусству, передаст свой богатый жизненный опыт и воспитает мужественного, доброго и мудрого князя.

Твердислав посадил княжича в седло и, сопровождая его, не скрывая своей радости и гордости за предоставленную ему честь, прошел небольшой круг по площади на глазах у публики.

Все наблюдавшие торжество люди были счастливы. Их радовал настоящий момент, радовало то, что каждый из них частично, хотя бы душой и сердцем, был причастен к происходящему. И еще больше радовали мысли о том, что судьбы двух людей, прославленного Твердислава и малолетнего Владимира, на долгие годы соединялись вместе. Люди верили в то, что стараниями Твердислава вырастет князь Владимир Мономах, достойный продолжатель великих дел своих предков: деда — Ярослава Мудрого и прадеда — Владимира Святого.

По окончании торжественной церемонии князь Всеволод Ярославич дал знатный пир, на котором дарил подарки и угощал всех собравшихся, от простого смерда до знатных дружинников и бояр. Столы ломились от еды и напитков, а для тех, кто по каким-либо причинам не смог прийти на княжеский двор, Всеволод, как во времена Владимира Красно Солнышко, распорядился собрать княжеские подарки, еду, напитки и ездить на возах по улицам, раздавать всем желающим.

Первые годы правления Ярославичей протекали мирно, и братья старались сообща решать все возникающие проблемы. Однако, спустя три года, в 1057 году умер смоленский князь Вячеслав Ярославич. На его место в Смоленск из Владимира-Волынского перевели младшего из братьев, Игоря Ярославича, но и Игорь скоропостижно скончался в 1060 году. Смоленск и Владимир-Волынский старшие Ярославичи разделили между собой, оставив при этом без удела и малолетнего сына смоленского князя Игоря, Давыда, и своего племянника, Ростислава Владимировича. Тем самым великий князь Изяслав Ярославич вместе со своими братьями Святославом и Всеволодом, сами того не осознавая, заложили фундамент будущих междоусобных войн. Их племянники, князья Ростислав Владимирович и Давыд Игоревич, лишенные уделов, стали князьями-изгоями, которым волей судьбы в будущем суждено будет мечом добывать себе города для княжения, раз за разом начиная братоубийственные междоусобные войны.

В Переяславле жизнь текла тихо и размеренно. Владимир и его сестра Анна росли в атмосфере любви и гармонии. Князь Всеволод Ярославич, унаследовав от отца тягу к учению, много времени проводил за чтением книг, в основном переведенных с греческого и болгарского языков. Он любил посещать и поощрять монахов, занимающихся переводом книг, обсуждал с ними то новое, что узнал из переведенных ими текстов. При этом князь сам с любовью изучал иностранные языки и к концу жизни хорошо владел пятью языками.

Княгиня Мария, выросшая в Византии, с юных лет впитала в себя любовь к знаниям и православию. Она так же, как и ее муж, окружала себя умными и набожными людьми.

Несмотря на то, что княгиня Мария всей душой полюбила Русь с насыщенным, резко контрастирующим колоритом жизни, сильно отличающимся от Византийского, она постоянно поддерживала связь со своей родиной, расположенной далеко за степными просторами, на другом краю Черного моря. Частыми гостями княжеского двора были купцы и священнослужители, которые совершившие паломничество на святую землю и теперь описывали свои странствия. Князь и княгиня беседовали со своими гостями, с любопытством расспрашивали обо всем, что эти люди видели и что узнали нового во время своих долгих скитаний по свету. Присутствующие при этих беседах Владимир и Анна, внимательно слушали рассказы незнакомых им людей, а затем, когда гости покидали их дом, дети расспрашивали родителей о том, что им

было непонятно. Они восхищались тем, что из одной рассказанной истории им становилось известно о неведомой жизни далеко за пределами их детского, еще не совсем развитого воображения.

Анне больше нравились рассказы священнослужителей о святых местах, житиях и подвижничествах святых людей.

В свою очередь, Владимир представлял себя великим полководцем в блестящих доспехах, которому со временем во главе огромного войска будет суждено побывать во всех уголках Руси и за ее пределами. Перед его глазами всплывали картины из услышанных им историй о том, как его великие предки покоряли Византию и брали Царьград. Как Олег Вещий сначала вытащил корабли на землю и, поставив их на колеса, привел в ужас видевших многие чудеса греков, а затем, прибив свой щит над воротами Царьграда в знак своей победы, заключил мир с греками. Как Святослав Игоревич ходил походами на Дунай и, разбив болгар, хотел перенести столицу своего княжества в Переяславец на Дунае. Как тот же Святослав нанес сокрушительное поражение Хазарскому каганату, который после этого прекратил свое существование. Владимир с упоением представлял, как его прадед, Владимир Святой, принимал христианство, крестил Русь и тем самым на вечно вошел в историю.

Суровый седовласый богатырь Твердислав, который был грозой для всех, кто пытался ослушаться его или княжеской воли, всегда стоял стеной за свою дружину и простой люд, обучал княжича. Он учил его воинскому искусству: ежедневно Владимир упражнялся в верховой езде, в технике владения мечом и защите щитом, метании копья, стрельбе из лука, ловком владении специально сделанной для княжича булавой, которая хоть и весила меньше, чем у взрослого ратника, однако развивала силу и выносливость юного воина. В физических тренировках Твердислав не давал спуска еще только начинавшему набирать силу Владимиру.

Старый, закаленный в сотнях боев и испытанный в десятках дальних походов, княжеский дружинник всем сердцем привязался к княжичу и относился к воспитанию Владимира не как к служебному долгу, а растил мальчика как родного сына, всецело погрузившись в этот процесс.

По окончании тренировок Владимир любил беседовать со своим многоопытным наставником. Твердислав рассказывал княжичу о походах, в которых принимал участие еще с дедом Владимира, великим князем Ярославом Мудрым, о былой славе Руси. В рассказах он передавал своему воспитаннику жизненный опыт, учил сноровке, тактике ведения боя, подготовке и организации далеких военных походов. Наставлял бережно и с отцовской любовью относиться к вверенному под его управление городу или княжеству, заботиться о каждом человеке, невзирая на то, кто перед ним: княжеский дружинник или простой холоп, женщина-вдова, осиротевший в ходе войны ребенок или монах, житель его удела или заморский гость. Мудрый Твердислав готовил княжича встать на защиту Отечества.

Тем временем зимой 1061 года на Русь обрушилась новая, неведомая до той поры беда. На Переяславское княжество, в котором правил Всеволод Ярославич, напали половцы — новое кочевое племя, пришедшее из-за Волги и вытеснившее старых врагов Руси: печенегов, берендеев и торков.

Их владения раскинулись на огромных степных просторах. От Дона и до Дуная вся территория была захвачена бесчисленными половецкими кочевьями. По обе стороны Днепровских порогов расселились племена приднепровских половцев. На просторах, занимаемых от Днепра до низовий Дона, раскинули свои вежи причерноморские половцы. На бескрайней территории, примыкающей к обоим берегам Дона, кочевали донские половцы.

Вся эта бесчисленная масса дикого кочевого народа более ста пятидесяти лет будет из года в год нападать на Русь, грабить и жечь города и села, безжалостно убивать всех, кто попадется на их пути, невзирая на то, младенец ли это или беспомощный старик. Невольничьи рынки будут постоянно переполнены плененными и уведенными в рабство жителями Руси.

Всеволод Ярославич впервые встретился с половцами в 1054 году. Тогда они появились у границ Руси, и их хан Болуш, пообещав вечный мир переяславскому князю, увел свою орду вглубь степи. Сейчас же, не ожидавший столь стремительного нападения свирепого врага и имея при себе лишь малочисленную дружину, Всеволод отправил гонцов за помощью к братьям: в Киев к Изяславу и Чернигов к Святославу — а сам решил нанести упреждающий удар врагу. Он во главе малочисленного войска вышел навстречу черной половецкой туче, которая, будто несомая ветром, стремительно надвигалась на город, обтекая, поглощая и воспламеняя все на своем пути.

Вмиг развеялась тихая и безмятежная детская жизнь Владимира.

Срочно собранная княжеская дружина была малочисленна, многие ратники разъехались по своим селам и близлежащим деревням. Впервые Владимир увидел своего отца, облаченного в боевые доспехи, с развернутым боевым знаменем во главе вооруженного войска. В воздухе повисло тревожное напряжение. Всеволод, отдав последние распоряжения остававшемуся в укрепленном городском детинце тысяцкому об организации круговой обороны крепостных стен на случай, если княжеская дружина не сможет остановить нападение, повел своих воинов на встречу с грозным врагом.

Взволнованный, судорожно глотавший морозный воздух Владимир пошел на крепостную стену вместе со своим дядькой-пестуном Твердиславом. Через несколько минут княжич, Твердислав и все остальные собравшиеся на крепостных стенах люди со слезами на глазах, а некоторые женщины, несмотря на всю суровость времени, ревавшие навзрыд, наблюдали, как отдалается князь с дружиной от крепостных стен. Они видели, как все ярче и ярче разгорается зарево зажженных половцами сел и деревень. Клубы едкого черного дыма застилали небесную гладь и, поднимаясь высоко в небо, смешивались с тяжелыми свинцовыми облаками.

Разъяренный князь и его воины гнали коней во весь опор, чтобы помочь беззащитным людям. Если было бы в их силах, они бы взмыли в высь, чтобы потом камнем упасть и не оставить и следа от половцев-кровопийцев. Однако реальность оказалась слишком приземленная и суровая. Многократно превышающее по количеству воинов половецкое войско попросту окружило русских ратников. Бой был короткий и жестокий.

Изо всех сил рубились конные княжеские дружинники. Порою, оказавшись выбитым из седла, стоя по пояс в багровом месиве из снега и крови, русские воины вцеплялись в кишачих вокруг них половцев и вырывали их из седла, а пара удалцов-богатырей даже свалили приземистых половецких лошадей вместе с их всадниками и уже на земле бились с ними, не жалея стремительно покидавших их сил. Переяславская рать была практически полностью истреблена. Лишь с горсткой своих воинов измученный, выбившийся из сил, весь залитый кровью, с безумным от испытанного ужаса лицом, князь сумел вернуться в город. Половцы не преследовали их. Они достигли желаемой цели. Все способные оказать им хоть какое-то сопротивление были истреблены, и теперь никто не мог встать на пути их бесчеловечных убийств, грабежей и насилия.

Княжич, испытывая душевную дрожь, прижался к Твердиславу. Сердце его билось с такой силой, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Он смотрел на своего старого могущественного наставника и видел, как тот беззвучно плачет. Слезы катились по одрябшим щекам и застывали в седой бороде. Твердислав до онемения в руке сжимал рукоять своего меча. Сейчас он был бессилен. Первый раз в жизни он не находился в гуще событий, не рубил своим богатырским мечом вражеские головы, не сшибал своей пудовой булавой из седла всадников, встававших на пути этого витязя. Более сотни битв было у него позади, и всегда он с честью, достоинством, мужеством и отвагой стоял в каждой битве спина к спине, бок о бок со своими боевыми товарищами. В этот момент он с горечью понял, что минули дни его богатырской славы. Понял он и то, что на Русь напал жестокий и сильный враг. Враг, который может поработить и уничтожить всю Русь, если не сплотиться всей землей от мала до велика. Теперь в его

руках была только одна возможность и надежда — воспитать достойного, храброго и мудрого князя, который сможет поднять на борьбу и объединить Русь, встать во главе могучей силы, таившейся в каждом землепашце и лесорубе, ремесленнике и княжеском дружиннике, боярине и князе. Твердислав смотрел на Владимира и думал о том, что в будущем ожидает этого князя, что ожидает великую Русь?

Половцы, как саранча, истребляющая все на своем пути, разбрелись по Переяславскому княжеству. Страшные бедствия принесли они в те дни Русской земле. Стон и душераздирающие крики витали над землей. Обезумевшие от горя местные жители выбегали из мгновенно вспыхивающих деревянных домов. Пока люди пытались спасти из огня свое имущество, та легкая домашняя одежда, в которой их застигла беда, в считанные минуты превращалась в жалкие лохмотья. Не замечая этого, ступая обгоревшими ногами по колено в снег, они пытались спасти свою семью. Везде, где появлялись дикие всадники с черными от повсеместной копоти лицами, во тьме сверкала их закругленная сабля, не успевавшая просохнуть от невинной крови. Вновь и вновь арканы с визгом накидывались на попадавшихся на их пути мирных жителей. Женщин и девушек подвергали насилию, а затем убивали или забирали в плен. Мужчин вязали и вереницами отправляли в степь для последующей продажи на невольничьих рынках. Стариков и детей либо бросали на землю и топтали копытами коней, либо рубили на месте. Вокруг на необозримые пространства полыхало кровавое зарево пожаров. Дома, дворовые постройки со всем имуществом, которое наживали долгие годы, превращались в пепел. Весь домашний скот, который заживо не сгорел в хлевах, угоняли в степь.

Трое суток длился этот ад на Переяславской земле. На много верст вокруг Переяславля все было уничтожено. Лишь потому, что возы были переполнены награбленным русским добром и вся округа превращена в пепел, половцы повернули обратно к себе, в бескрайнюю дику степь.

Куда-то за горизонт, в ярко-алую даль зимнего заката, тянулись караваны скрипящих под грузом добычи половецких повозок. За ними шли, погоняемые ударами жестких кожаных плетей, выбившиеся из сил, полуобнаженные, с изрубленными до костей спинами, связанные пленные люди. Их судьба теперь была обречена. Даже если они выживут во время дальнего голодного и изнеможительного перехода до места стоянки половецких орд, им суждено погибнуть где-то в степи или быть проданными в рабство на невольничьем рынке и сгинуть в неведомых краях. Табуны домашнего скота половцы гнали отдельно и, не скрывая своего удовольствия, любовались хорошо откормленными животными. Было видно, что они гораздо больше ценят коней, коров и овец, чем с трудом передвигавшихся, осунувшихся и бредущих, словно тень, людей.

Не многим жителям удалось чудом уцелеть в тех местах, где прокатилась истребительная половецкая волна. Измученные и голодные, в жалких оборванных и обгоревших обносках, с распухшими и красными от бессонных ночей глазами, молча брели они к Переяславлю в надежде на помощь.

Многие из них были с отмороженными конечностями. Одних, которые босиком долгое время стояли в снегу, прячась от неминуемой гибели, несли на носилках. Других, которым посчастливилось оказаться в теплой обуви, вели с перемотанными тряпками обмороженными руками. Почти на всех были следы засохшей крови.

Они мало походили на живых людей, больше напоминали мертвецов, не понятным образом бредущих туда, где нет пожарищ, есть еда и обогрев.

Все жители города находились в подавленном состоянии духа. Еще большее угнетение создала история, невольными свидетелями которой, а потом и распространителями рассказов о ней, стали люди, находившиеся в один из этих скорбных дней у входа в город. Там, как видимо, сошедший с ума от горя мужик лет сорока, с черными отмороженными кистями рук, стоя в воротах города, пытался перекреститься, но скрюченные, замерзшие пальцы его не слуша-

лись. Он не понимал, что происходит, стучал кистями одна об другую, пугая городских жителей звонким и объемным, возносящимся ввысь звуком. Казалось, что это бьют друг о друга двумя промерзшими березовыми поленьями. При этом мужик нечленораздельно раз за разом пытался сказать, что случившийся набег половецкой орды — это кара Божья за те преступления, которые люди творят ежедневно, сами того не осознавая.

Владимира до глубины души на всю жизнь поразило то, что он увидел в эти несколько дней.

Шло время. Переяславское княжество возрождалось из руин. Князь Всеволод Ярославич заботился о восстановлении сожженных сел и деревень. Не жалея своей казны, он оказывал помощь всем пострадавшим жителям. Днем и ночью вместе со своим сыном Владимиром они объезжали всю переяславскую округу. Одним раздавали из своих уцелевших владений лошадей, коров, овец и прочую домашнюю живность, другим выделяли деньги для покупки необходимого хозяйства.

Землепашцы и скотоводы, торговцы и ремесленники брались за топоры и пилы, валили вековые деревья, восстанавливали свой быт. Отстроив свои неказистые избы, смерды принялись возделывать поля. И снова взошли, и зазеленели нивы. Глядя на вновь зарождающуюся жизнь, все тешили себя мыслями о мире и спокойствии.

Одновременно с восстановлением жизни на селе Всеволод уделял большое внимание улучшению обороноспособности Переяславля и всего княжества. Были обновлены и укреплены стены города. Старый, поросший травой и кустарником вал насыпали гораздо выше прежнего уровня, его склоны сделали более крутыми. Ров углубили и расширили. Внутри города создавались запасы на случай длительной вражеской осады. Далеко вглубь половецкой степи выставлялись сторожевые посты. При появлении половцев зажигался сигнальный костер, дым которого был виден на большом расстоянии. Такой сигнал сразу передавали от одного поста к другому, и скоро все знали о приближающейся опасности.

Всеволод ежедневно привлекал сына к управлению княжеством. Юный Владимир вместе с отцом помогал нуждающимся, вершил справедливый суд над провинившимися, познавал все тонкости хозяйственной жизни, проверяя службу многочисленных тиунов, развивал свои знания и умения по обороне княжества, присутствовал при получении вестей от гонцов из других городов.

Всеволод давал поручения сыну, к выполнению которых грамотный и рассудительный княжич подходил с полной ответственностью.

Отец готовил сына к самостоятельной жизни. Всеволод и Твердислав словом и делом старались передать Владимиру весь свой богатый жизненный опыт.

Твердислав с радостью наблюдал, как хорошо развитый физически княжич мастерски упражняется в воинском искусстве, состязаясь со взрослыми воинами. Превозмогая боль и усталость, он упорно шел к поставленной цели. Радовало боярина и то, что Владимир обдуманно подходил к каждому делу.

Любознательный, всесторонне развивающийся сын Всеволода с удовольствием проводил время за изучением богатой библиотеки отца и матери. Княгиня Мария любила беседовать с Владимиром на православные темы. Часто она приглашала сына, когда у нее были заморские гости или священнослужители. Когда мать слушала степенные суждения возмужавшего не по годам Владимира, ее сердце переполнялось радостью.

Хрупкий мир на Руси нарушил племянник Ярославичей, князь Ростислав. Молодой и энергичный князь был недоволен второстепенной ролью и уделом, который дали ему родные дяди. Он решил действовать. Мечом и воинской доблестью добыть то, что сам себе пожелает.

В 1064 году Ростислав бежал в далекую Тмутаракань (современная Тамань). Этот город был владением черниговского князя Святослава Ярославича, который посадил там княжить своего старшего сына Глеба.

Тревожное напряжение вновь затаилось в воздухе. Несмотря на то, что Тмутараканское княжество находилось далеко от остальной Русской земли, начавшаяся междоусобная война могла коснуться любого жителя. Князя, не зная, как дальше будут развиваться события, вооружались. Звон плотницких топоров сменился звоном оружия.

Отважный князь Ростислав собрал из любителей вольности сильную дружину и выгнал из Тмутаракани княжившего там Глеба Святославича. Черниговский князь Святослав Ярославич пошел на помощь своему сыну. Ростислав не стал сражаться со своим дядей и уступил город без боя. Однако, когда Святослав Ярославич с войском ушел обратно в Чернигов, Ростислав вновь занял город.

Вскоре храбрый князь Ростислав организовал серию удачных походов и подчинил своей власти территории соседних народов.

Тмутаракань — богатый торговый город, столица Тмутараканского княжества, граничил с владениями Византийской империи. Господствовавшие в Корсуни (Херсонесе) греки испугались соседства с таким воинственным князем и решили прибегнуть к коварству.

Византийцы отправили послом к Ростиславу знатного чиновника (котопана) из Корсуни. Лживыми речами котопан вкрался в доверие к молодому князю. Однажды Ростислав устроил пир для своей дружины. Высокопоставленного византийского посла пригласили на этот пир. Удачливый Ростислав щедро угощал свою дружину. Столы были переполнены изысканными блюдами, дорогими заморскими винами в серебряных и золотых сосудах. Князь не жалел подарков для своей любимой дружины, которая столь стремительно вознесла его на вершину воинской славы и богатства. С любовью относился гостеприимный Ростислав и к знатному византийскому послу. Котопан смотрел на князя, приветливо улыбался, а в глубине коварной души в очередной раз продумывал свой черный план.

Успех вскружил голову храброму князю. Дождавшись, когда вино усыпит бдительность разгорячившихся Ростислава и дружины, продавший душу дьяволу котопан обратился к захмелевшему удалыцу: «Князь! Хочу выпить за твое здоровье!» — и Ростислав ответил ему: «Пей». Котопан поднял до краев наполненную лучшим вином золотую чашу, украшенную драгоценными камнями. Выпив половину, он, словно хищник, незаметно выпустил спрятанный под ногтем яд в чашу и передал Ростиславу. Ничего не подозревавший князь допил переданную послом чашу и продолжил пир.

На следующий день посол убыл обратно в Корсунь. Гордый своим коварством, он объявил жителям Корсуни, что на восьмой день гроза Тмутараканского княжества и всех ближайших земель князь Ростислав умрет от выпитого на пиру яда. Так и случилось. Храбрый в битвах, добрый, чувствительный и великодушный князь Ростислав, не достигший полного расцвета своих дарований, умер. У него остались жена и три сына: Рюрик, Володарь и Василько. Судьба их вновь круто изменилась. После выпитой Ростиславом чаши с отравленным вином его семье суждено будет испить горькую чашу долгих лет лишений и скитаний. Одному Богу известно, что ожидает женщину с тремя малолетними детьми в далеких чужих краях.

Гнушаясь таким вероломством своего посла, жители Корсуни забили насмерть котопана камнями.

Наступил 1066 год. Владимиру исполнилось 13 лет. Пришло время его самостоятельного княжения. Отец дал в управление сына Ростов, один из старейших городов Руси, официальная история которого начинается с 862 года.

В свое время, когда Ярослав Мудрый был еще моложе Владимира, он также начинал свой княжеский путь в Ростове, оставаясь в этом городе более 20 лет.

Отец, мать и Твердислав руководили подготовкой отъезда Владимира в Ростов. Всеволод Ярославич выделил все необходимое имущество, которое понадобится сыну на новом месте. Кроме хозяйственных принадлежностей в обоз положили книги, чтобы юный князь мог продолжить свое обучение. В подготовке к отъезду Владимира в Ростов принял участие и епи-

скоп Переяславский, живший в любви и согласии с княжеской семьей. Зная о том, что многие люди в Ростово-Суздальской земле все еще исповедуют язычество, епископ отправил вместе с Владимиром двоих священнослужителей, чтобы они несли слово Божье и помогали людям утвердиться в православной вере.

Твердислав особо заботился о подготовке дружины. Он отобрал три отряда по тридцать человек. Главами этих отрядов поставили Ратибора, Ставра и Лучезара. Все как один дружинники были храбрые и мужественные в бою, спокойные и вдумчивые в повседневной жизни. Опытная и сплоченная дружина любила и уважала юного князя Владимира. Каждый из девяноста трех ратников испытывал чувство гордости за доверие, которое оказала им княжеская семья и многоопытный Твердислав.

Сборы закончились. Пришло время отправляться в путь. Дружина Владимира, сверкая доспехами, в полном боевом облачении собралась на княжеском дворе. Седовласый Твердислав гордо окинул взглядом своих воспитанников. Не обращая внимания на свой почтенный возраст, он, как в былые времена, величаво восседал на ретивом коне. Ощущая приподнятое настроение своего хозяина, черный как смоль конь, по кличке Вихрь, рьяно бил копытом землю, с храпом качая головой и пуша свою густую, почти касающуюся земли гриву.

Князь Всеволод давал последние наставления Владимиру. На глазах княгини Марии блеснули слезы. Чуть слышно всхлипывая, она старалась сдержать в себе тревогу, разрывавшую материнское сердце. Отец и мать благословили сына. Владимир каждой клеточкой своего организма ощущал родительскую любовь и ласку, тепло и уют родного дома. Мгновенно пролетели детство и юность. В свои 13 лет он окончательно отправлялся во взрослую жизнь.

Шли долго. Первое самостоятельное княжение Владимира начиналось с опасного похода. От Переяславля до Ростова нужно было преодолеть более тысячи километров.

Путь к Ростову пролегал через земли вятичей. Гордое и непокорное славянское племя, проживающее в дремучих лесах, только формально находилось в подчинении Киева. Еще в 964–966 годах князь Святослав Игоревич в результате своих походов впервые завоевал эти земли. Однако скоро свободолюбивые люди восстали и отделились от Руси. Уже на протяжении ста лет русским князьям регулярно приходилось осуществлять походы, чтобы восстанавливать свою власть над этим народом.

Дружина Владимира с обозом продвигалась вперед осторожно. Они были готовы в любой момент отразить нападение воинственных вятичей. Ставр вел свой отряд впереди. Лучезар со своим отрядом, Владимир и Твердислав ехали в середине. Ратибор с отрядом предостерегал нападение сзади.

Вековые леса обьяли и поглотили путников. Порой солнечные лучи не могли пробиться через кроны могучих дубов и сосен. Необъятные стволы деревьев вставали на пути, словно богатыри, высеченные из камня. Дороги были только вблизи сел и деревень. Заросшие тропинки тонкой лентой уходили в непролазные дебри. Выежая на поляны, Владимир наслаждался всей палитрой цветущего леса, глубоко вдыхал благоухающий воздух.

Этот затерянный потайной мир жил особой, неведомой жизнью. Непуганые звери и птицы на протяжении всего пути сопровождали переяславских гостей. Белки, перепрыгивая с ветки на ветку, с любопытством наблюдали за теми, кто потревожил их тишину. Зайцы выскакивали из-под копыт коней. Огненно-рыжие лисы то и дело украшали собой расписные поляны. Выехав на очередную опушку леса, впереди себя Владимир увидел вековой дуб. Его массивные ветви, скрипя под своей тяжестью, размеренно покачивались на ветру. Земля под кроной дерева была усыпана желудями. Кабаны, насытившись этим изобилием и решив побаловать себя корешками, изрыли все вокруг. Лось-великан с гигантскими разлапистыми рогами неожиданно выбежал и чуть не сбил одного из дружинников вместе с его боевым конем.

Поселения вятичей располагались далеко друг от друга. Владимир хорошо запомнил свою первую встречу с этим народом. Деревня, в которую переяславцы вдруг въехали из леса,

оказалась как на ладони. Она состояла из двух десятков крепких домов и напоминала грибную поляну, на которой выстроились коренастые боровики. Стены были срублены из массивных, тяжелых бревен. Рядом с домом располагался хлев с домашними животными и небольшие постройки для хранения урожая. Несмотря на всю простоту строений, та основательность и аккуратность, с которой все было сделано, указывали на мастерство здешних жителей и вызывали уважение к их хорошо организованной хозяйской жизни. Во дворе почти у всех домов виднелись выделанные шкуры диких зверей, добытые во время охоты. Стояли кади для меда, собранного во время бортничества. Для защиты от нападения деревня была окопана рвом, землю из которого вятичи насыпали в вал, опоясывающий все их владения.

Семь косматых и угрюмых мужиков, пристально всматриваясь в непрощенных гостей, с топорами в руках вышли из деревни и направились в лес. Остальные местные жители настороженно встретили князя и его дружину. Сердце Владимира участило свое биение. В голове промелькнула мысль о возможном нападении. Рука рефлексивно потянулась к рукояти меча. Возникшая пауза усилила волнение. Наконец из толпы собравшихся местных жителей вышел здоровый, хмурый мужик с широкой окладистой бородой и, узнав с какой целью гости прибыли в деревню, пригласил князя к себе в дом.

Также настороженно отнесся и Владимир к хозяину дома, в котором он расположился вместе с Твердиславом. Внутри жилища все было предельно просто. Никаких убранств, только все необходимое для жизни. Стол и лавки были сделаны также из массивного дуба. На стенах, как и во дворе, висели звериные шкуры, приготовленные для отдачи дани, обмена и продажи того, что останется в излишке.

Казавшийся на первый взгляд хмурым и угрюмым мужик щедро угостил своих гостей. В тех местах в лесу в изобилии обитали дикие животные и птицы, реки и озера были наполнены разнообразной рыбой. Деревья были обвешаны бортами. Вятичи славились не только своим своенравным характером, но и трудолюбием. Они удачно охотились и ловили рыбу, собирали мед диких пчел, выращивали хлеб. Результаты всех этих кропотливых трудов и были радушно выставлены на стол. Пообщавшись с хозяином дома и другими жителями этой деревни, Владимир был приятно удивлен. Несмотря на свою внешнюю суровость, если их не обижают, эти люди такие же отзывчивые и гостеприимные, как и жители его родного Переяславля.

Поблагодарив хозяина за радушный прием и щедро наградив его подарками, Владимир двинулся дальше в путь. Спустя короткое время он увидел тех самых семерых угрюмых мужиков с топорами. Обливаясь потом в знойную жару, мужики выкорчевывали пни сгоревших огромных деревьев. Это была их привычная работа. Сначала сжигали лес, затем выкорчевывали оставшиеся после пожара пни и, распахав освободившуюся территорию, вятичи выращивали хлеб. У Владимира ком в горле встал, когда он увидел, какой ценой достается хлеб этим людям. В тот момент он на всю оставшуюся жизнь сделал для себя два очень важных вывода. Во-первых, первое мнение о человеке может быть обманчиво. Во-вторых, даже своенравные и суровые люди ценят мир и доброе отношение к себе. В этом случае с них спадает пугающая защитная маска, и перед тобой во всей красе расцветает доброе и отзывчивое сердце.

Владимир поделился своими мыслями с Твердиславом. Мудрый наставник подтвердил верность мыслей князя. Взглянув на Владимира, Твердислав, зная доброе сердце юного князя, добавил, что, как и под суровой маской может быть доброе сердце, так и под личиной ласки, радушия и преданности могут скрываться коварство и опасность. Именно поэтому никогда не надо ослаблять бдительность.

В пути Владимир с дружиной делал привалы на берегу рек или на больших полянах, открывающих свободный круговой обзор во избежание неожиданного нападения. Ночевали в деревнях, а если таковых не было, то ложились под открытым небом. При этом Владимир отвергал какое-либо к себе особое отношение и старался ничем не отличаться от своих дружинников.

Во время всего длительного пути столкновений с местными жителями удавалось избегать благодаря доброму и ласковому отношению к людям самого князя Владимира и всей его дружины.

Наконец долгий путь из Переяславля был позади. Подошли к Ростову.

В то время Ростов был одним из двух самых главных городов Ростово-Суздальской земли. Долгие годы власть в этих местах представляли княжеские наместники, и лишь на короткое время этот город братья Ярославичи давали в управление своему племяннику, Ростиславу Владимировичу.

За долгое время отсутствия единовластного правителя город постепенно стал приходить в упадок. Он, бесспорно, сохранял свою важность в политическом значении. Ростов, Суздаль и Белоозеро являлись форпостами Переяславского княжества в северных землях. С первого взгляда становилось понятно, что в городе не хватает хозяйского присмотра. Крепостные стены обветшали, в некоторых местах врагу не составило бы труда преодолеть их. Внутри города продолжалась бойкая торговля, и потому могло показаться, что жизни в нем кипит. Однако постоянное отсутствие князя и частая смена княжеских наместников вели город к запустению. Прибывший в город новый наместник, как правило, приводил своих людей. Они занимали места в верхушке властной иерархии, отодвигая от дел ставленников предыдущего представителя власти. Начатые старой властью благие дела не доводили до конца. Наперекор им новая власть делала все по-своему, часто не считаясь с необходимостями и желаниями жителей. Стараясь обогатиться за короткий срок, до тех пор, пока их не сменит новый наместник, они жили только своими интересами. Полвека такой чехарды во власти сделали свое дело. Город срочно нуждался в энергичном, заботливом, а главное постоянном правителе.

Владимир сразу принялся за дело. Выросший в Переяславле, постоянно находившемся под угрозой нападения, он первым делом взялся за повышение обороноспособности города. Восстановил и обновил крепостную стену, укрепил вал, очистил, расширил и углубил ров. Отдал распоряжения на подготовку припасов как военных, так и хозяйственных, необходимых на случай длительной осады. Еще совсем недавно он наблюдал, как все это делает его отец, Всеволод Ярославич, и вот уже он лично организывает и контролирует работу во вверенном ему городе. Ответственным за повышение обороноспособности города Владимир назначил Ратибора.

Лучезар занялся мирной жизнью Ростова. Он разобрался со всеми возникшими до их прибытия трудностями. В присутствии Владимира и Твердислава были восстановлены все нарушенные права жителей. Всем людям стали оказывать помощь.

Ставру Владимир поручил заняться княжеской дружиной. Девяносто три человека в дружине — это слишком мало. С такой военной силой Владимир находился в постоянной опасности и не смог бы защитить город в случае вражеского нападения.

Сам Владимир с прибывшими вместе с ним из Переяславля двумя священнослужителями и Ростовским епископом обратил внимание на Успенский собор. Это деревянное здание было построено еще во времена Владимира Святого. С тех пор собор обветшал и теперь нуждался в восстановлении.

Везде в Ростово-Суздальской земле закипела работа. Жизнь под руководством молодого и энергичного князя стала стремительно возрождаться. Владимир все контролировал сам. Каждый день он объезжал город и его окрестности, беседовал с местными жителями и со своими дружинниками, стараясь разобраться во всех возникающих сложностях и помочь в их решении.

Твердислав был доволен своим воспитанником.

Всего за полгода все изменилось до неузнаваемости. Ростов сбросил с себя налет уныния и печали.

Кузнецы были завалены работой. Старые кузни не успевали выполнять все заказы, Владимир распорядился строить новые. Для работы в них молодой князь привлек жителей близ лежащих сел и деревень. Землепашцам ковали лемехи для плугов, лесорубам изготавливали пилы и топоры. Для дружины и пеших воинов делали щиты, шеломы (шлема), кольчуги, мечи, боевые топоры, наконечники копий и стрел.

Стук плотницких топоров не умолкал днем и ночью. Как грибы после дождя везде появлялись новые дома. Городские улицы, точно в пору былого процветания, заиграли в солнечных лучах.

Купеческие караваны потянулись на торговую сторону. Древнерусские ремесленники только железных изделий производили более 150 видов! Гончары, плотники, ювелиры и мастера выделки кожи со всем разнообразием своих изделий радостно встречали местных жителей и иностранных гостей. Ходившие по торговым рядам люди, поддавшись всеобщему оживлению, баловали себя и своих близких приятными покупками. Все были довольны: ремесленники тому, что их труд нашел своего покупателя; горожане тому, что их город наполнился изобилием.

Ощетинилась новым частоколом крепостная стена. Местные жители, видя, с какой любовью и заботой относится к ним Владимир, с радостью откликались на призыв пополнить его войско. Княжеская дружина, обеспеченная всем необходимым, росла с каждым днем. Воевода Владимира, Ставр, обучал новобранцев ратному искусству.

Под постоянным княжеским контролем ремонтировали и восстанавливали Успенский собор. К зиме здание засияло новыми красками.

Сердце Владимира наполняла радость при виде стремительно преобразившихся города и окрестностей. Люди благодарили юного князя за усердие, с которым он нес добро в их дома. Вспоминая правление в Ростове деда Владимира, Ярослава Мудрого, которое продлилось более 20 лет, жители надеялись, что заботливый и энергичный князь Владимир также долго и благополучно будет править в их земле.

В то время, когда под покрывалом снега Ростов уснул и его жители в обновленном Успенском соборе молились о продолжении счастливой спокойной жизни, к Владимиру прибыли гонцы от отца.

Вести были тревожные. Князь Всеволод Ярославич сообщал сыну, что враждующий с родом Ярославичей полоцкий князь Всеслав нарушил мир на Руси и начал новую кровопролитную войну. Всеслав с войском неожиданно вышел из своих владений и напал на Новгород. Войско новгородского князя Мстислава Изяславича, сына великого князя Изяслава Ярославича, было разбито. Новгород был разграблен. Всеслав не пощадил и святыни, разграбив новгородский собор Святой Софии и другие храмы. Многие жители Новгорода и окрестностей были убиты или уведены в плен в Полоцкое княжество. Князь Всеслав безжалостно вонзил нож в Русскую землю, начав братоубийственную войну. Гонцы сообщили, что братья Ярославичи — великий князь Изяслав, черниговский князь Святослав и отец Владимира, переяславский князь Всеволод — решили объединить свои силы и разбить полоцкого князя Всеслава. К объединенному войску Ярославичей и Владимир должен привести свою дружину.

Сердце Владимира сжалось от боли. Юный князь не понимал этой жестокости. Он, выросший на границе с дикой степью, свyksя с мыслью о необходимости защищаться от свирепых кочевников. Но сейчас брат поднимал меч на брата. За что эта беда пришла на Русь? Зачем льется невинная кровь? Кто осушит слезы вдов и сирот этой войны?

Еще вчера мир и спокойствие царили в Ростовской земле. Люди радовались своей размеренной жизни, создавали семьи, растили детей, строили планы на будущее. А сегодня война пришла в их дом. Война, которую не они начали. Война, горькую чашу которой им вновь придется испытать сполна.

В первый раз Владимир готовился выступить в боевой поход. Вместе с князем его верные товарищи, воеводы Ратибор, Лучезар и Ставр спешно собирались в путь.

Многokrатно возросшая, обученная, сверкающая оружием и доспехами дружина была готова в короткий срок. Обозу Владимир уделял особое внимание. Путь был далекий и тяжелый. Мороз установился лютый. Непролазные сугробы грозной преградой вставали на пути.

Сборы закончились. Пришло время прощаться. Душа тяготилась у юного князя. За столь короткое время он успел полюбить этих суровых на первый взгляд людей, привязался и к задумчивым, вечно покрытым тайной дремучим лесам. Провожая своего молодого князя, жители Ростова с тревогой думали, вернется ли их добрый и заботливый правитель, или судьба снова их ввергает на долгие годы в пучину безвластия и беззакония.

Больше всего разрывало сердце князя решение Твердислава. Все эти полгода, что они находились в Ростове, седовласый наставник наблюдал за Владимиром. Твердислав уже не вмешивался в распоряжения юного князя. Мудрый старец с радостью осознал, что те зерна, которые он десять лет старательно вкладывал в душу и сердце Владимира, попали на плодородную почву. На его глазах вырос добрый, хозяйственный, умный и рассудительный, глубоко верующий князь, преисполненный отеческим долгом, заботой и любовью к людям. Душа Твердислава давно влекла его к уединению. И теперь наставник решил, что Владимир готов продолжить свою жизнь самостоятельно. Перед своим уходом Твердислав обратился к Владимиру Мономаху:

— Княже, этот меч мне передал твой дед Ярослав Мудрый. Пятьдесят один год твой дед и я хранили его. Меч этот принадлежал благоверному князю Борису, убитому его братом Святополком Окаянным. Даже находясь перед лицом неминуемой гибели, Борис не поднял его против Руси и против своего брата, каким бы ни был кровожадным извергом Святополк. Воины издревле давали имена своему оружию. Меч свой князь Борис нарек именем Справедливый. Помни, княже, имя его. Помни, кому он принадлежал долгие годы. Ни дед твой, ни я не посрамили ни род свой, ни имени, ни чести меча этого. Береги его, княже, и вынимай из ножен только по прямому предназначению — против врагов Отечества нашего. Да пребудет с тобою, любый мой княже, премилостивый Господь Бог наш на многие лета!

Старец Твердислав благословил Владимира Мономаха, попрощался и убыл в Киево-Печерскую лавру, туда, где ему предстояло достойно закончить свой великий жизненный путь.

Владимир вел войско, а мысли его летали где-то далеко, в Полоцком княжестве, под Минском, где было назначено место сбора всех князей. Кровь в жилах стыла при одной мысли, что он идет на братоубийственную войну. Тяжести похода его не пугали. Если бы он шел отражать набег половцев, тревога бы присутствовала, но она не сравнима с тем чувством, которое тяжелым грузом сейчас лежало на его сердце.

Он не понимал происходящего. Как мог полоцкий князь Всеслав нарушить мир на Руси и напасть на Новгород? За что его дружина убивала невинных людей? Зачем он губил семьи и уводил в плен многих жителей Новгородской земли?

Ходили слухи, что злой и кровожадный князь Всеслав — чародей. Что он носит повязку на голове, под которой скрывает какую-то язву. Но это все слухи.

Погруженный в эти мысли, Владимир не замечал тяжести похода. Кони продвигались с трудом, грудью пробивая себе путь сквозь метровые сугробы. Мороз не отступал. Промерзшие деревья звонко трещали, ломаясь под пышной шапкой снега.

Вновь и вновь настигали юного князя тяжелые думы. В голове Владимира мысли перебывали одна другую. Бледнея от страха, вздрагивая от ужаса, он не мог себе представить, как поднялась рука Всеслава разграбить собор Святой Софии и другие храмы в Новгороде.

В глубине души у Владимира теплилась надежда, что его отец, великий князь Изяслав и черниговский князь Святослав, собрав большое войско, хотят напугать Всеслава и принудить к

миру. Владимир надеялся, что та черная туча, которая нависла над Русью, рассеется благодаря братской любви и прощению друг друга.

В таких мыслях подошли к Минску.

К моменту прибытия Владимира с дружиной в назначенное место сбора братья Ярославичи уже стояли у стен небольшого города. Минск находился в осаде. Объединенное киевское, черниговское и переяславское войско плотным кольцом охватило свою жертву.

Княжеские дружинники жгли костры, пытаясь согреться в лютую стужу. Сотни огненных языков, извиваясь как змеи, пожирали сучья деревьев. Огонь, издавая зловещий треск, с жадностью впивался в свою добычу, поглощая предместья Минска.

Тепло манило к себе столпившихся вокруг людей. Звон оружия, треск костра, кипящий рой красных, желтых и синих извивающихся огненных змей, взмывавшие ввысь искры напоминали ужасающие картины языческих жертвоприношений. Минск оказался той самой жертвой межкняжеской войны.

Вся округа была заставлена шатрами и телегами из обоза. Покрытые плотной шапкой кристально-белого инея, понурые кони переминались с ноги на ногу. Наполняя воздух раздраженным фырканием, они показывали своим всадникам, что изрядно застоялись и ждут дальнейших действий.

Князь Владимир отдал распоряжения Ставру о размещении своей дружины, а сам в сопровождении Лучезара и Ратибора убыл к старшим князьям Ярославичам. Нарядно украшенный шатер великого князя Изяслава Ярославича выделялся из общей промерзшей серой массы.

Владимир вошел в шатер. Взгляды всех присутствующих устремились на нового гостя. Перед ними предстал в полном боевом облачении пышущий здоровьем коренастый молодой князь. Внутри шатра было тепло. Промерзшие доспехи сразу покрылись белой пеленой инея. В глаза переяславского князя Всеволода Ярославича молнией ударило стремительное преобразование его сына. Владимир возмужал. На его лице запечатлелась уверенность в своих действиях. С детства свойственное спокойствие теперь приняло черты мудрости и размеренности. Долгое время не встречавшиеся со своим племянником великий князь Изяслав Ярославич и черниговский князь Святослав Ярославич заметно удивились, увидев перед собой не юношу, а вполне сформировавшегося молодого князя. В шатре присутствовали сын Изяслава Ярославича — Мстислав — и сын Святослава Ярославича — Олег. Похожие между собою внешне — высокие, жилистые с густыми темными волосами по плечи и еще реденькими бородками — двоюродные братья настороженно вглядывались во Владимира, видя в нем будущего соперника на их пути к управлению Русью. Все присутствующие хорошо знали об успехах Владимира в Ростове. Отец гордился сыном. Дяди встревоженно наблюдали за стремительно набиравшим политический вес племянником. Двоюродные братья, несмотря на то, что были на пару лет старше Владимира, уже сейчас начинали его побаиваться.

Князья обняли Владимира, поприветствовали и поблагодарили за скорое прибытие им на помощь против общего врага Всеслава. Усадив молодого князя за богато накрытый стол, братья Ярославичи расспросили о его делах в Ростове. Владимир рассказал о своих начинаниях в своем уделе, о своей дружине и о том, как добрался из Ростова до Минска. После непродолжительной беседы перешли к делу.

Разгоряченные дорогим вином в золотых кубках, великий князь Изяслав Ярославич и черниговский князь Святослав Ярославич возбужденно ходили по шатру, потирая ладони в предвкушении добычи.

Князь Изяслав всячески старался показать свое богатство и значимость. За столом он вел себя совершенно развязно. В пылу своих речей небрежно бросал золотую посуду, вставал и демонстративно прохаживался по шатру, стены и пол которого были украшены дорогими коврами.

Черниговский князь Святослав пытался не отставать от великого князя. Несмотря на то, что он был вторым по старшинству после Изяслава, Святослав боялся оказаться в тени своего старшего брата. Кроме того, что он полностью поддерживал Изяслава Ярославича в необходимости разбить полоцкого князя, Святослав своими речами подливал масло в огонь конфликта и пытался показать себя инициатором всего похода.

Отец Владимира, переяславский князь Всеволод Ярославич, сидел нахмуренный и подавленный. Было видно, что он не разделяет воинственного настроения своих братьев. В силу своего мягкого характера, отсутствия полководческих дарований и преклонения перед старшими братьями, он не высказывался против, а молчаливо шел у них на поводу.

Владимир, его двоюродные братья Мстислав и Олег молча, внимательно слушали старших Ярославичей. По доспехам Владимира, словно слезинки, катились капельки растаявшего инея.

Наконец великий князь Изяслав Ярославич и черниговский князь Святослав Ярославич решили брать штурмом Минск после того, как к его стенам подойдут дружины оставшихся городов, подвластных им. Отец Владимира не говорил ничего в их поддержку, но и не попытался предотвратить штурм города.

Изяслав и Святослав, стоя у стола, подняли золотые кубки с вином в знак единодушного решения.

В этот момент Владимир не выдержал, встал и обратился к великому князю Изяславу Ярославичу и черниговскому князю Святославу Ярославичу. От волнения лицо молодого князя залил ярко-алый румянец. Он пытался говорить спокойно, подавляя волнение, но голос его дрогнул, и, перейдя на крик, Владимир со слезами на глазах сказал Изяславу и Святославу:

— Зачем вы хотите идти на штурм города? Зачем хотите проливать невинную кровь мирных жителей Минска? Да, полоцкий князь виноват! Но где же ваша любовь к ближнему? Где прощение оступившегося? Разве золото для вас дороже крови невинных людей?

Все были удивлены. Всеволод Ярославич взял за руку Владимира, показывая тем самым, что он согласен с сыном. Изяслав и Святослав, глядя в блестящие глаза Владимира, видели луч света его души. Где-то в глубине своей души старшие Ярославичи понимали, что Владимир прав, но их сердца уже слишком зачерствели, и они не могли согласиться с молодым князем. Сыновья старших Ярославичей, Мстислав и Олег, с презрительной ухмылкой смотрели на Владимира, считая его слова жалкой и ничтожной трусостью. Сами же они рвались в бой за легкой наживой. Позднее история все расставит по своим местам. Сын Изяслава Ярославича, Мстислав, за свое свирепство и душегубство жителями Киева будет назван Бесом. Сын Святослава, Олег, за постоянно разжигаемые им межкняжеские братоубийственные войны, в ходе которых он раз за разом будет приводить на Русь половецкие орды, получит имя в истории Олег Гориславич. А Мономах (в переводе с греческого «Единоборец») подтвердит свое имя и будет называться человеколюбом и добрым защитником всей Руси.

После этого разговора пристыженные старшие Ярославичи, решив не впутывать в свои скверные дела молодого ростовского князя, отпустили Владимира. Мономах вышел из шатра, умыл разгоряченное лицо снегом. К нему подошли его старшие дружинники — Ставр, Лучезар и Ратибор. Молодой князь рассказал своим воеводам обо всем случившемся.

Владимир получил щедрые подарки от старших Ярославичей. Не оставив ничего себе лично, молодой князь отдал все это богатство своей дружине в знак благодарности за поддержку в изнурительном походе. Никто из воинов князя Владимира не считал его трусом, наоборот, вся дружина прославляла своего молодого князя за мудрость и человеколюбие. Ведь князь Владимир, не вступив в бой, не пролив ни капли крови своих людей и безвинных жителей Минска, получил еще большую награду, чем те, кто будет биться. Старшие Ярославичи со своими сыновьями выбрали золото в обмен на невинную кровь. Владимир выбрал мир, про-

щение и человеколюбие, тем самым он начал обретать славу на Руси мудрого и милосердного князя.

В Ростове Мономах встречали как героя. Слухи о мирном и человеколюбивом поступке молодого князя прилетели в город раньше самого Владимира. Жители Ростова еще до отбытия князя с дружиной в поход на Минск прониклись к нему любовью и уважением. Теперь даже самые скептически и насторожено настроенные люди испытывали уважение к своему князю. Все были счастливы мирному и удачному завершению этого похода для своей дружины.

Первым в город въехал Мономах. Его массивный конь спокойно и величаво вез своего всадника. Владимир с улыбкой на лице радостно встречал полюбившихся ему жителей Ростова. Теперь он и вовсе позабыл, что эти люди совсем недавно вызывали у него тревогу и опасение. Позади своего любимого и уважаемого князя шла дружина. На ретивых конях ее возглавляли три верных прославленных сподвижника Владимира: Ратибор, Лучезар и Ставр. Воеводы не скрывали своей радости. Они были счастливы тому, что все до единого дружинника, находящихся под их началом вернулись домой живыми и невредимыми. На этот раз местные жители видели в отражении сверкающих доспехов воинов не блеск оружия, а счастливые лица своих отцов, мужей, братьев и сыновей, вернувшихся домой.

В городе устроили пир. Все славили своего любимого князя. Смущенный такими почестями Мономах робел и стеснялся. В его душе было два чувства: во-первых, он был счастлив, потому что он сам и его дружина, не пролив ни капли крови, благополучно вернулись домой; во-вторых, он до сих пор не мог понять, почему и для чего начали эту войну. Владимиру все случившееся казалось предельно простым. Достаточно лишь любить, прощать и искренно заботиться друг о друге. Человеку надо искоренять в себе алчность и гордыню, не завидовать и не посягать на чужое добро. Если с любовью и заботой относиться друг к другу, то та поддельная слава, питающая алчность и гордость, рассеется, как призрачный туман. Золото, дорогие подарки и власть потеряют свою ценность. Вновь восторжествуют чистые и искренние сердца, окрылятся души людей, творящих добро.

Для Владимира это было прописной истиной, но, к его великому сожалению, старшие Ярославичи, Всеслав полоцкий и многие другие князья не понимали этого. Мономах верил и надеялся, что рано или поздно добро восторжествует. Во всяком случае, он был твердо уверен, что сам лично всегда будет стремиться к этому и делать все, что в его силах, на благо людей и его Родины.

Ростов вернулся к мирной жизни. Владимир продолжил свои благие начинания. Дружина, щедро одаренная подарками князя, разъехалась по своим домам. Люди готовились встречать весну. Все строили планы на будущее. Молодой князь видел и понимал, что, по большому счету, для счастья не так уж много и надо. Мир, справедливость, уверенность в завтрашнем дне, возможность спокойно трудиться и заботиться о своих близких — вот и все, что нужно человеку, чтобы быть счастливым.

Вскоре с гонцами и проезжими купцами стали приходить вести из объятых войной мест. Владимир узнал, что после его отъезда из лагеря старших Ярославичей Минск был взят штурмом. Город сожгли, ни в чем не повинных людей убили или увели в плен в другие города. В жестокой и кровопролитной битве на реке Немиге превосходящая в силе рать братьев Ярославичей разбила малочисленное войско мятежного князя Всеслава. Полоцкий князь бежал. Теперь Изяслав, Святослав и Всеволод ведут с ним переговоры о заключении мира. Ростовский князь с горечью и сожалением слушал эти вести. Молодому князю было жалко людей, потерявших свой кров по воле неумного властолюбия князей. Сожалел он о разрушенном и сожженном Минске, горевал Владимир Мономах о многострадальной Руси. В глубине его души теплилась надежда, что вскоре воюющие князья заключат между собой мир и вновь тишина и спокойствие воцарятся на всей Русской земле.

Как гром среди ясного неба прозвучала очередная весть из родного дома. Гонец сообщил Владимиру, что в Переяславле умерла его мать. Словно земля ушла из-под ног молодого князя. Ноги его подкосились, и он упал на колени. Оглушенный такой утратой, Мономах залился горячими слезами. Ужас и скорбь искорежили его лицо. В отчаянных стенаниях четырнадцатилетний юноша корчился на полу. Спустя несколько минут князь затихал, задыхаясь, жадно глотал воздух, отрешенно смотрел по сторонам, взгляд его проходил сквозь все вокруг, и Владимир улетал куда-то в воспоминания. Находясь в полуобморочном состоянии, он будто грезил о счастливом, совсем недавнем детстве. Проводил рукой по голове и вспоминал ласковые прикосновения матери. Ее нежный и мягкий голос заполнил все его сознание. Боль с еще большей силой раскаленным железом вонзалась в сердце сына, отчаяние разрывало в клочья его душу. Рыдания волнами выплескивались изнутри разбитого горем сына. Выбившись из сил, судорожно вздрагивая, он лежал, свернувшись в комок. Его рубашка полностью промокла от слез. Озноб объял убитое горем тело. Близкие ему люди пытались поднять и утешить молодого князя. Владимир отказался вставать, его накрыли теплым овчинным тулупом. В таком положении молодой князь провел весь этот трагический день. Безжалостная реальность жизни нанесла свой сокрушительный удар, не разбирая, кто перед ней, князь или простой смерд. Ни с чем несоизмеримая утрата прочертила глубокий шрам в душе и сердце Владимира, разделив время на «до» и «после».

Молодой князь горячо любил свою мать. Княгиня Мария внезапно скончалась, не дожив и до 40 лет. Всю свою короткую жизнь она положила на алтарь семейного благополучия. Покинув Византию в юности, она всем сердцем полюбила своего мужа, Всеволода Ярославича и свою новую родину — Русь. Материнская любовь к Владимиру и дочери Анне была безгранична. Даже когда Владимир покинул родительский дом, он постоянно поддерживал связь со своей матерью. Хорошо образованная, мудрая жена и мать, княгиня Мария всячески старалась помочь мужу и юному сыну. Из ее писем Владимир узнавал, как обстоят дела дома. Мать рассказывала сыну и о делах отца Всеволода Ярославича. Княгиня Мария была надежной опорой и рассудительным советником в своей семье. Всегда разделяла радости и горести мужа и детей. Князь Всеволод любил и уважал свою жену, часто обращался к ней за советом. Слабость его характера постоянно нуждалась в мудрой и твердой поддержке, которую с радостью ему давала жена. Потеря для князя Всеволода Ярославича и его детей была невозполнимой.

Летом того же 1067 года стало известно, что братья Ярославичи, Изяслав, Святослав и Всеволод, пригласили побежденного Всеслава полоцкого на переговоры о заключении мира. Место встречи было назначено недалеко от Смоленска. Ярославичи обещали Всеславу мир и гарантировали его безопасность. Полоцкий князь поверил им и прибыл на переговоры с двумя своими старшими сыновьями в сопровождении нескольких дружинников. Сразу после того как Всеслав с сыновьями вошел в шатер великого князя Изяслава Ярославича, их всех схватили и связали. Полоцких дружинников безжалостно убили. Самого Всеслава и его сыновей отвезли в Киев и посадили в темницу. Таким вероломным нарушением своей клятвы на всю Русь очернили себя старшие Ярославичи, не гнушавшиеся никакими средствами для достижения своих целей.

Вновь Владимир убедился, что властолюбие и алчность застилают разум, губят души и сердца людей. Находясь во власти этих скверных и гнусных свойств человеческой сущности, люди не замечают той мерзости, которую они творят. Мономах переживал о том, что два дяди и находящийся под их влиянием его отец губят самих себя и всю Русь. Уже год пребывал Владимир на самостоятельном княжении вдали от дома. За это время он отчетливо увидел и понял все черты, характеризующие каждого из трех братьев.

Высокий, широкоплечий, с длинной темной редкой клиновидной бородой, великий князь Изяслав Ярославич был слабохарактерным, напыщенным и алчным. Не имел никаких полководческих дарований и более полагался на одно только имя «великого князя», стараясь

этим подчеркнуть свою значимость и предполагая, что только одно это обстоятельство, что он правит в Киеве, должно вызывать у всех трепет и раболепие. Имея слабую волю, он испытывал страх перед более морально сильными людьми, такими, как его брат, Святослав, а также правящий в соседнем государстве, приходящийся Изяславу шурином, польский князь Болеслав II Смелый. При этом мнительность и откровенная подозрительность великого князя из года в год усиливались. В стремлениях удержать за собой киевский престол он считал, что все средства хороши, в том числе вероломное нарушение своих клятв и обещаний, коленоприклонство перед возможными более сильными покровителями.

Коренастый, цепкий, с дерзким выражением лица, обрамленного богатой рыжей бородой, черниговский князь Святослав Ярославич более из всех братьев был властолюбив, завистлив, хитер, коварен и амбициозен. Также он единственный из трех Ярославичей был наделен полководческим талантом, в чем не уставал выпячивать себя. Он презрительно относился к своим братьям, считая, что старший, Изяслав, уступает ему во всех качествах и не достоин занимать киевский престол. Младшего же брата, Всеволода, такого же безвольного и слабохарактерного, как и Изяслав, он умело держал в своем надменно-покровительственном подчинении, все более и более настраивая его против старшего брата.

Отец Владимира, переяславский князь Всеволод Ярославич, был самым набожным и рассудительный из трех братьев. Он был больше книжником и философом, чем правителем. Не имея большой тяги к государственным делам, питал слабость к учению и духовенству. Любил свою семью. Алчность ему была абсолютно несвойственна. Амбиций и желаний занять киевский престол Всеволод никогда не испытывал и был вполне доволен ролью надежного помощника своих старших братьев. При этом он был лично храбр, но отсутствие полководческих качеств приводило к трагическим последствиям в случае военного противостояния опытному противнику.

На вероломство братьев Ярославичей вскоре пришло наказание.

Летом 1068 года на Русь напали половцы. Бесчисленное вражеское войско состояло из множества объединенных орд. Владимир получил вести от отца о половецком нашествии. Собрав свою дружину, не обременяя войско обозом, молодой князь без промедления выдвинулся на помощь. Великий князь Изяслав Ярославич, черниговский князь Святослав Ярославич и переяславский князь Всеволод Ярославич, не дожидаясь прихода дружин из всех подвластных городов, выдвинулись навстречу неприятелю.

Противники встретились на реке Альте. В ночном сражении из-за несогласованных действий братьев Ярославичей русское войско было разбито половцами. Изяслав, Святослав и Всеволод с остатками уцелевшей рати бежали. Изяслав и Всеволод направились в Киев, а Святослав ушел к себе в Чернигов.

Как ни спешил Владимир, но все же он не успел преодолеть тысячекилометровый путь до начала битвы. Своего отца и великого князя Изяслава Ярославича Владимир встретил на подъезде к Киеву.

Два Ярославича были похожи на загнанных диких зверей. Грязные и взъерошенные князья валились из седел от усталости. Оглядываясь назад, они старались разглядеть, не видно ли на горизонте половецкой погони. Уцелевшие в бою ратники брели подавленные и угрюмые. Переяславская рать высказывала сожаления о поспешном неудачном походе. В глазах киевлян не трудно было разглядеть недовольство своим князем Изяславом Ярославичем.

Разделив свою дружину на три отряда под руководством воевод Ратибора, Лучезара и Ставра, Владимир отправил их в дозоры на предупреждение внезапного появления у города половцев. Сам же ростовский князь вместе со своим отцом и Изяславом Ярославичем вошли в Киев.

Вкрадчивые серые волчьи взгляды сверкали на лицах местных жителей. Киевляне давно уже не питали любви к своему князю. Не добавило ему популярности среди людей веролом-

ное нарушение клятвы и заточение в темницу полоцкого князя Всеслава. Узнав от дружины подробности разыгравшейся трагедии на реке Альте, киевляне собрали городское вече, на котором потребовали от своего князя выдать коней и оружие для отпора половцам. Изяслав Ярославич расценил сбор и требование местных жителей как наглый вызов и отказал им. Обстановка накалилась до предела. Терпение людей лопнуло. Разъяренная толпа с криками ворвалась на великокняжеский двор. Перепуганный Изяслав метался по своему двору, с ужасом вглядываясь в озверевшие лица людей. Он совершенно растерялся и не знал, что предпринять. Его бояре предлагали применить силу и разогнать бунтарей. Изяслав не решался, боявшийся спровоцировать кровавое восстание. Мнительность и трусость князя достигли своего апогея. Боясь быть свергнутым или, еще того хуже, растерзанным разъяренной толпой, он решил покинуть Киев. Бегая по палатам своего терема в бессильном бешенстве, фыркая от злобы на киевлян и еще больше на свою собственную трусость, он выкрикнул своему брату Всеволоду, что бежит из города. Изяслав советовал Всеволоду тоже поскорее покинуть Киев вместе с Владимиром, заявив, что не гарантирует их безопасность. Всеволод опешил от услышанного. Он стоял как ударенный пыльным мешком. В палатах великого князя царили паника и страх. За окном безумствовала вышедшая из-под контроля разъяренная толпа.

Владимир перешагнул через субординацию и решил вмешаться в этот хаос. Он предложил великому князю Изяславу Ярославичу и своему отцу Всеволоду Ярославичу выйти к людям и обсудить все их требования:

— Проблему нужно решать, а не бежать от нее. Нужно узнать, чем недовольны люди, разобраться с их жалобами и обидами, а затем сообща найти способы решения этих проблем. В столь сложный час надо сплотиться. Половцы напали на Русь, грабят и убивают. Пришло время объединиться, а не умножать обиды друг на друга. Нельзя бежать! В час опасности надо возглавить борьбу и объединение!

На мгновение Изяслав Ярославич, застигнутый ударом правды прямо в лоб, застыл на месте. Всеволоду Ярославичу стало еще хуже. Он не успел переварить информацию, брошенную Изяславом, а тут уже сын предлагает совершенно иное. Всеволод окончательно потерял связь с происходящим. Наконец годами укоренившийся страх Изяслава взял верх. Он крикнул:

— Сейчас же выезжаем из Киева! Я еду в Польшу к шурина, князю Болеславу, там меня примут и поддержат. Всеволод, брат, возвращайся к себе в Переяславль. Владимир, тебе с твоим большим сердцем и мудрым разумом не надо ехать в далекий Ростов, поезжай в Смоленск и там ожидай вестей.

Бросив все и всех, Изяслав Ярославич с малым числом верных ему людей бежал. Киевляне выпустили из темницы и возвели на киевский престол вероломно схваченного братьями Ярославичами полоцкого князя Всеслава. Изяслав узнал об этом, когда находился в Берестье (нынешний Брест, в Белоруссии). Бессильное бешенство охватило бывшего великого князя. Он считал себя преданным. Его трусливая сущность наглядно проявлялась и в этот бурлящий период жизни. Изяслав хоть и кричал истерично о предателях, которые якобы его окружили, однако он не обидел кого-либо из тех людей, которые вместе с ним бежали из Киева, боясь остаться и вовсе одному. Весь свой гнев он выплеснул на ни в чем не повинных жителей Берестья. Город был сожжен. Сотни невинных людей погибли, оставшиеся в живых лишились жилья и имущества.

Владимир со своей дружиной пришел в Смоленск, один из старинных городов Руси. Этот город располагался на знаменитом торговом пути «из варяг в греки» и был присоединен к древнерусскому государству еще Олегом Вещим в 882 году. К моменту прибытия Владимира в этот торгово-административный центр Смоленск входил в число самых многочисленных, богатых и политически важных городов Руси. По завещанию Ярослава Мудрого, Смоленск был столицей удельного княжества его младшего сына Вячеслава. После скоропостижной смерти князя Вячеслава в 1057 году старшие братья Ярославичи не оставили Смоленск без удельного князя

и перевели в него из Владимира-Волынского другого своего младшего брата, Игоря, а после смерти Игоря в 1060 году Смоленск управлялся наместниками старших Ярославичей.

Смоленск стоял на Днепре, а Днепр был главной артерией торгового пути «из варяг в греки». Торговцы и купцы из различных городов Руси, а часто и из других далеких государств, ежедневно сменяли друг друга в городе. Сотни видов изделий различного ремесла, оружие, золото, серебро, соль, одежда, шапки, меха, полотно, шелк, древесина, пшеница, рожь, просо, мед, воск, благовонья, вина, различные плоды, лошади, коровы, овцы, домашняя птица, дичь, рыба — всем этим постоянно была переполнена торговая площадь Смоленска. Нужно было несколько дней, чтобы обойти все это изобилие.

Богатый человек «мог на торгу не только попить меду, поесть пирогов, одеться в китайский шелк или во фризское сукно, но мог при желании купить себе сотни рабов, мог тут же на торгу одеть их, вооружить и посадить на коней или в ладьи. Более того, тут же он мог купить участок земли, купить строительный лес, нанять за деньги «древоделей» и построить хоромы с крепким тыном, внутреннее убранство которых также в значительной степени могло быть куплено на торгу».

С первого взгляда было ясно, что жизнь в бурлящем, переполненном караванами и купцами Смоленске разительно отличается от жизни в задумчивом, окутанном тайнами дремучих лесов Ростове. Одним из самых выгодных пунктов княжения в Смоленске было ежедневное поступление свежих новостей со всех концов Руси и из других государств. В столь беспокойное время для молодого князя это было очень важно.

О занятии киевского великокняжеского престола полоцким князем Всеславом Владимир уже знал. Прибывшие гонцы из Чернигова наполнили весь Смоленск радостью и торжествами, они сообщили, что черниговский князь Святослав Ярославич сумел в короткий срок собрать три тысячи воинов и в отчаянном сражении разгромил двенадцатитысячную рать половцев. Этой победой князь Святослав прекратил грабительский набег неприятеля и выгнал уцелевших в сражении половцев далеко за пределы Руси.

Не успел Владимир порадоваться успеху черниговского князя, его дружины и чудесному избавлению всей Русской земли от половецкого нашествия, как прибыли гонцы из Берестя. Горесть, скорбь и уныние сменили восторженное настроение молодого князя. Слезы лились из глаз Мономаха при мысли о безвинно погибших людях и о сожженном городе.

Владимир не понимал, как бывший великий князь, старейший в княжеском роде, так бесчеловечно смог принести в жертву своей собственной жалкой трусости и низким чувствам ни в чем не повинных людей. О чем он думал, когда совершал это? О чем он думает сейчас? На что сейчас надеется? Какую борьбу он хочет вести? Как он сможет вернуться на Русь? Как он будет смотреть в глаза людям? Как он собирается ходить в храм? Как у него поднимется рука перекреститься после содеянного?

Переполняемый разочарованием и презрением при одной только мысли о своем старшем дяде, бывшем великом князе Изяславе Ярославиче, Мономах написал письмо к отцу:

«Здрав будь, отец мой любимый, переяславский князь Всеволод Ярославич! Пишу тебе из Смоленска, где нахожусь по повелению брата твоего, Изяслава Ярославича. Я каждый день благодарю Господа Бога за то, что дал он мне в родители мои тебя, отец мой любимый и мать мою любимую, безвременно покинувшую этот мир, княгиню Марию! Благодарю за то, что Вы меня вырастили в безграничной любви к людям, в стремлении всегда простить и полюбить врагов и ближних людей своих сильнее, чем любишь себя самого. Вырос я в любви и думал, что все жители на Руси прощают и любят друг друга. Теперь же в смятении находится душа моя. Старейший в роде княжеском, брат твой, Изяслав Ярославич, творит беззакония и губит безвинные души. Почему он так сделал и как ему дальше жить? Ответ он будет держать перед Господом Богом. К тебе же, отец мой, князь Всеволод Ярославич, прислушиваюсь, питая неис-

сякаемую любовь. Что сейчас мне делать и где находиться? Остаться в Смоленске, возвращаться в Ростов или другие повеления от тебя ждать?»

Получив письмо от своего сына Владимира, переяславский князь Всеволод Ярославич посоветовался со своим братом, черниговским князем Святославом Ярославичем, и решили они отправить в это напряженное время Владимира Мономаха в западный приграничный город Владимир-Волынский.

Молодой князь Владимир Мономах осознавал ответственность, которая ложится на него при перемещении в приграничную Волынь.

Город Владимир-Волынский так же, как и Смоленск, был указан в завещании Ярослава Мудрого в качестве стольного города его четвертого сына Игоря. Значимость Владимира-Волынского была велика всегда: он стоял форпостом на западной границе Руси с Польшей, Венгрией и Чешской землей. Сейчас же, когда озлобленный Изяслав Ярославич бежал из Киева в соседние западные страны в поисках военной помощи для возвращения себе великокняжеского престола, значимость, а вместе с ней и ответственность за управление Владимир-Волынским, многократно возросла.

Ради спокойствия и блага на Руси молодой князь Владимир Мономах взвалил на свои плечи эту тяжелую ношу и в декабре 1068 года повел свою верную дружину оберегать западные рубежи Родины в приграничный Владимир-Волынский.

Прибыв во Владимир на Волыни в начале 1069 года, Владимир Мономах начал энергично готовиться к возможному нападению Изяслава Ярославича с его новыми союзниками — поляками. Владимир отправил далеко от города сторожевые посты для предотвращения внезапного подхода неприятеля, а сам с оставшейся дружиной стал укреплять город и собирать припасы для возможной долгой осады.

Местные жители опасались нападения поляков и того, что их может постигнуть трагическая судьба сожженного Берестья. Они понимали всю опасность ситуации и стали всячески помогать молодому энергичному князю.

Бывший великий князь Изяслав Ярославич, прибыв в Польшу, остался просить у своего шурина Болеслава военную помощь, чтобы вернуть себе великокняжеский престол, а в это же время отправил своего сына Мстислава (получившего в народе прозвище — Бес) грабить приграничные земли Руси. Хищный Бес сначала хотел напасть на Владимир-Волынский, но, узнав, что в городе находится князь Владимир Мономах с дружиной, испугался и, как ничтожный падальщик, пошел разворовывать сожженное Берестье. Владимир Мономах получил письмо от отца и дяди, черниговского князя Святослава Ярославича, о том, что необходимо срочно идти на помощь разоренному Берестью.

Узнав о происках Мстислава-Беса, Мономах ужаснулся. До чего же сущность человеческая может быть ничтожна. Сначала Бес со своим отцом, Изяславом Ярославичем, сами ограбили и пожгли Берестье и его жителей, а теперь они еще и поляков повели на этот многострадальный город.

Князь Владимир Мономах оставил во Владимире-Волынском для защиты жителей и города часть своей дружины во главе с Ратибором, а сам с оставшейся дружиной пошел защищать разоренную Берестейскую крепость.

От Владимира-Волынского до Берестья добрались быстро. Владимир с дружиной спешили на помощь беззащитным людям. Как позже напишет в своем «Починении» Владимир Мономах: «Той же зимой послали меня в Берестье братья (Святослав и Всеволод Ярославичи), на пепелище сожженное; и берег я город тот утихший».

Несмотря на то, что после пожара прошло уже полгода, беда встречала князя Владимира далеко от города. Кругом сплошное пепелище... Обугленные головешки построек, накрытые снежной шапкой, зловеще торчали из глубины белой бездны. Редко встречающиеся на пути

люди озирались на князя и его вооруженную дружину резкими отрывистыми взглядами. Местные жители были похожи на перепуганных загнанных зверьков.

Узнав о том, что еще вчера отряд Мстислава-Беса шакалил в окрестностях Берестя в поисках наживы на пепелище, которое он же сам и сотворил, всегда спокойный и уравновешенный князь Владимир пришел в ярость. Он хотел гнаться за этим врагом рода человеческого и уничтожить его на месте, где застигнет, но местные жители сказали, что Мстислав-Бес трусливо бежал, как только узнал о приближении к городу князя Владимира с дружиной.

В то время, пока Мономах находился сперва во Владимире-Волынском, а затем в Бересте, бывший великий князь Изяслав Ярославич вел переписку со своими младшими братьями. Подробностей этих переговоров молодой князь не знал, но в середине марта получил письмо от отца, в котором Всеволод Ярославич сообщал своему сыну, что Изяслав Ярославич обещает не грабить земли Руси и не обижать ее жителей. В этом же письме Всеволод приказал своему сыну прибыть вместе со всей дружиной к нему в Переяславль.

С болью в сердце Мономах оставлял беззащитный Владимир-Волынский, еще больше он переживал за жителей разоренного Берестя. Хотя молодой князь и сомневался в правдивости обещаний Изяслава Ярославича, тем не менее, он послушно выполнил волю отца и, собрав всю свою дружину, убыл в Переяславль.

Вновь впереди была дорога. Вновь перед молодым князем раскрывала свои объятия неизвестность.

Надрываясь, завывала весенняя выюга. Поземка, завихряясь, превращалась в кромешную мглу. Бесчисленные снежинки роились перед глазами, сливались в страшную бурю и сбивали с пути.

А в голове у Владимира была буря не меньше той, что сбивает с правильного пути его боевого коня. Буря эта состояла из сотен мыслей, стремительно сменяющих одна другую, и мало среди этих мыслей было радужного.

В чередě стремительно закрутивших молодого князя событий произошло много нового, много загадок оставалось не разгаданных. Страшно было, что загадки эти нельзя было решить, начертив какое-нибудь волшебное слово веткой на песке. Так, чтобы под дуновеньем ветра эти загадки превратились в прах. Загадки, кружащиеся сейчас в голове молодого князя, наносят сокрушительные удары по судьбам людей, нередко по судьбам населения целых городов, а некоторые могут ударить и по всей Руси.

Не прошло и трех лет, как Владимир покинул родной дом и попал в круговорот реальностей жизни. У него скоропостижно скончалась горячо любимая мать. Отец из политических расчетов в скором времени женился на дочери одного из могущественных половецких ханов. Братья Ярославичи разорили Минск и вероломно, нарушив данное ими же обещание, захватили в плен своего врага Всеслава полоцкого. Великокняжеский престол занял враг всего рода Ярославичей, ранее ими плененный князь Всеслав. Бывший великий князь Изяслав Ярославич и его сын Мстислав-Бес творят беззакония на Русской земле.

Мысли о том, почему все это случилось, когда и чем все это закончится, сейчас роились в голове у Владимира Мономаха. Он старался понять все происходящее, молился и просил Господа Бога, чтобы тот укрепил его душу, не дал зачерстветь его любящему сердцу под натиском зла и беззакония, не дал самому молодому князю сбиться с истинного пути.

Вскоре стремительно повзрослевший и возмужавший князь Владимир Мономах приехал вместе со своей дружиной в родной Переяславль. Прошло всего два с половиной года, как Владимир покинул родительский дом, а так сильно все изменилось. Ранее веселый и всегда добродушный отец теперь был постоянно грустным и погруженным в тяжелые думы. Матери не стало. Не хватало ее ласки и тепла. В доме было будто бы постоянно холодно из-за отсутствия родительской любви. Вместо матери в доме теперь распоряжалась новая жена отца, дочь половецкого хана. И от этого было вдвойне неуютно. Не было его любимого дядьки-пестуна Твер-

дслава. Сестра заметно повзрослела. Не стало их юношеского беззаботного веселья. Конечно, любовь и уважение остались, но все было как-то иначе. Владимир и сам точно не мог сказать, что именно не так, но всем своим существом ощущал дискомфорт. Он сам себе удивился, когда понял, что хочет поскорее куда-нибудь уехать.

События, с которыми Владимир Мономах теперь был неразрывно связан, вытащили его из пучины грусти и уныния. Изяслав Ярославич убедил польского князя Болеслава силой оружия помочь вернуть ему великокняжеский стол. На самом деле, Болеслав был рад предложению Изяслава пойти войной на Киев и поживиться за счет Руси. Собрав войско, Болеслав и Изяслав Ярославич выступили походом на Киев. Узнав об этом, правивший в то время в Киеве князь Всеслав полоцкий, не доверяя киевлянам и подозревая их в том, что в решающий момент они могут предать его и перейти на сторону Изяслава, бежал к себе в Полоцк.

Оставшись без князя, ожидая скорой неминуемой расправы от Изяслава, стоящего во главе поляков, киевляне обратились за помощью к двум младшим братьям Изяслава Ярославича, Святославу и Всеволоду. Братья согласились помочь жителям Киева и тем самым уберечь всю Русь от грабительского нашествия поляков. Они обратились к своему старшему брату с требованием: «Не водить ляхов на Киев». «Если хочешь гнев свой явить и погубить город, то знай, что мы готовы защищать его!» — с этими словами в город Сутейск, на границу Польши и Русской земли, братья Святослав и Всеволод Ярославичи решили отправить для переговоров с поляками спокойного, рассудительного и мужественного князя Владимира Мономаха.

Князь Владимир с радостью принял это поручение. Мономах вызвал к себе своих верных и надежных воевод Ратибора, Лучезара и Ставра и поведал им о задачах в предстоящем походе. Дружина Владимира Мономаха наполнилась гордостью, узнав о том, что ей доверили встать на пути поляков для защиты Киева и всей Руси. На следующий день Владимир и все его сплоченное войско были готовы выступить в поход против ляхов. Переяславский епископ Петр и отец Владимира, князь Всеволод Ярославич, благословили Мономаха и всех его воинов на защиту Отечества от врагов лютых. Жители Переяславля провожали Мономаха и его дружину как бесстрашных героев, вставших на пути хищного Мстислава-Беса и польского войска.

К Сутейску шли быстро, боялись не успеть прибыть на границу Руси до вторжения поляков. Войско захлестывали эмоции. Все помнили ужасы, сожженной Берестейской крепости. Ставр с частью дружины шел впереди основного войска и разведывал местность от неприятеля. На подступах к Сутейску Владимир приказал всей дружине надеть доспехи и в любой момент быть готовыми вступить в бой для защиты Отечества.

Изяслава Ярославича, его сына Мстислава-Беса, Болеслава и польского войска в Сутейске не было. Местные жители рассказали Владимиру, что неприятель подошел только вчера вечером и встал лагерем в десяти верстах от города.

Мысль о том, что предстоит встреча с презренным Изяславом, падальщиком Мстиславом-Бесом и неизвестным Болеславом, который стремится нажиться на бедах Руси, будоражила сознание Владимира. Дружина была готова сходу вступить в бой с неприятелем, но Мономах понимал, что бой — это крайняя мера. Сначала надо попытаться провести переговоры и передать требование отца и дяди Святослава, адресованное Изяславу: «Не водить ляхов на Русь». Мономах оставил дружину под командованием Ратибора и Ставра, а сам в сопровождении Лучезара и малого числа воинов поехал на переговоры во вражеский лагерь.

Изяслав встретил Владимира далеко на подъезде к своему войску. Его сопровождало лишь несколько вооруженных всадников, Мстислава-Беса и Болеслава с ним не было. У Владимира чувство презрения сменилось чувством жалости к этому человеку. Изяслав оказался заложником своей мелкой и низменной натуры. Из Киева его изгнали, братья не уважали его. Безвольный и слабохарактерный, он не нашел ничего лучшего, как выплеснуть гнев на невинных жителей Берестейской крепости. Ведомый алчностью и тщеславием, он пошел на сделку с врагом Руси, чтобы только вернуть себе киевский стол, не задумываясь о способах и средствах

этого возвращения. Изяслав потерял связь с реальностью и не замечал, что силовое возвращение великокняжеского престола никогда не вернет ему уважение людей.

Близкие по крови, но совершенно далекие по духу и моральным ценностям, Изяслав и Владимир сошлись в поле. Взоры их встретились. Мономах, уверенный в себе, стоявший за правое дело, спокойно смотрел в глаза Изяслава. Владимир хотел заглянуть в душу своего дяди и понять, что там творится. Зрачки Изяслава судорожно бегали. Чувствуя свою вину, князь Изяслав стыдливо отвел взор в сторону.

Бывший великий князь на мгновение растерялся. Он не знал, как вести себя перед племянником. Хотя возглавляемое им польское войско по численности значительно превосходило дружину Владимира, трусливый дядя не рискнул разговаривать с племянником с позиции силы и стал жаловаться Мономаху на свою тяжелую судьбу.

Владимир выслушал плаксивые речи Изяслава и передал ему волю своего отца, переяславского князя Всеволода Ярославича и дяди, черниговского князя Святослава Ярославича. Святослав и Всеволод признавали право своего старшего брата на великокняжеский престол и предлагали ему вернуться в Киев и продолжить княжить каждому из них там, где они были до его бегства. Изяслав должен был прекратить поход ляхов на Киев.

Князь Изяслав Ярославич очень обрадовался тому, что вернул себе великокняжеский престол без боя. Он не имел талантов управлять и своей дружиной, а в силу присущих ему трусливости и мнительности вовсе слабо надеялся на реальную помощь поляков. Он обещал своим братьям и Владимиру Мономаху, что выполнит их требования и придет в Киев лишь со своими людьми, тут же оставив польское войско. На том и разъехались: Изяслав к своим ляхам, а Мономах с Лучезаром в Сутейск.

Владимир был доволен исходом встречи. Главное, что удалось решить дело миром. Еще одной приятной мыслью в этот момент у Владимира было то, что не пришлось видаться с ничтожным Мстиславом-Бесом.

Вернувшись в свой лагерь, Изяслав рассказал о том, что братья уступают ему великокняжеский престол, и поэтому теперь нет необходимости в военной поддержке со стороны поляков. Болеслав пришел в бешенство. Все его планы поживиться за счет Руси в этом грабительском походе рушились. Он стал убеждать трусливого Изяслава, что в Киеве его может ожидать опасность, и настаивать на своей помощи. Слабохарактерный Изяслав не знал, как ему быть. Он боялся разозлить братьев, взяв с собой поляков, и вновь лишиться великокняжеского престола. Но и идти в Киев совсем без войска он также боялся, понимая, что жители Киева явно не испытывают к нему любви и могут снова прогнать. Пришли к компромиссу: основная часть ляхов уйдет в Польшу, а Изяслава будет сопровождать алчный Болеслав с небольшим количеством польских воинов. Черниговский и переяславский князья, Святослав и Всеволод разрешили своему старшему брату Изяславу Ярославичу прибыть в Киев с Болеславом в сопровождении малого войска, а князю Владимиру Мономаху приказали идти к Владимиру-Волынскому и находиться в том приграничном городе, пока польский князь Болеслав находится в Киеве.

Впереди себя Изяслав отправил в Киев своего сына Мстислава-Беса с ляхами. Прибыв в Киев, Бес в полной мере оправдал свое народное прозвище. Без суда и следствия он стал рубить и вешать людей прямо на улицах города, обвиняя всех в изгнании своего отца. Сотни душ загубил Мстислав-Бес. Киевляне ужаснулись. Они думали, что конфликт, который случился у них с Изяславом Ярославичем в прошлом году, когда он бежал в Польшу, предан забвению. Жители города надеялись, что Изяслав так же, как и киевляне, простил им старые обиды и теперь будет править и судить по совести и справедливости. Оказалось, что они ошиблись в своих благих надеждах.

Все лето 1069 года Болеслав хозяйничал в Киеве, а Изяслав Ярославович раболепно выполнял любые прихоти своего надменного покровителя. Изяслав считал, что благодаря именно польскому князю Болеславу он вернул себе великокняжеский престол. Так и сидели

они в Киеве, выжимая последние финансовые и моральные соки из местных жителей. К осени терпение людей стало иссякать, и киевляне начали бить ляхов по делу и без дела. Оценив сложившуюся обстановку и поняв, что атмосфера в городе накалилась до предела, Болеслав решил бежать из Киева, пока его не посадили на кол вместе с его же ляхами.

Прихватив с собой как можно больше добра, которое киевляне нажили честным трудом, ляхи во главе с Болеславом убрались восвояси.

После того как поляки покинули пределы Руси, Владимир получил письмо от отца, в котором Всеволод Ярославич приказывал сыну оставить Владимир-Волынский и вместе со всей дружиной прибыть к нему в Переяславль.

После всего случившегося за последний год братьям Ярославичам необходимо было встретиться, обсудить все взаимные обиды, постараться решить спорные вопросы и перераспределить земли на Руси между собой и своими сыновьями. Владимир понимал это и, в короткий срок став одной из ключевых военно-политических фигур того времени, ожидал дальнейшего развития событий.

Всю осень и начало зимы 1069 года Изяслав, Святослав и Всеволод вели тонкую политическую игру.словно шахматные гроссмейстеры, братья Ярославичи разыгрывали партию, в которой с одной стороны Изяслав, а с другой Святослав и Всеволод преследовали свои далеко идущие планы. В этой многоходовой игре разменными фигурами были их сыновья, княжеские столы и судьба всей Руси. Наконец к зиме договорились.

Как бы ни было неприятно великому князю Изяславу и черниговскому князю Святославу, но они уже не могли отрицать важную роль стремительно набравшего политический вес их племянника Владимира Мономаха. Решено было отдать ему в управление Смоленск.

Узнав о том, что ему дали Смоленск, Мономах не испытал восторга. Он понимал, что его ценят и уважают, осознавал возлагаемую на него ответственность, а править ему было все равно где, лишь бы на благо Отечества.

Несколько месяцев Владимир находился в родительском доме. За это время он смог лучше узнать новую жену своего отца, имя которой после крещения было Анна. Это была молодая худенькая женщина невысокого роста с тонкими приятными чертами лица. Анна была бережной и расторопной хозяйкой. От ее пристального взгляда не могла ускользнуть даже мелочь. Она ласково и заботливо относилась ко всей своей новой семье, и к многочисленным жителям княжеского двора и ко всем жителям Переяславля. Несмотря на то, что она была дочерью половецкого хана, Анна прекрасно владела русским языком и, несомненно, понимала все, что ей говорят. Владимир предположил, что орды ее отца кочуют не в глубине степи, а у самых границ Руси. Благодаря ее сильной воле, спокойному и заботливому отношению к окружающим, люди стали быстро к ней привыкать и проконикаться искренним уважением. Для отца Владимира, князя Всеволода Ярославича, постоянно нуждавшегося в моральной поддержке, Анна стала по-настоящему надежной опорой. Несмотря на горечь потери матери, Владимир не испытывал никакой ревности по отношению к своему отцу и его новой жене. Он был спокоен за жизнь и быт отца и своей младшей сестры. Домашний очаг переяславского князя попал в верные и надежные руки. А перед отъездом Владимира в Смоленск князь Всеволод Ярославич и Анна обрадовали всех домочадцев новостью, что скоро у них родится ребенок.

В начале 1070 года Владимир Мономах, радуясь счастливой жизни в родном Переяславле, со спокойной душой поехал в свой новый стольный город — Смоленск. За своим любимым князем двинулась в путь его верная дружина, у которой, как и у Владимира, служба в новом городе открывала новую жизненную страницу. Что будет написано на этой странице, будут ли кипеть страсти и сгущаться краски по мере ее заполнения? Одному Богу известно. А пока вся дружная военизированная семья Владимира Мономаха наслаждалась чудесным морозным утром. Из бездонно-голубого неба радужным дождем щедро падали лучи солнца. Солнечные зайчики играли и переливались в огромных пушистых снежинках, так редко и медленно спус-

кающихся с небес, что казалось, что они не настоящие, а нарисованные Морозом-волшебником. Проходили мимо деревни, и можно было подумать, что все вокруг окутано сном.

Неожиданно всю эту умиротворенную картину нарушил пронзительный лай. Одна из снежинок-великанов потревожила сон будущего грозного стража. Она села на нос спящему, совсем крошечному деревенскому щенку. Маленький, огненно-рыжий пушистый комочек решил тут же проучить летающие непонятные хлопья и покусать каждого из них. Оглушая самого себя звонким лаем, переходящим в писк, он изо всех своих крошечных лап взялся гоняться за снежинками. На мгновение останавливаясь, звонкий пушистик резко тряс головой и восстанавливал слуховой баланс — одно его ухо торчало, взмывая в морозную высь, другое висело плетью. Наострив оба уха, он тут же наклонял голову вперед и бросался в атаку на очередную снежинку. Было видно, что огненно-рыжий страж настроен серьезно. И если он не покусает нарушителей спокойствия, то, как минимум, постарается забодать, как это делает его сосед, такой же несмышлениш маленький бычок. Точку в этой битве быстро и однозначно поставила огромная хмурая мать щенка-беглеца. Стоя у своей будки-домика, мгновенно оценив все происходящее, она, чуть заметно неодобрительно качнув головой, подозвала свое дитя. Не имея права ослушаться свою мать, щенок был вынужден оставить свой поединок и, виляя малюсеньким хвостиком, приблизился к своей насупившейся маме. Взрослая собака бережно прикусила за хвостик своего ребенка-непоседу и затащила в теплую будку-домик.

Владимир и вся его дружная семья от всей души посмеялись.

Чуть позже, вспоминая историю с несмышленным щенком, Владимир задумался о схожести случившегося с жизнью людей. Бывает все солнечно и безмятежно, ничего не предвещает беды. И вдруг один несмышленный человек — не потому, что он от рождения мал, а потому, что ничтожно мала его любовь к другим людям, крошечно малы его совесть и моральные ценности. Этот несмышлениш может совершенно неожиданно для других людей перевернуть все с ног на голову, и если не окажется рядом разумного человека и сразу же не поставят нарушителя спокойствия на место, то он может много дел натворить. К сожалению, в жизни людей редко такие истории оказываются веселыми и счастливыми.

Прибыли в Смоленск. Жители города радушно встретили своего нового князя. Слава о делах человеческих всегда летит далеко впереди своего героя. Если добрые дела человек творит, то имя его добрым словом прославляется в народе, если же зло сеет человек, то какими бы лстивыми речами ни старался вкрасься в душу, все равно будет злодеем наречен. Так и с молодым князем Владимиром Мономахом. Задолго до его прибытия жители Смоленска получили известие, что идет к ним князь с большим любящим сердцем и открытой душой. Возраст в этом случае совсем не играет никакой роли.

Бурлящий жизнью Смоленск уже был знаком Владимиру. Год назад князь покинул этот город, чтобы встать на защиту западных рубежей Руси во Владимире-Волынском. Тогда было все иначе: и время беспокойное, и молодого князя отправляли в Смоленск явно на короткий период времени до прояснения обстановки. Сейчас же Мономах, его дружина и жители Смоленска были настроены на долгое, основательное и благополучное княжение Владимира в этом городе.

Сразу по прибытию любознательный молодой князь взялся разбираться во всех тонкостях жизни местного населения. Строгому, но справедливому суду были преданы все обидчики и нарушители прав людей. Каждый желающий мог в любой день обратиться к князю за помощью и защитой. Днем Мономах никогда не сидел дома и лишь вечерами читал книги из богатой отцовской библиотеки. Владимир пешком ходил по городу и общался с людьми, совершал конные прогулки вокруг Смоленска, нередко один садился в лодку и сплавлялся куда-нибудь по Днепру. Эти прогулки были не забавой, а повседневной деятельностью. Осматривая предместья города, он проверял боевые укрепления, тут же давал распоряжения, если нужно было что-то обновить или исправить.

Владимир хорошо понимал, что жизнь населения Смоленска сильно отличается от жизни простых людей в отдаленных деревнях и весях. Поэтому он часто совершал длительные конные поездки и сплавы по рекам своего княжества.

Нередко, выезжая из города, Мономах снимал с себя богатую княжескую одежду, надевал грубую рубаху смерда, садился на худенькую лошадку без седла и сбруи и так один без сопровождения уезжал в какую-нибудь деревушку. Добравшись до отдаленной веси, он подходил к самой скромной избе, перекрестившись, желал здоровья хозяевам этого дома, просил у них попить колодезной водицы и, представившись странником, спрашивал, чем бы он мог помочь этим людям. С одними вставал за плуг, пахал поля и сеял хлеб, у других брал косу и помогал заготавливать сено, с третьими шел в лес и рубил дрова. Так могло пройти несколько дней. Близкие князю люди в городе уже начинали беспокоиться о нем, а Мономах совершенно счастливый возвращался домой босиком, с горбушкой хлеба и крынкой молока. На вопросы, что случилось, почему он пешком и босой, Владимир, сияющий от счастья, отвечал, что отдал радушным хозяевам и лошаденку свою, и обувь. А жители тех отдаленных сел и деревень так никогда и не узнавали, кто был этот добрый и щедрый путник. Так Мономах открывал для себя много нового о жизни и быте простых людей живущих в глубинках Русской земли.

На Руси воцарилась долгожданная тишина. В трудах и заботах спокойно и размеренно шло время у смоленского князя Владимира Мономаха. Летом того же 1070 года пришла радостная весть из родного Переяславля. У князя Всеволода Ярославича и его жены Анны родился сын Ростислав. По случаю этого события отец звал в гости своего старшего сына Владимира. Мономах был счастлив. Оставив в Смоленске старшим по хозяйственным делам Лучезара, а Ставру доверив свою любимую дружину, сам Владимир в сопровождении Ратибора поехал к отцу в Переяславль.

Меньше месяца Владимир гостил у отца в родном Переяславле и с приближением осени вернулся в Смоленск. За время его отсутствия Владимир регулярно получал вести от верных Лучезара и Ставра о том, что в Смоленском княжестве все в порядке и ему не о чем беспокоиться. Тем не менее, Мономаху быстро наскучила праздная жизнь, и он, как рачительный хозяин, вернулся в свой новый дом — Смоленск.

Зимой пришел он сюда на княжение. При его непосредственном участии прошла посевная, на его глазах цвел и колосился будущий урожай. Пришло время помочь людям собрать этот урожай, чтобы со спокойной душой встретить и провести зиму. Скоро сам Владимир и жители всего его княжества могли подвести итоги первого года его правления. Мономах был доволен. В его новом доме царили тишина и спокойствие. Жители Смоленска, смоленских сел, деревень и весей тоже были довольны прошедшим годом и своим молодым, не по годам мудрым и заботливым князем Владимиром Мономахом. Между князем и жителями вверенного ему в управление удела быстро наступила столь важная и ценная гармония.

Пришла весна 1071 года. Днепр освободился от ледяных оков. Вереницы торговых караванов потянулись с севера на юг и с юга на север. Жизнь вокруг закипела с новой силой. Очередные гонцы из Переяславля принесли добрую весть: у Всеволода Ярославича и Анны родилась дочь — Евпраксия. Снова переяславский князь Всеволод звал своего старшего сына в гости на торжества по случаю рождения дочери. Владимир, как и в прошлом году, распределив обязанности на время своего отсутствия в Смоленске, с радостью поехал в Переяславль. Пробыв у отца около недели, Мономах спешил вернуться в свой удел. Владимир торопился к посевной страде, к купеческим караванам, стараясь не упустить благополучное начало трудового года, чтобы наступивший год такие же благие плоды принес всему Смоленскому княжеству, как и прошедший.

Все ладилось у молодого энергичного князя. Все в его руках и под его присмотром преобладалось. Целый год пролетел как один день. Мономах стал привыкать к своему новому дому, а жители Смоленска прониклись любовью и уважением к своему князю.

Счастье и тишину нарушили поганые ляхи. Не хотели они наживать добро честным трудом, несвойственно им было растить хлеб своими руками и проливать пот под палящим солнцем. Сколько волка не корми, все равно в лес смотрит. Так и поляки. Мало им было поживиться награбленным добром у киевлян в 1069 году, проели, прогуляли, и снова хищничать. Осенью 1071 года они саранчой прошли по всей Владимиро-Волынской земле. Жгли и грабили. Многострадальная Берестейская крепость не успела восстать из пепла, как ее снова предали огню. Знакомые Мономаху Сутейск и Владимир-Волынский тоже теперь в руинах. Недолго была тишина на Руси.

После этих новостей жители Смоленска не удивились, увидев у себя в городе гонца из Киева. Великий князь Изяслав Ярославич, посоветовавшись со своими братьями, черниговским князем Святославом Ярославичем и отцом Мономаха, переяславским князем Всеволодом Ярославичем, решили отправить во Владимир-Волынский княжить и оберегать западные границы Руси от ляхов смелого, решительного и рассудительного Владимира Мономаха.

И снова плуг хлебопашца сменяли доспехи, и снова дорога, тревога, опасная даль.

Собирались основательно. На дворе была зима, идти нужно было в руины. В этот раз Владимир Мономах вел за собой помимо боевой дружины целую армию кузнецов, лесорубов, плотников и прочих дел мастеров. С князем шел большой обоз. Мономаху предстояло не просто прийти и начать править в другом городе, ему нужно было возродить из пепла всю западную границу Руси.

Когда Владимир прибыл в разрушенную Берестейскую крепость, у него полились слезы из глаз. Мономах машинально воскликнул:

— О, многострадальная Русь! Все тебе достается! Не успела от одних злодеев восстановиться, как тут же напали другие! Держись, люд православный! Придет время, заживем лучше, чем прежде!

Здесь энергичность, хозяйственная хватка и расторопность Мономаха пригодились как никогда ранее. В Берестейской крепости он оставил возрождать жизнь верного Лучезара. Во Владимире-Волынском закипела работа под руководством многоопытного Ратибора. Воевода Ставр убыл с частью дружины на самый форпост восстанавливать и оберегать Сутейск. В случае появления хищных ляхов Ставр сразу же должен был предупредить об этом Мономаха.

В начале апреля прибыл гонец из Киева. Великий князь Изяслав Ярославич приглашал Владимира Мономаха прибыть к концу апреля в столицу Руси для участия в торжествах, значимых для всей Русской земли.

В след за гонцом из Киева прибыл и гонец от отца из Переяславля. Всеволод Ярославич сообщал сыну, что в конце апреля в Киеве соберется весь род Рюрика. Ярославичи даже примирились с вечным врагом, Всеславом полоцким. Под руководством киевского митрополита Георгия, а также игумена и одного из основателей Печорского монастыря — Феодосия Печерского — в эти дни в Киеве соберутся епископы со всей Руси. Любой желающий человек может прийти в город и принять участие в торжествах. Завершал свое письмо отец тем, что Владимиру надо организовать продолжение восстановительных работ, оставить дружину в западной Руси, а самому непременно прибыть в Киев.

Владимир плохо себя чувствовал. После того как в Смоленске ему сообщили о беде на западе Руси и о том, что братья Ярославичи фактически назначили Мономаха возрождать этот разоренный край, он делал все возможное, чтобы облегчить страдания надломленных горем людей. Молодой князь потерял сон и аппетит. Еще при сборах в Смоленске, а затем по прибытию к месту трагедии, не жалея себя, в зимнюю стужу и под проливными весенними дождями он, не слезая с коня, мчался из деревни в деревню, от одного пепелища к другому.

Мономах понимал, что надо принять участие в таком значимом событии. Тем не менее, сначала Владимир расстроился оттого, что хоть и ненадолго, но нужно оставить разоренные ляхами края и уехать. Но осмыслив то, что соберутся князья со всей Руси, Владимир решил

попросить каждого из них оказать помощь в восстановлении здешних горестных мест. Ведь общими усилиями можно сделать добра значительно больше. Одни дадут денег и материалы, другие дадут людей и семена для посевов, все быстрее наладится жизнь у пострадавших людей. С этими мыслями и поехал в Киев.

По инициативе игумена и одного из основателей Печорского монастыря — Феодосия Печерского, 2 мая 1072 года в Киеве, в торжественной обстановке, в присутствии всех князей Рюрикова рода, во главе с великим князем Изяславом Ярославичем и его младшими братьями, Святославом Ярославичем и Всеволодом Ярославичем, под руководством киевского митрополита Георгия и епископов из всех удельных княжеств, состоялась канонизация первых русских святых. Погибшие во благо единства Русской земли от рук Святополка Окаянного в 1015 году благоверные князья Борис и Глеб стали первыми русскими святыми. Братьев канонизировали в лике мучеников-страстотерпцев, сделав их покровителями всей Руси.

В честь такого торжественного события братья Изяслав, Святослав и Всеволод обнародовали свод законов, направленных на улучшение жизни людей. Этот свод законов дополнил основной закон Руси того времени — Русскую Правду, или, как его еще называли, Правду Ярослава Мудрого и вошел в историю под названием Правда Ярославичей.

Каждый человек от великого князя до простого смерда чувствовал в этот день единство со всем народом Русской земли. Мономах был вдвойне счастлив. В одном из иноков Печорского монастыря он узнал своего старого, родного дядьку-пестуна Твердислава, теперь это был инок по имени Лазарь. Молодой князь со слезами радости бросился обнимать и целовать столь любимого человека. Лазарь (Твердислав) тоже очень обрадовался, увидев доброго князя. Они долго обо всем беседовали, инок Лазарь познакомил Мономаха с игуменом монастыря, Феодосием Печерским. Из беседы князю стало ясно, что Лазарь и Феодосий хорошо знают все, что происходит на Руси, в том числе и о благих делах самого Мономаха. Они высказали молодому князю свою признательность, поддержку и благословили его на будущие добрые свершения. После того как Владимир распрощался со священнослужителями и ушел из Печерского монастыря, неожиданно он почувствовал себя совершенно здоровым. Физически его ничего не беспокоило, морально у него будто камень с души свалился. Всегда полный духовных сил Мономах после общения со столь почитаемыми людьми просто светился от счастья.

В последующие дни добрые новости одна за другой приходили к Владимиру. На его обращение к князьям с просьбой о помощи пострадавшим от набега ляхов людям не нашлось ни одного равнодушного к горю человеческому. Каждый считал должным принять участие в благом деле. Тут же отправлялись гонцы во все города Руси с распоряжениями своих князей о выделении денег, материалов, мастеров различных ремесел — всего необходимого, что хоть как-то поможет людям скорее забыть о постигнувшей их беде и вернуться к нормальной жизни.

Венцом всех радостных событий в этот приезд Мономаха в Киев стало рождение в семье переяславского князя Всеволода Ярославича и его жены Анны, еще одной дочери, которую называли Екатериной.

Владимир Мономах был совершенно счастлив от этой поездки. Он вернулся во Владимир-Волынский в прекрасном настроении и самочувствии.

Хищные ляхи снова проголодались. Зная о том, что вся Русская земля взялась помогать в восстановлении городам, селам, деревням и весям Червенского края, они в очередной раз принялись пакостить. Дождавшись осени, когда люди собрали урожай и караваны с добром, как рука помощи, пришли со всей Руси на разоренную землю, ляхи взялись за свое грязное дело.

Поздно ночью Мономаха разбудили. От Ставра, который по-прежнему с частью дружины находился в Сутейске, на взмыленной лошади прискакал гонец. Ставр передал вести своему князю о том, что шайки поляков начали шакалить в предместьях Червенской Руси.

— Не на того напали, — произнес Мономах, — оциплет, как кур, — добавил князь, скрипнув сжатыми в гневе зубами.

Владимир прекрасно знал своего воеводу Ставра. Неспроста именно он с отрядом стоял форпостом в Сутейске. Давно застоялась кровь в жилах у этого прославленного витязя. Давно у него замирает дыхание при виде всех зверств, что сотворили поляки на Руси. Вот и пришел час расплаты. Алчность и погубила ничтожных ляхов.

Тут же во всем Владимире-Волынском объявили тревогу. Прошло два часа, еще только первые лучи света забрезжили на горизонте, а Мономах с Ратибором во главе войска уже мчались в Сутейск.

Расцвело. Остановились на короткий привал. Ратибор сел на землю, облокотился на широкую, кудрявую красавицу березу, поднял взгляд в небо. Напротив поляны в кустах кто-то пискнул. Ратибор рассмеялся. Мономах вопросительно посмотрел на него.

— Поспешать надо, княже, — сказал Ратибор и снова залился смехом, — спасти ничтожных ляхов надо. Изрубят в капусту их Ставр, и пискнуть не успеют, — и снова захохотал Ратибор.

— Да уж, — улыбнулся Мономах, — примерно так же я и подумал ночью, когда услышал вести от гонца. — Мономах тоже рассмеялся.

Вечером уже прискакали в Сутейск. Ставра с дружиной в городе не было. Мономах переживал. Местные жители рассказали, что ненасытные в своей алчности ляхи в этот раз не остались в составе большого войска. Чувствуя свою безнаказанность, грезя легкой наживой, чтобы быстрее охватить как можно больше городов и сел, они разбились на мелкие шайки и расползлись черными щупальцами по всей Червенской Руси. Днем одна из таких шайек подошла к Сутейску. Богатырь Ставр во главе дружины соколом ударил на них. Ляхи опешили от столь стремительной атаки. Русская рать в пух и прах разгромила воров-поляков.

Прискакал всадник из дозорного отряда Ратибора и доложил Мономаху, что на подходе к городу возвращается Ставр с дружиной. Вскоре на окраинах Сутейска слышались громогласные голоса Ставра и Ратибора:

— Спешил я к тебе, брат мой! — весело говорил Ратибор Ставру. — Так и думал, старина, что посечешь всех ляхов поганых и мне не оставишь.

Друзья рассмеялись. Подъехали к Мономаху.

— Здрав будь, княже! — поприветствовал Владимира Ставр.

Мономах обнял своего верного воеводу.

— Не успели вы, княже, — продолжил Ставр, — наказал уж я воров-ляхов. Тех, кто оружие в руках держал, тут же изрубил на куски, а тех, кто бросился бежать в разные стороны да прятаться где ни попадя, приказал я молодцам своим ловить этих падальщиков, да на суд скорый тащить за шкуру, как котов нашкодивших. Не серчай, княже, за самоуправство. Да только не стал я томить душу себе и другим долгими разбирательствами. Вины ляхов до сих пор у меня перед глазами стоят обугленными остатками сел и деревень. Вспомнил я слезы невинных людей и выдал полякам по заслугам. Приказал я отрубить руки по самые локти ворами этим, чтобы не трогали они больше чужое добро, да так и отпустил их в Польшу, чтобы другим неповадно было. Одного юнца пожалел только, не тронул. Разжалобил он сердце мое. Говорит, заставили его соплеменники ляхи прийти сюда, показать короткую дорогу к городам русским. Он сначала отказывался вести их, так поляки выкололи ему глаз один в устрашение. Вот и не тронул я бедолагу этого, ему и так от кровожадных соплеменников досталось.

Заночевали в Сутейске. Ранним утром Мономах собрал всю свою дружину и разделил на три сильных отряда. Первый был отряд богатыря Ставра, второй неустрашимого Ратибора, а третий князь Владимир возглавил сам. Так и пошла дружина Мономаха по землям Червенской Руси бить и изгонять воров-душегубов поляков. Этой осенью русская рать побывала во многих городах, селах и деревнях Червенского края, самые крупные из которых Червен, Перемышль, Тербовль, Львов, Галич, Сутейск, Берестье, Белз, Холм, Дорогочин, Санок и Кросно.

Осенью, выгнав всех поляков из Червенских земель, Мономах вернулся во Владимир-Волынский и надеялся за зимние месяцы насладиться тишиной и спокойствием. Однако снова тишина оказалась непродолжительной на Русской земле. В марте 1073 года Святослав и Всеволод прогнали своего старшего брата Изяслава Ярославича из Киева.

Инициатором произошедшего раздора стал самый амбициозный из трех братьев, черниговский князь Святослав Ярославич. Один он не решался выступить против своего старшего брата, великого князя Изяслава Ярославича. Поэтому Святослав подговорил самого младшего из братьев, слабохарактерного и ведомого, переяславского князя Всеволода. Аргументировал Святослав тем, что их старший брат, давний друг поляков и лично польского князя Болеслава, преследуя коварные планы, теперь помирился с другим вечным врагом Ярославичей, полоцким князем Всеславом. В союзе с этими двумя недругами Изяслав готовит заговор против своих младших братьев. Наконец Святослав убедил Всеволода опередить своего старшего брата Изяслава и прогнать его с великокняжеского престола в Киеве. Что и было сделано в марте 1073 года.

Изяслав Ярославич, прихватив с собой всю богатую великокняжескую казну, снова бежал за помощью в Польшу. Святослав перебрался в Киев и занял великокняжеский престол, а младший из Ярославичей, Всеволод, получил Чернигов. На правах старшего в роде, новый великий князь Святослав Ярославич провел перераспределение земель и княжеских столов на Руси. На место князя Владимира Мономаха, отстроившего к тому времени Владимир-Волынский, Святослав отправил своего сына Олега. Самому Владимиру Мономаху новоиспеченный великий князь дал в удел Туров, также находящийся в западной Руси. Этот город был, несомненно важным, но он значительно уступал по богатству и политическому весу Владимиру-Волынскому и Смоленску, которыми ранее управлял Мономах.

Казной, вывезенной из Киева, Изяслав надеялся купить себе союзников для борьбы с братьями. Однако череда невезений продолжилась у него и по прибытию в Польшу. На этот раз польский князь Болеслав, взяв богатые дары у Изяслава, отказал ему в помощи. Летописец сообщает: «Еже все взяша ляхове у него, показавше ему путь от себе». Морально избитый Изяслав не желал мириться с потерей великокняжеского престола и продолжил поиски союзников в других западноевропейских странах.

Старинный город Туров был основан у слияния двух рек Язды и Струмени, притоков реки Припяти. Земли, где он расположен, населяло восточнославянское племя дреговичей. По преданию, название город получил от правящего здесь князя Тура. Впервые Туров упоминается в документах еще в 980 году.

Владимир Мономах легко воспринял вести о том, что ему необходимо перейти на княжение в другой город. Он считал свою миссию во Владимире-Волынском и Червенской Руси выполненной. Край утешен и заново отстроен. Набеги неприятеля жестко пресечены, соседние ляхи получили заслуженный урок. Неторопливые сборы заняли чуть больше недели. Мономах встретил прибывшего вместо него на княжение во Владимир-Волынский сына Святослава Ярославича, Олега, и, передав ему бразды правления, со спокойной душой пошел в Туров.

Новый великий князь Святослав из кожи вон лез, чтобы показать всем, что теперь именно он, а не кто иной, является самым главным князем на Руси. Повод для торжества ему долго ждать не пришлось. Великий князь Святослав Ярославич решил отметить с размахом годовщину канонизации первых русских святых мучеников-страстотерпцев благоверных князей Бориса и Глеба, покровителей всей Русской земли. По всем городам, селам, деревням и весям Руси были отправлены гонцы, приглашавшие всех желающих принять участие в торжествах в Киеве.

В конце апреля 1073 года в Киеве, как и год назад, собрались все князья Рюрикова рода, за исключением бывшего великого князя Изяслава Ярославича и его семьи. Не обошел вниманием Святослав и того, кого еще вчера обвинял в интригах против него, полоцкого князя

Всеслава. Всеслав принял приглашение и прибыл в Киев со всей семьей, тем самым показывая свою расположенность к новой власти.

Праздник, задуманный для показа тщеславия Святослава, неожиданно для него самого оказался под угрозой срыва. В распри трех братьев Ярославичей вмешался игумен Печорского монастыря — Феодосий Печерский. Церковный пастырь отказался благословлять Святослава. Для великого князя ситуация стала критической. Если бы Феодосий Печерский прилюдно обвинил Святослава в злодействе и нарушении завещания их отца, Ярослава Мудрого, это был бы конец. Проще было бы уйти к половцам в степь и там княжить, чем оставаться в Киеве. Святослав взбеленился от ярости. Но делать было нечего. Феодосий Печерский — непререкаемый авторитет для всей Русской земли. Святослав пошел к старцу на поклон. Феодосий не принял великого князя. Святослав и вовсе растерялся. Много всевозможных сложностей он мог себе представить на пути к собственному величию, а такое развитие событий никак не предвидел. Великий князь второй раз пошел на поклон к старцу, Феодосий был непреклонен и снова не принял Святослава.

«Все. Делать нечего. За что боролся, на то и напоролся. Из князя в грязи», — в отчаянии подумал Святослав.

Вдруг на великокняжеском дворе появился инок из Печерского монастыря. Это был Лазарь. Святослав узнал в нем бывшего прославленного витязя Твердислава. Теперь Лазарь был кротким и смиренным иноком. Святослав тут же пал на колени и пополз целовать ноги старцу. Лазарь величественным жестом остановил его.

— Что же ты, княже, от добра добро ищешь? Чем же не сиделось тебе в стольном Чернигове? Отчего на брата своего единокровного руку поднял? Разве забыл ты, княже, мудрые слова отца своего, Ярослава? Отец завещал вам любить друг друга и жить мирно друг с другом. Предрекал он вам, что если будете жить в распри, ссорах и ненависти, то погибнете сами и погубите землю отцов и дедов своих.

— Я... Он... Мне сказали... Донесли... Я не хотел... Я... Он... Меня... — Святослав потерял дар речи. Он ползал по полу и не мог двух слов связать.

— Полно тебе, княже, — спокойно промолвил Лазарь. — К игумену Печерского монастыря Феодосию сейчас же иди. Зовет он тебя. Кайся, княже. Моли Господа Бога грехи отпустить твои великие.

— Я... Прости... Я... Храм...

Теперь уже слезы перекрыли горло Святослава. Он ревел, сжимал в кулаках дорогие ковры и бился лбом о дубовые доски.

— Полно тебе, княже, — снова размеренно произнес Лазарь, — ступай к игумену Феодосию.

Святослав вскочил на ноги, непрерывно отвешивая земные поклоны, расцеловал руки Лазарю и, не прекращая кланяться, стал пятиться к выходу. Выскочив во двор с взъерошенной бородой и шевелюрой на голове, с выпученными красными от слез глазами, без шапки, в чем был, без памяти, стремглав побежал в Печерский монастырь к игумену Феодосию.

Великий князь пришел к почитаемой во всей Русской земле обители. Издали завидев высокого высохшего седовласого игумена Феодосия, Святослав упал на колени. Игумен медленным жестом показал князю, чтобы тот встал на ноги и подошел ближе. Святослав встал, семеня на месте, еле-еле передвигая ногами, будто по колено увяз в глине, с трудом приблизился к Феодосию и снова пал ниц.

— Встань, княже! — твердым густым голосом сказал старец.

Святослав не решался даже оторвать взгляд от земли, а не то чтобы встать.

— Ну же, княже, встань, — повелительно промолвил игумен.

Святослав робко поднялся с колен, но взор все еще боялся поднять.

— Зачем, княже, живешь, как злодей лихой? — тихо, но властно спросил Феодосий Святослава.

Голос старца пронял князя до костей. Душа выворачивалась наружу. Святослава затрясло, как в лихорадке.

— Й... я... я... — снова замямлил Святослав.

— Слова твои не стоят ничего. Дела показывают истинную сущность человека.

Святослав упал, как подкошенный. Его трясло. Казалось, он не в себе, рассудок покинул его.

— Надеюсь, не все потеряно с тобой. Еще не до конца загубил ты душу свою делами черными.

Святослав затряс головой. Было непонятно, лихорадит ли его, или это он сознательно кивает, соглашаясь со словами старца.

— Не приходи ко мне больше, княже. Но людям я не скажу этого. Не для тебя ради, а Руси во благо. Ты, княже, брата своего старшего выгнал, войну затеваешь, кровью умыться хочешь. Не по-христиански это.

Корчащийся на сырой земле Святослав затих.

— Церкви святые с правителями земными в мире должны жить. Ибо мы души и сердца людские к Господу Богу нашему направляем, а вы, земными, страстями управлять должны.

Было видно, что Святослав каждой клеткой своего организма впитывает слова игумена.

— Повторю тебе, княже. Дел твоих черных не одобряю я. Пока с братом своим не помиришься, за благословлением не приходи ко мне. Но, если люди ссору между нами с тобой увидят, другие князья восстанут на тебя, как ты восстал на брата своего. И пойдет отец на сына, а брат на брата. И прольется кровь людей безвинных. Не могу допустить я этого. Оттого приду я на праздник тобой устраиваемый. Возьму грех на душу ради мира и спокойствия на Русской земле.

Три дня после этого великий князь не выходил из своих покоев.

2 мая 1073 года в день празднования годовщины канонизации первых русских святых мучеников-страстотерпцев благоверных князей Бориса и Глеба в Киеве состоялась торжественная церемония закладки каменной Успенской церкви Печорского монастыря. Великий князь Святослав Ярославич лично дал старт началу строительства и выкопал часть рва для фундамента будущего монастыря. В этом благом деле принял участие и Владимир Мономах, который приехал из своего нового княжеского города Турова. Как и великий князь, Владимир Мономах выкопал часть рва для фундамента будущего монастыря, передал для строительства крупную сумму денег и привез с собой искусных мастеров в строительстве каменных храмов.

После торжеств, проведя в гостях у отца несколько дней, Мономах уехал обживать свой новый город Туров.

Полгода на Руси все жили в согласии друг с другом. И лишь поздней осенью появились новости, которые всколыхнули не только последние засохшие листья на деревьях, но и легкую дымку спокойствия в Киеве. Природа везде увядала и готовилась ко сну, но один человек, знакомый всем на Руси, не увядал, а наоборот, пытался возродиться. Возродиться из политического небытия. Этот человек — Изяслав Ярославич. После того как его обманули и, взяв деньги, но отказав в помощи, попросту ограбили в Польше, он продолжил поиски союзников. Эти поиски привели его в Германию. Осенью 1073 года Изяслав Ярославич объявился при дворе германского короля Генриха IV. Чем закончится очередная авантюра бывшего великого князя, было неизвестно. Одно было ясно, тонкая мирная нить на Руси может оборваться в любой момент.

В январе 1074 года из Германии от короля Генриха на Русь к великому князю Святославу Ярославичу прибыли послы. В своем письме Генрих вежливо, но настойчиво просил Святослава вернуть великокняжеский престол старшему брату Изяславу. В случае отказа Святослава

Генрих намекал на возможность применения с его стороны более решительных мер. Великий князь не лежал в Киеве на лаврах победителя. Он внимательно следил за политической и военной обстановкой в странах Европы. Поэтому ему была хорошо известна конфронтация и расстановка сил на данный момент.

Король германии Генрих IV был очень деятельным и амбициозным правителем, поэтому у него были как союзники, так и противники. Злейшим врагом Генриха был польский князь Болеслав II. Напряжение во взаимоотношениях между этими правителями возросло до такой степени, что стороны готовились вступить в войну друг с другом. Внутри собственного государства Генрих вел долгую и изнурительную борьбу с саксами. Еще одним непримиримым врагом германского короля был римский папа Григорий VII, который не ограничивался своим верховенством в духовных делах, а еще и активно вмешивался в дела светской власти. Григорий грозил королю Генриху отлучением от церкви. Единственным союзником германского короля был чешский князь Вратислав II, который вел войну с их общим врагом, польским князем Болеславом.

Великий князь Святослав Ярославич прекрасно понимал, что ни о какой реальной военной помощи со стороны германского короля Генриха Изяславу не может быть и речи. Тем не менее, Святослав решил подстраховаться и отправил с послами богатые подарки германскому королю. В Германии для Изяслава было все предрешиено. Получив богатые дары из Киева, германский король тут же указал на дверь бывшему великому князю. И снова поплелся невезучий Изяслав куда глаза глядят. Только вот что делать дальше? Ситуация усложнилась до предела. Увезенной из Киева богатой великокняжеской казны больше нет. А власть продолжает манить. Что предложить в обмен на военную помощь? И ничтожная душонка Изяслава нашла выход.

Наступила весна 1074 года. Из Чернигова прибыл гонец. Мономах стал читать письмо от отца. С первых же строк Владимир узнал, что у Всеволода Ярославича и его жены Анны родилась третья дочь Мария. У молодого князя заблестели слезы радости на глазах. Он прервал чтение и отложил письмо. Выйдя на свой княжеский двор, Владимир сразу же получил богатую порцию весеннего настроения из теплых солнечных лучей, пения птиц и ароматного воздуха, насыщенного запахами цветущей яблони и вишни. Казалось, душа молодого князя расцвела в эту минуту вместе с природой. Он сделал пару шагов и услышал чириканье птицы. Владимир оглянулся. Под крышей княжеского терема ласточки вили гнездо. Пара маленьких птичек, словно пчелки-труженицы, старательно обустраивали свой будущий домик. Мономаха умилила и растрогала эта картина. Снова слезинки заблестели на глазах молодого князя.

Вернувшись в дом, Мономах продолжил чтение письма от отца. Лицо его стало серьезным. Он в задумчивости провел рукой по густой бороде.

— О-о-о... Вот так дядя... Понесло так понесло... А еще старшим в роде называется... Такой не то чтобы Русь католикам отдаст, он душу дьяволу продаст и глазом не моргнет. Страшный человек.

Мономах прочел от отца: «Дядя твой старший, Изяслав, к папе римскому Григорию пришел и за помощь в возвращении великокняжеского престола Русь ему предлагал в залог, точно монету разменную».

Радости римского папы не было предела. Всю Русь на блюдечке с золотой каемочкой сам великий князь предлагает. Григорий не верил собственным ушам, что наяву слышит это. Самому князю Изяславу хитрый Григорий вида, конечно, не подал и не выдал своего восторга. В обтекаемых фразах, витиеватыми речами Григорий пообещал, что постарается что-нибудь сделать для князя. На деле же он был лично готов примириться со своим заклятым врагом германским королем Генрихом, помирить Германию с Польшей, да и вообще перемирить кого угодно, лишь бы не упустить столь выгодный шанс. Немедленно помчались гонцы в Германию к Генриху, в Польшу к Болеславу, в Чехию к Вратиславу. Всех этих правителей римский папа Григорий с небывалой любезностью просил и даже требовал вернуть богатства изгнаннику

Изяславу и как можно скорее оказать ему военную помощь для возвращения великокняжеского престола.

Мономах ужаснулся. До чего жажда власти может довести человека. Нижнего предела, до которого могут опускаться люди в погоне за своим собственным тщеславием, казалось, вовсе не существует.

На следующей неделе Владимир поехал к отцу в Чернигов. Торжества по случаю рождения дочери дополнялись политическими переговорами. Мономах обсудил с отцом поведение своих дядей. Бывший великий князь Изяслав обретался где-то в странах Европы и был готов ухватиться за любую спасительную соломинку, лишь бы вернуться на олимп власти. Святослав же чувствовал себя совершенно комфортно в Киеве и был готов пойти на любые козни и интриги, лишь бы эту власть не потерять. Два родных брата, ведомые жадой всевластия, стали заклятыми врагами. Ни один, ни другой сдаваться и уступать своему противнику не собирался. Было ясно, что они готовы идти до конца. Только где этот конец и через какие грани и жертвы они еще переступят, никто не знал. Это и пугало князя Владимира Мономаха.

Две недели длились торжества в Чернигове. Владимир уже заскучал по своему Турову. Но черниговский князь все еще не отпускал его. Мономах хорошо знал своего отца и понимал, что у Всеволода Ярославича есть какой-то нерешенный вопрос, но он чего-то ждет. Наконец, встретив очередного гонца, прочитав какие-то новости, Всеволод пригласил сына на разговор.

— Сын мой, пишет мне сестра твоя двоюродная, принцесса Дании Ингигерда. В Дании, при дворе короля Свена, уже 8 лет живет его племянница Гита. У девушки трагическая судьба. 8 лет назад ее отец, последний англосаксонский король Англии Гарольд, погиб в бою с нормандскими завоевателями. Норманны победили, и Гита вместе с двумя братьями бежала из Англии. Их мать Эдита, которую за красоту прозвали Лебединая Шея, осталась в Англии и скоро была убита норманнами. Со временем оба брата Гиты погибли. Теперь эта девушка абсолютная сирота. Моя племянница, принцесса Ингигерда, сообщает, что Гита твоя ровесница. Она хороша собой, но, главное, эта девушка с добрым, отзывчивым сердцем и чистой душой. Судьба закалила ее, и у Гиты сложился сильный характер. Она хорошая хозяйка и может стать прекрасной хранительницей домашнего очага. Если ей дать заботу и любовь, она станет верной и надежной помощницей своего мужа, любящей и заботливой матерью. Сын мой, не хочешь ли ты взять эту девушку себе в жены?

Румянец выступил на щеках молодого князя Владимира. Он хотел что-то сказать, но отец перебил его.:

— Не забывай, сын мой, что в будущем, если, не дай Бог, у тебя случится распря с кем-то из князей, ты не сможешь обратиться за военной помощью к влиятельному тестю, как это делают многие князья.

— Мне не военные союзники, а верная и надежная жена нужна, — решительно ответил Мономах. — Я возьму эту девушку себе в жены! — добавил Владимир.

Отец и сын немного помолчали.

— Что касается межкняжеских распрей, — начал говорить Владимир, — я не хочу ни с кем воевать внутри своего Отечества, а если все же такая ссора случится, то я точно не собираюсь приводить иноземные войска русскую кровь проливать. В войне же по защите Руси от половцев, поляков или еще какой внешней угрозы мне вся Русская земля в помощь будет.

— Молодец, сынок! — сказал Всеволод Ярославич, одобрительно кивнув головой и радушно похлопав Мономаха по плечу.

Еще через пару дней Владимир уехал к себе в Туров. Прибыв домой, Мономах с любовью наблюдал за ласточкиным гнездом, из которого часто выглядывали желторотые птенцы. Молодой князь думал, что, даст Бог, скоро и его дом превратится в уютное гнездышко, которое со временем наполнится детьми.

Так в повседневных хлопотах лето сменила осень, а ей на смену пришла сонная зима. В Турове, Чернигове, Смоленске и Переяславле — везде на Руси люди радовались собранному урожаю, заготовленным дровам на зиму и самому главному, что их родные и близкие живы и здоровы. Не много человеку для счастья надо.

Но есть такие люди, для которых тихая и спокойная жизнь хуже некуда. Им нужны страсти, нужно кипящее жерло вулкана, крики, овации, признание толпы, а иначе и жизнь как будто вовсе не жизнь. Таким человеком был великий князь Святослав Ярославич. От потенциальных врагов он откупился. Последние надежды старшего брата Изяслава превратил в пыль. Что дальше? Этого мало. Так стало скучно жить. Кровь в жилах начала застаиваться.

Долгим зимним вечером Святослав Ярославич наедине сам с собой откровенно рассуждал:

— То ли дело были времена у предков моих. Олег Вещий, Игорь Старый, Святослав Игоревич, Владимир Красно Солнышко, Ярослав Мудрый — все они водили рати на Царьград. Святослав громил Хазарский каганат, ясов, касогов, печенегов и болгар. Владимир Красно Солнышко брал приступом греческий Херсонес. Гремела слава Руси, а впереди нее летела слава о выдающихся князьях. О них слагали легенды, пели песни. А что у меня? Ну, князь я, и что? Отнял хитростью и коварством великокняжеский престол у своего простоватого брата. А дальше-то что? Кто слагает обо мне легенды? Кто поет песни о моих подвигах? Кто в Европе знает о князе Святославе Ярославиче? Нет! Так больше жить нельзя! Надо срочно что-то менять! Надо вколачивать себя в историю! С чего начать? К чему подступиться? Вершить что-то на Руси? Нет. Не тот масштаб. Не такого полета птица великий князь Святослав Ярославич! Царьград? Высоковат для начала. Скандинавские страны далеки от Киева. В Европу надо идти. Что там? Все друг с другом воюют. Так надо разбить кого-то хорошенько! Увековечить славу о себе! Но... для начала можно и не самому ввязываться в бой. Ведь, будучи великим князем, достаточно только организовать военный поход. Отправить войска, а уже в случае успеха кто посмеет отнять лавры победителя у великого князя? Кто потом будет разбираться, ходил ли сам Святослав в этот поход или не ходил? Главное, что во времена моего великого княжения свершилось это событие. Мое имя войдет в анналы истории! А мелочи неважны. Так, план хороший. Надо действовать! Не упустить момент, пока Европа сама себя в войнах разрывает на части. А кого поддержать? Кого бить? Ясное дело! Поддерживать надо сильного, а бить слабого, чтобы успех был наверняка. Хорошо. Сам я не пойду. Слишком велик риск. Тогда кого послать? Кому доверить возглавить рать? Брату? Нет! Он тряпка! С ним больше позора на свою седую голову найдешь. Кого же тогда? Сыновей? Да кто из них в каком деле участвовал? Вдруг не получится. Надо так, чтобы наверняка. Может, сын Олег справится? Нет. Он хоть и храбрый князь, однако слишком вспыльчивый, и опыта опять же водить дружину нет никакого. Ведь поход в чужую страну — это не бой с соседним князем внутри Руси. Там целая наука. Надо быть и полководцем, и дипломатом, и в хозяйственной стороне вопроса хорошо разбираться. Погоди-ка, Мономах! Вот кто справится! Дружины он водил, поляков по Червенской Руси гонял, воины его уважают и любят. На переговоры с Изяславом в Сутейск тоже он ездил, да и Червенский край он же за год отстроил. Князь Владимир Мономах! То что надо! Он дело грамотно обернет, и успех будет гарантирован! Жаль, что не сын он мне! Племянник все же тоже ко мне имеет отношение. Не доверяю я ему, как мог бы доверить родному сыну. Хоть он и с добрым сердцем и чистой душой. Все равно. Где племянник, а где родной сын? А пошлю-ка я Мономаха старшим, а с ним сына своего Олега! Вот так будет то что надо! Можно начинать вести переговоры. С кем? Поляки сейчас с чехами воюют. Вот я в союзе с поляками-то чехов и разобью. Надо с Болеславом о союзе договориться перво-наперво. Пока это дело лучше оставить в тайне. Вдруг Болеслав откажется, или еще что не заладится. А Мономах — так он всегда готов. Дружина его также легка на подъем. За сутки собрались в Сутейск против этих же поляков стоять пять лет назад! Да и во Владимире-Волынском, счи-

тай, через пару часов в поход выступили. Дам я ему в укрепление часть дружины из Киева, да отец его даст дружину из Чернигова, да из его родного Переяславля рать выступит. Олег, сын мой, со своей Владимиро-Волынской дружиной с ним пойдет. Великая сила соберется в единый кулак! Не устоять Вратиславу!

К осени 1074 года военный союз Польши и Руси был готов. Выступить решили в следующем году.

С начала 1075 года личная жизнь князя Владимира Мономаха закипела так, что иногда он не узнавал сам себя и своего отца. Все началось с письма из Чернигова. Всеволод Ярославич писал сыну, что дело со свадьбой решено удачно и к лету этого года невеста уже будет на Руси. С этими словами черниговский князь звал к себе сына, чтобы обсудить детали предстоящей свадьбы. Владимир безотлагательно выехал к отцу. Через пару дней встретились. Отец обнял сына.

— Ну, сын мой, свершилось! Сестра твоя двоюродная Ингигерда пишет, что со стороны невесты препятствий нет, сама Гита выразила свое согласие выйти за тебя, да и датский король Свен поддержал ее в этом выборе. В июне сыграем свадьбу. Отмечать будем у меня, в Чернигове. Уж для сына своего любимого я постараюсь на славу! Пир на весь мир греметь будет! Лишь бы ты, сынок, жил счастливо со своею женою. По случаю такой радости души моей приглашу я на торжества князей всего Рюрикова рода со всей Руси. И простой люд честной, все, кто пожелает, пусть приходят. Никому ни в чем не откажу! Брата своего старшего, великого князя Святослава Ярославича, я уже уведомил о грядущей свадьбе. Да только о масштабах торжества, какое хочу устроить, еще не рассказывал. Со дня на день он ко мне в гости приедет, тогда и расскажу.

Не успел Всеволод Ярославич договорить эти слова, как ему сообщили, что брат его уже подъезжает. Всеволод с сыном вышел встречать Святослава Ярославича.

— Пойдем, брат мой любезный, к столу. Мы с сыном как раз обсуждали торжества.

— Какие торжества вы обсуждали? — спросил Святослав, усаживаясь поудобнее за богато накрытый стол.

— О свадьбе сына своего я уже говорил тебе. С невестой гости дорогие из Дании приедут. Король Свен и племянница моя Ингигерда выразили желание порадовать нас своим приездом. Тесть мой, хан половецкий, обещал приехать. Ну, уж я надеюсь, что и род наш Рюриков со всей Руси-матушки съедется. Гонцов по всей земле отправлю оповещать люд честной, пусть все отметят свадьбу сына моего любимого.

— Прекрасная идея! — поддержал Всеволода Святослав. — Болеслава, польского князя, тоже пригласить надо, раз уж мир мы с ним заключили.

— Да, конечно, — согласился Всеволод.

Тщеславного Святослава идея пробила молнией.

«Как!? Как на таком событии, организованном с грандиозным размахом, в присутствии не только русских князей, но и правителей из Европы, Скандинавии и из половецкой степи, великий князь Святослав Ярославич будет в качестве гостя? Нет! Это недопустимо!»

— А знаешь что, брат мой. Пожалуй, покажу я любовь и уважение племяннику своему любимому, сыну твоему, князю Владимиру Всеволодовичу, и закачу пир на весь Киев. Давай, брат, сделаем это радостное событие достоянием всей нашей Руси и отпразднуем его в сердце нашей Родины, в стольном городе Киеве!?

Всеволод Ярославич и Владимир немного смутились от такого поворота развития событий. Святослав заметил заминку своего брата и племянника и решил дожимать ситуацию до безоговорочной победы.

— Уважь, брат мой любезный! Не откажи мне в милости! Позволь выказать любовь к тебе и сыну твоему!

Когда ему нужно было, Святослав был мастер лести. Всеволод и Владимир молча поглядели друг на друга. Видя, что дело может сорваться, Святослав пошел ва-банк.

— Нешто гнев вы на меня какой имеете? И обидеть меня хотите отказом своим? — Святослав изобразил из себя жертву и наигранно замигал глазами, пытаясь выдавить из себя скую слезу.

— Хорошо, брат, — сдался слабохарактерный Всеволод. — Будь по-твоему! Давай в Киеве устроим праздник!

Святослав торжествовал. Он так же наигранно кинулся обнимать младшего брата и своего племянника, слезливо приговаривая:

— Спасибо, брат мой любезный! Спасибо тебе за то, что уважил просьбу мою! Честь великую ты мне оказал, брат мой. Сын твой не просто любимый мой племянник, я его как своего родного сына почитаю за доброту сердечную, за душу его белоснежную! — И снова всхлипнул Святослав для большей убедительности.

— А что, великий князь, Святослав Ярославич, — обратился Мономах к своему дяде, — раз по такому случаю вознамерились вы с отцом моим любимым собрать воедино семью нашу большую и со всей Руси, и из стран ближних и дальних, может быть, увенчаете вы праздник этот прощением всеобъемлющим? И простите брата своего старшего? Примите его. Родной же все-таки он вам. Если не на великий престол возведете, то хотя бы простите друг друга и позвольте ему просто вернуться на Родину и жить на родной земле. Если и не в Киеве, то хоть в каком другом городе земли Русской.

Отец Мономаха открыл рот от этих слов и через мгновение накинута бы целовать сына своего за мысли светлые души и сердца его. Но тут же князь Всеволод увидел, как перекосила ярость лицо Святослава. Теперь уже Святослав не играл. Он сразу же отрезал.

— Нет! Этому не бывать! И точка!

Побыв пару дней у отца, не находя себе места от волнения, Владимир уехал в Туров.

В этот период Мономах виделся с отцом так часто, как они не виделись никогда ранее с момента отъезда молодого князя из родительского дома. Не прошло и месяца, как они в январе совместно с великим князем начертили контуры предстоящего торжества и решили проводить свадьбу в Киеве. В феврале снова прискакал гонец от отца. Всеволод Ярославич звал сына в Чернигов. Владимир сразу же поехал к отцу. Мономах заметил, что отец находится в приподнятом настроении, возбужден и деятелен больше обычного. Всеволод Ярославич сообщил сыну, что в Дании все идет по плану, сборы невесты в самом разгаре и вся делегация во главе с самим датским королем Свеном намерена двинуться в путь как только сойдет лед. Тесть Всеволода Ярославича, половецкий хан, шлет поклон, богатые подарки и сообщает, что еще по весне, по первой сочной зеленой траве, пригонит свои бесчисленные табуны коней, стада коров и отары овец к самым границам Руси. Он заблаговременно в окружении всей своей большой семьи прибудет сначала в Чернигов, чтобы проведать дочь и внуков, а уже потом все вместе поедут в Киев. Польский князь Болеслав выразил благодарность за приглашение. Несмотря на то, что обстановка в самой Польше и на ее границах сейчас напряженная, он ведет войну с чешским князем Вратиславом, вот-вот может вспыхнуть война с германским королем Генрихом, тем не менее Болеслав в столь накаленной обстановке дорожит дружбой с Русью так, как никогда ранее. И, кажется, он намерен просить о военной помощи великого князя Святослава Ярославича. Тут же Всеволод сообщил сыну, что в Киеве тоже все заняты хлопотами по случаю предстоящего торжества и, по всей видимости, как и обещал его брат Святослав, пир будет на весь мир. Расспросив сына, как обстоят у него дела на княжении в Турове, Всеволод Ярославич не стал его долго задерживать и отпустил в его удел.

В марте князь Владимир начал готовиться провести все хозяйственные работы у себя в уделе качественно и быстро, чтобы со спокойной душой в мае убыть к своему отцу в Чернигов для встречи своей будущей жены Гиты. Беспокойный отец снова оторвал от дел Владимира и

звал к себе. Делать нечего, надо ехать. На этот раз отец рассказал сыну о том, что гонцы ежедневно прибывают и убывают от него во все концы Руси, и при этом Всеволод не без гордости радостно сообщал, что все князья Рюрикова рода благодарили его за приглашение и обещали обязательно прибыть в конце мая. Некоторые из них приедут сначала к нему, Всеволоду в Чернигов, и потом только поедут в Киев, ну а другие, ссылаясь на большую занятость и ограниченность во времени, обещали прибыть сразу в Киев. В этот раз Всеволод Ярославич с грустью сообщил сыну, что о бывшем великом князе Изяславе Ярославиче и вовсе нет никаких вестей, и сейчас точно неизвестно, где он и жив ли вообще. Было видно, что, хоть судьба и развела родных братьев по разные стороны враждующего лагеря, Всеволод, который был на много добрее и сердечнее своего брата Святослава, искренно переживает за Изяслава Ярославича. Обсудив все новости, Владимир отпросился у своего отца поскорее вернуться в свое Туровское княжество, сославшись на большое количество дел дома. На этом отец с сыном и распрощались.

В апреле, в самый разгар посевной, вновь гонцы появились на княжеском дворе в Турове. Владимир стал уже уставать от этой предсвадебной суматохи. На этот раз гонцы были из Киева. Великий князь Святослав Ярославич не хотел упускать шанса лишний раз блеснуть своим тщеславием и звал племянника к себе. Мономах, оставив все домашние хлопоты на своих верных Ратибора, Лучезара и Ставра, вновь отправился в дорогу. Святослав Ярославич встретил Владимира торжественно, даже скорее помпезно. Святослав, смакуя, стал перечислять богатства, которые он выделяет из своих необъемных великокняжеских запасов. Он решил не ограничиваться словами и провести князя по своим житницам, чтобы продемонстрировать запасы. Вина заморские рядами стояли в бочках, дорогая золотая и серебряная посуда горами лежала в хранилищах великого князя. Испытывая истинное наслаждение, Святослав перечислял, сколько каждый день будет подано гостям зажаренных быков, баранов, свиней, гусей, уток, рыбы разных видов, всевозможной дичи, о которой заранее он, великий князь Святослав, дал указ по всем землям ловить и свозить ему, великому, дабы уважить его и гостей его знатных. Не забыл упомянуть Святослав о пряностях, различных диковинных заморских овощах и фруктах, которые свезут до начала торжества в его великокняжескую столицу в Киев. Казалось, демонстрации тщеславия Святослава не будет конца, и он может вечно перечислять свои несметные богатства, упиваясь величием. Святослав ликовал, видя изумленные глаза своих слушателей. Наконец он закончил перечисления и пригласил племянника отобедать с ним за одним столом. Владимир, конечно же, согласился, хотя он сильно устал больше от всей этой показушности, нежели от тягости преодоленного пути. Тем не менее Владимир выказывал радость и благодарность великому князю. Мономах понимал, что все эти старания Святослава направлены не от его якобы большой любви к племяннику, а из желания показать себя, любимого, во всей красе перед собравшимися гостями и в очередной раз наглядно подчеркнуть свое богатство и величие.

Побывав у своего дяди Святослава в Киеве, Владимир не мог не заехать к отцу в Чернигов. Чем ближе была дата возможного прибытия заморских гостей, тем больше суетился и переживал черниговский князь Всеволод Ярославич. Видя это, Мономах уже принялся успокаивать своего впечатлительного отца. Напомнив ему, что он всегда был хлебосольным хозяином и с детства помнил, как эти гости в Переяславле практически не переводились. Не успевали провожать одних, как на пороге появлялись другие.

— Да, сынок, ты прав, — сел и вздохнул по-стариковски князь Всеволод Ярославич. — Это ты правильно говоришь. Только вот не о гостях душа у меня болит. Всех встретим, всех накормим и напоим, всех богатыми подарками одарим. Это все так. В этом ты прав. Не впервой нам гостей встречать. Гости ведь на Руси испокон веков почет и уважение в любой порядочной семье имели. Отцы наши и деды сказывали, что в те далекие времена, когда еще не было ни Киева, ни Чернигова, ни Переяславля, никаких других городов; не появился еще на Русиматушки легендарный пращур наш Рюрик; тогда, когда восточные славяне еще племенами да

общинами жили, жилища тогда люди не закрывали друг от друга. Воров и лихоимцев, жадных до чужого добра, среди них не было, но и это не самое главное. Самое главное в том, что гостю такой почет и уважение оказывали, что разрешалось так делать: пришел гость в дом, в котором люди бедно живут и нечем попотчевать его, подарка дорого для него нет, так можно было зайти к соседу, без разницы, дома в это время был тот сосед или не было его. Так вот бедный человек мог взять у соседа все необходимое, чтобы накормить, напоить гостя своего и подарком богатым одарить. Это не считалось воровством. Более того, тот сосед, у которого бедный человек брал это добро, за честь себе считал, что с помощью его добра двум разным людям дело хорошее сделал: и гостя уважил, и соседа своего бедного выручил — вот как жили предки наши. Да не об этом душа болит у меня. Добра у нас, слава Богу, хватает. Душа моя о тебе, сын мой, болит. Тебя любимого женить-то будем. Переживаю я, сын мой, о том, чтобы жена у тебя добрая и порядочная была, чтобы вы душа в душу с ней жили, любили друг друга и уважали, заботились друг о друге да детишек добрых наживали. Вот о чем душа моя болит.

Отец всхлипнул. Утер слезы и Мономах. Сын обнял отца своего доброго, да и поплакали они вместе.

Поблагодарив отца за труды его добрые, Владимир поклонился Всеволоду Ярославичу и уехал в свой удел.

Когда Мономах прибыл в Туров, его встречали горячо любимые, уже ставшие родными Ратибор, Лучезар и богатырь Ставр. Добрые воеводы понимали заботу и тревогу своего князя. Как и всегда, поддерживали его, а в эти дни, зная сердце и душу своего любимого князя, боевые товарищи с особой лаской относились к своему молодому князю.

Наконец наступил май. Все уже истомилось и заждались. В Турове было все готово к встрече молодой княжеской семьи. Лучезар хлопотал по хозяйству. Отдавал последние распоряжения княжеским тиунам. Раздался громогласный богатырский смех. К Лучезару подошли веселые его товарищи Ставр и Ратибор.

— Ну что, брат наш, ведомо, уж все готово. Пора и в путь собираться. — Лучезар, согласился со своими боевыми друзьями.

— Готово, брат мой, Ратибор.

На следующий день из Турова выезжала целая вереница. Впереди на белоснежном спокойном и безмятежном коне ехал Мономах. За своим князем, как в бой, так и на свадьбу шли верные товарищи, дружная военизированная семья князя Владимира. Надо всеми то и дело пролетал раскатистый заливной смех княжеских воевод. Ставр на своем огромном, расписанном яблоками коне, в прекрасном настроении балагурил. Он любил в мирное время пошутить и развеселить своих боевых товарищей. Ратибор и Лучезар заразительно хохотали. Если посмотреть со стороны, то могло показаться, что богатырь Ставр оседлал не коня, а настоящего мамонта. Таких размеров под стать самому всаднику был его расписной конь. Под дуновением ветра грива этого гиганта могла укрыть целое войско. Душа княжеской дружины, суровый на войне и весельчак в мирные дни, богатырь Ставр любил своего коня. Всех умиляло, как этот великан, ласково похлопав своего мамонта по шее, говорил: «Ну, ну, спокойно, Яблочко».

Приехали в Чернигов. Гостей еще не было. Всеволод Ярославич хлопотал по хозяйству. Он был похож на княжеского тиуна, а не на князя. Быстро перемещаясь по княжескому двору, отдавал распоряжения: куда ставить вино, куда мед, куда мясо, а куда рыбу. Узнав о приезде сына, Всеволод все-таки подозвал к себе какого-то сурового дядьку и сказал, чтобы тот глаз ни с кого не спускал и закончил все дела. Отец поспешил встречать Владимира. Все обнялись, на глазах блеснули слезы радости.

— Ну, сынок, скоро все и сладится, — сказал Всеволод, вытирая глаза от слез. — А у меня уж все готово. Милости прошу. Размещайтесь. Всем места хватит. Сейчас баньку истопят, с дорожки-то отдохнуть, а потом и к столу.

Так и сделали. В следующие дни в Чернигов, как пчелы в улей, стали съезжаться гости со всей Руси. Прибыл и тесть Всеволода Ярославича, половецкий хан Багубарс, здоровый, загоревший в половецкой степи, лет пятидесяти, с большим шрамом на лице. Хан Багубарс, так же, как и его дочь, хорошо говорил на русском языке и понимал своих собеседников. Могущественный степной правитель одарил дорогими подарками своего зятя Всеволода Ярославича и его сына Владимира Мономаха. Съехались многие русские удельные князья. Все они также дарили дорогие подарки Всеволоду и молодому жениху Владимиру. Остальные русские князья и польский князь Болеслав обещали приехать сразу в Киев. Осталось дело за невестой. Гонцы сообщали, что уже завтра датский король Свен, принцесса Ингигерда и невеста Мономаха Гита будут в Чернигове. Всеволод заметно нервничал. Мономах пытался успокоить отца, но волнение присутствовало и на его лице. Наконец этот день наступил. Приехали.

Князь Всеволод Ярославич вместе с сыном Владимиром Мономахом выехали из Чернигова чтобы встретить у въезда в город короля Свена, принцессу Ингигерду и невесту Гиту. Всеволода и Мономаха сопровождали лишь несколько самых близких им воевод. Среди всех выделялся Ставр на Яблочке. Шутник и балагур в этот момент признался Лучезару и Ратибору, что сейчас волнуется больше, чем в бою. Друзья рассмеялись.

— А ты вообще волнуешься в бою-то? — улыбнувшись, спросил у него Ратибор. — Мне кажется, волноваться надо тем, кто имеет глупость встать против тебя и твоего мамонта Яблочка, — опять улыбнувшись, сказал Ратибор.

— Я бы не то что волновался, а вовсе в обморок с коня упал, — поддержал друга, смеясь Лучезар.

— Кто-кто, а ты-то точно в обморок упадешь, — громогласно ответил Ставр. — И откуда ты слово это знаешь? — смеясь, сказал Ставр, — помню я, как ты, падая в обморок, гонял ляхов, рассекая пополам по двух вояк за раз... В обморок... — повторил Ставр и снова расхохотался.

Вереница гостей из Дании приблизилась. Король Свен, желая показать свое уважение встречающим его Всеволоду Ярославичу и Владимиру Мономаху, сам слез с коня, так же поступила невеста Гита и датская принцесса Ингигерда. Свен подошел к Всеволоду. Черниговский князь и датский король обняли друг друга. Всеволод Ярославич, который прекрасно владел пятью иностранными языками, живо и весело заговорил с королем Свеном — прославленным нормандским воином. В молодости он держал в страхе все близлежащие земли. Сейчас же это был богатырского телосложения седовласый правитель, в котором во всех мельчайших чертах угадывалась его бывшая сила и удаль. Датская принцесса Ингигерда также поприветствовала своего дядю Всеволода и двоюродного брата Владимира. Чуть позади короля Свена и принцессы Ингигерды стояла невеста Владимира Мономаха. Бывшая английская принцесса, а сейчас круглая сирота, которую приютил у себя при дворе добрый дядя Свен. Это была худенькая, стройная, невысокая девушка, со светлыми волосами, большими голубыми глазами, маленьким острым носиком и изящным подбородком. Глядя на ее лицо, можно было подумать, что она значительно моложе, чем есть на самом деле. Белые щечки ее залил румянец. Гита заметно переживала. Несмотря на смущение, стойкий характер ее уже сейчас читался на лице. Девушка стояла с чуть поднятым острым носиком, держалась с чувством собственного достоинства. Волнение Гиты выдавали ее руки. Она держала небольшую узорчатую ткань, похожую на маленький платочек, и нервно перебирала его тоненькими длинными пальцами. Король Свен и черниговский князь Всеволод Ярославич сделали шаг в сторону, и теперь молодые жених и невеста оказались друг напротив друга. Владимир и Гита поприветствовали друг друга, слегка поклонившись. Гита, в знак уважения своему будущему мужу и ко всей своей большой новой Родине, попыталась сказать пару приветственных слов на ломанном русском языке. Все были восторженны и приятно удивлены. Всеволод Ярославич со слезами на глазах обнял будущую жену своего любимого сына. Лицо Владимира залила пурпурная краска. Он

понял, что теперь несет ответственность за эту девушку, которую судьба уже настолько избила, что ей, бедняжке, не к кому больше обратиться. Сердце молодого князя сжалось. В этот момент он окончательно для себя решил, что никому и никогда не позволит обидеть свою будущую супругу. Все проследовали в Чернигов.

Через пару дней вся свадебная процессия нескончаемой вереницей выехала из Чернигова в Киев. Великий князь Святослав Ярославич уже заждался. Несмотря на то, что скучать ему было некогда и он был занят встречей князей из различных городов Руси, все это еще было не самое главное.

Помимо того, что еще не прибыл никто из Чернигова, задерживались два человека, которые могли стать либо главными союзниками Святослава, либо его главными врагами. Еще не прибыли полоцкий князь Всеслав и польский князь Болеслав. Вскоре пришли радостные вести. Оба долгожданных гостя уже подъезжают к Киеву. Святослав вздрогнул. Тревожные мысли зароились в его голове: «Почему они приехали одновременно? Нет ли в этом какого-нибудь смысла? Может, они сговорились между собой и хотят свергнуть его, Святослава, с великокняжеского престола, а вместо него посадить кого-то из братьев: Изяслава или Всеволода? Или, может быть, коварный Всеслав, помня то, как уже однажды неожиданно становился великим князем, снова решил получить Киев?»

Мысли сбивали с толку Святослава: «Так надо ведь их встречать. Кого первым, а кого вторым? Кто из них для меня важнее? Важнее Болеслав польский. Его первым. Нет. Лучше сперва встретить Всеслава полоцкого. Постараться быстро от него избавиться и все внимание сосредоточить на Болеславе. Надо же обсудить военный союз».

Святослав боялся опоздать в погоне за славой: «Уже лето на дворе, а ничего еще не решено. Так поляки успеют и примириться с чешским князем Вратиславом».

На счастье Святослава, проблема решилась сама собой. Полоцкий князь Всеслав приехал первым. Святослав льстиво встретил его. Обменялись лживыми комплиментами бывшие заклятые враги, а сейчас союзники, хотя оба понимали, что союзники они очень ненадежные. Тем не менее, сегодняшний момент диктовал свои условия взаимоотношений Всеславу и Святославу: лишние враги им обоим были не нужны. Всеслав поехал размещаться и отдыхать на свой княжеский двор, а Святослав стал ожидать Болеслава.

В то время практически у всех удельных князей были свои княжеские дворы в Киеве. Они были, конечно же, скромнее великокняжеских. Тем не менее, князья, когда приезжали из других городов, могли остановиться либо в гостях у великого князя, либо же ехали к себе. Всеслав явно не хотел находиться рядом с таким же коварным, как и он сам, Святославом и поэтому поехал на свой двор.

Святослав встретил Болеслава. Вчерашние враги, а сегодня военные союзники играли словами. Каждый из них пытался перехитрить друг друга. Они рассыпались в лживых комплиментах, одаривали друг друга дорогими подарками, клялись в верности и дружбе. На самом деле, они оба понимали, что им друг от друга надо. Святослав знал, что Болеславу нужна реальная помощь в войне с чехами. Знал он и то, что между польским князем, который со дня на день готовится стать уже не князем, а королем, очень натянутые отношения с германским королем Генрихом. Если последний объявит Польше войну, то не видать Болеславу польской короны как собственных ушей. Болеслав же, в свою очередь, прекрасно знал коварного и тщеславного Святослава. Польский князь понимал, что, пока жив Изяслав Ярославич, киевский престол силой в любой момент может уйти из рук Святослава. В этот момент Болеслав думал, что Святослав только пытается обезопасить себя от притязаний Изяслава на великокняжеский престол. Болеслав не подозревал о масштабах тщеславия Святослава. Конечно же, он не догадывался о том, что великий князь представляет себя чуть ли не покорителем всего мира.

После того как долг вежливости в обмене любезностями и подарками был соблюден, обе акулы политических интриг перешли к делу. Святослав и Болеслав подтвердили друг другу,

что их военный союз против чехов остается в силе. Они определились, что русское войско подойдет к русско-польской границе к началу августа этого года. Не скрывая своей радости от взаимовыгодных условий, новые союзники решили оставить этот вопрос до окончания свадебных торжеств, после которых и объявят князю Владимиру Мономаху о миссии, которую на него возлагают. На этом и разошлись: Болеслав обустриваться и отдыхать после дороги, а торжествующий Святослав принялся с удвоенной энергией хлопотать о роскошности и помпезности своего приема.

На следующий день великий князь Святослав Ярославич, ликуя от чувства своей собственной значимости, встречал гостей и главных действующих персон из Чернигова. Святослав не скупился ни на дорогие подарки, ни на лживую лесть. Датский король Свен, принцесса Ингигерда и половецкий хан Багубарс были осыпаны драгоценными камнями, золотом, серебром и мехами. Князей Рюрикова рода из различных городов Руси Святослав Ярославич также не обошел своим вниманием. «Пусть все славят щедрость великого князя Святослава Ярославича», — думал он сам. Брата своего, черниговского князя Всеволода Ярославича, Святослав как можно более артистично обнимал, целовал и орошал своими скупыми слезами, осыпал дорогими подарками. Наконец подошел черед молодоженов. Святослав рассыпался в комплиментах, не упускал возможности лишний раз высказать свою признательность королю Свену за такую прекрасную невесту. Жениху, туровскому князю Владимиру Мономаху, великий князь Святослав Ярославич клялся в вечной любви. Он говорил, что Владимир дорог ему, как сын родной, не скупился на великокняжеские объятия, поцелуи и, конечно же, все это обильно смачивал своей скупой отеческой слезой.

Датскими королем и принцессой, половецким ханом, польским князем и русскими князьями великий князь решил не ограничиваться. Он хотел, чтобы как можно больше людей славил его самого и его богатое княжение. Киев был усыпан цветами, разноцветные дорогие заморские ткани развевались на улицах, словно боевые знамена, в еде и питье не было меры. Святослав распорядился, чтобы помимо великокняжеского двора, на котором отмечали свадьбу самые знатные гости, в разных частях города были накрыты богатые столы для всех желающих. Пусть все видят щедрость и богатство великого князя Святослава Ярославича.

Торжества длились три недели. Наконец все устали и начали разъезжаться по домам. Провожая своих гостей, Святослав снова одаривал их дорогими подарками. Последними уезжали молодая супружеская пара Владимир и Гита, отец Мономаха, черниговский князь Всеволод Ярославич и будто бы совершенно случайно в числе последних гостей оказался польский князь Болеслав.

Накануне отъезда Владимира в Туров великий князь Святослав Ярославич вызвал его к себе. Владимир пришел. В великокняжеском тереме сидели трое: сам Святослав, польский князь Болеслав и отец Владимира. Было видно, что отец чем-то сильно встревожен.

— Садись, князь, — сказал Святослав. Мономах сел за накрытый великокняжеский стол. — Выпей вина заморского с нами, князь, — предложил Святослав Владимиру.

Мономаху поднесли золотой кубок, украшенный драгоценными камнями. Владимир понял, что что-то здесь не так. Неспроста они здесь заседают. Да и его самого, Мономаха, не просто так великий князь к себе пригласил.

— Решили мы, князь Владимир, — начал Святослав, — назначить тебя старшим в объединенном войске русском. Пойдешь на помощь брату нашему, польскому князю Болеславу, против чешского князя Вратислава. Поезжай, князь, к себе в Туров, жену свою молодую домой отвези, дай распоряжения, чтобы дружина твоя к походу готовилась, а сам возвращайся сюда, в Киев. Я дам тебе часть войска своего великокняжеского, отец твой даст дружину из Чернигова, да из твоего родного Переяславля рать придет. Всех соберешь воедино и пойдешь к своему Турову. Там к тебе присоединится сын мой Олег со своей владимирово-волинской дружиной, да и твоя туровская дружина к тому времени должна быть готова в земли далекие выступить.

Тебя, князь Владимир, старшим во всем войске русском я назначаю. Несмотря на то, что сын мой Олег старше тебя, накажу ему, чтобы во всем слово твое слушал и помощником тебе был. 1 августа на границе земель русских и брата нашего польского князя Болеслава тебя будет ждать проводник. Он и укажет тебе путь на соединение с войском польским. Общей силой справитесь вы с Вратиславом чешским.

Мономах в душе негодовал: «В какой поход его отправляют? Ладно, Русь защищать надо было бы — одно дело. Кому-то помочь. Настоящим друзьям земли Русской — другое дело. Но идти помогать полякам! Против чехов. Полякам, которые уже всю кровь выпили жителям Руси. Когда это они друзьями нашими успели стать? Когда и каким образом враг заклятый, Болеслав польский, стал братом нашим? Теперь с ними в союзе надо было идти против чехов. Чехи же на памяти Владимира никогда ничего плохого Руси не сделали». Мономах был обескуражен. Он знал, что дядя его, великий князь Святослав, и польский князь Болеслав два хитрых лиса, но такой интриги Владимир не ожидал.

В возникшей паузе в разговор вмешался черниговский князь Всеволод Ярославич. Он видел, что его сыну, мягко говоря, эти новости не по душе.

— Конечно, конечно, брат мой, князь великий Святослав Ярославич, сыну моему за честь будет возглавить дружину твою и с сыном твоим пойти на помощь Болеславу.

Делать было нечего. Молодому князю Владимиру пришлось исполнять волю великого князя Святослава. Как и было приказано, Мономах увез свою жену в Туров, дал распоряжение дружине во главе с Лучезаром готовиться к походу, а сам со Ставром и Ратибором поехал обратно в Киев.

В Киев части черниговской и переяславской дружин привел сам отец Мономаха, Всеволод Ярославич. Остальные войска оставались в своих волостях на случай опасности. От великокняжеской дружины Святослав Ярославич так же выделил лишь крепкий отряд, чтобы самому не остаться вовсе без войск. Мономах принял войска в свое подчинение. Дерзких киевлян возглавил Ставр. В случае необходимости он мог снять стружку с любого наглеца. Черниговское, более покладистое войско, взял на себя многоопытный Ратибор. Хорошо знакомую Мономаху переяславскую рать возглавлял закаленный в боях переяславский воевода Георгий.

Всеволод Ярославич непрерывно наблюдал за своим деловитым сыном. Распоряжения Мономаха были обдуманные, спокойные, но строгие. К выступлению были готовы быстро. Отец напутствовал сына:

— Помни, сынок, тело, конечно, важно для человека. А душа все равно важнее. Душу береги, сын мой, и совесть, чтобы не стыдно было самому перед собою. В земле чужой, как и в своей, по совести жить надо. Тогда и сам себя стыдиться не будешь, и люди тебя проклинать не будут.

Всеволод благословил сына. Мономах повел войска на запад. На подходе к Турову войска Владимира пополнил князь Олег Святославич, сын великого князя. С собой он привел Владимиро-Волынскую дружину. В управление ее Мономах изначально не стал вмешиваться. Он предупредил воинов и самого князя Олега, чтобы в походе прежде всего честными людьми оставались и ни в коем случае не обижали ни своих сограждан, ни мирных жителей на чужбине.

Подошел к объединенному войску и Лучезар с личной дружиной Мономаха. Владимир обнял верного воеводу и поприветствовал свою дружину. Лучезар передал Мономаху маленький сверток от жены. Князь смутился. Лучезар не подал вида. Развернув сверток, Владимир обнаружил платочек и иконку. Милая его сердцу Гита сообщала мужу, что этот платочек она своими руками соткала, а иконку ей еще в Киеве инок Печерского монастыря Лазарь дал. Владимир Мономах вспомнил родного Твердислава.

Собрав все войска у границ Руси и Польши, Мономах в сопровождении владимирово-волынского князя Олега, своих верных Ставра, Лучезавра и Ратибора, а также со знакомым ему переяславским воеводой Георгием объехал всех ратников.

— Други мои! — обратился Мономах к войску. — Нелегкий нам предстоит поход. Мы не землю Русскую обороняем, а в чужие страны идем. Вспомните предания отцов и дедов наших о великом полководце Святославе Игоревиче и дружине его славной! Вспомните, как они переносили тяготы походов далеких: «В походах не возил за собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах... Такими же были и все его воины». Так вот и я с вами, други мои, лучше буду малым довольствоваться, нежели на чужое добро позарюсь. Вы же, воины славные, слушайте воевод своих опытных. Да не посраим землю Русскую!

Как и было условлено, 1 августа 1075 года на границах Руси и Польши Мономах ждал проводник от князя Болеслава. Однако на этом соблюдение уговора закончилось. Проводник был в одном лице еще и гонцом с письмом от польского князя. В письме Болеслав сообщал Владимиру, что передумал объединять русскую и польскую рать и что он во главе своего войска пойдет в одном направлении, а Мономаху во главе русского войска надо выдвигаться в другом. Владимир не был удивлен изменению планов Болеслава. Своим решением, сам того не осознавая, Болеслав оказал добрую услугу как самому Мономаху, так и всему русскому войску. Во-первых, не нужно было терпеть постоянное соседство самого Болеслава и всего ненавистного польского войска. Во-вторых, Болеслав развязывал руки Мономаху в его действиях и тактике ведения этого похода, который был неприятен и не нужен князю Владимиру Мономаху и всему русскому войску. Князь Владимир совершенно не горел желанием проливать кровь понапрасну как своих ратников, так и чехов, которые, не причинив зла Руси, могли стать жертвой политических интриг лишь двух хитрых персон: польского князя Болеслава и киевского князя Святослава.

Русское войско прошло через всю Польшу до чешского леса и города Глогау, на Одере. Четыре месяца ходили в тех землях Мономах со своими воинами. Чехи не беспокоили их, и Мономах не хотел обострять ситуацию. Болеслав, в свою очередь, тоже не вел боевых действий с чехами.

В конце ноября от Болеслава в русский лагерь прибыл военный отряд. В этом отряде были послы во главе со знатными польскими воеводами с хорошей охраной.

«Странно. Чтобы это могло значить?» — подумал Мономах.

Послы сообщили, что две недели назад Болеслав заключил мир с чешским князем Вратиславом.

— Две недели! Две недели назад вы заключили мир!?! Почему нам об этом ничего не сказали?

— Забыли, — промямлил польский посол.

Изумленный Мономах, разгорячившись, переспросил послов:

— Вы забыли!? А честь и совесть свою вы нигде не забыли!?

— Если бы это им было знакомо, княже, тогда бы и это забыли, — сказал Мономаху Ставр.

— И то верно, — согласился Мономах.

— Не надо ни на что намекать! — дерзко огрызнулся польский воевода Ставр.

— Ты сказать мне что-то хочешь, хвост собачий? — как гром среди ясного неба рявкнул Ставр.

— Не горячись, воевода, — дрогнувшим голосом другой польский воевода обратился к Ставру.

— Если он погорячится, то ты остынешь! — вмешался Ратибор.

Мамонт Ставра фыркнул, тряхнул головой, распушив свою огромную гриву, и стал ретиво бить копытом землю.

— Спокойно, Яблочко, — обратился к коню Ставра Лучезар, — они того не стоят.

У поляков желание спорить как рукой сняло. Тут уж не до жира, быть бы живым.

— Князь, — обратился польский воевода к Мономаху, — случилось недоразумение.

— Я даже знаю имена этих недоразумений, — нахмурившись, ответил ему князь Владимир.

Позже, когда Мономах и Олег остались наедине, Олег обратился к Мономаху:

— А с твоими воеводами не забалуешь, — улыбаясь, сказал Олег.

— Я знаю, — так же, улыбнувшись, сказал Мономах. — Мне их еще Твердислав подбирал, когда я в 13 лет от роду уходил из родительского дома на свое первое княжение в Ростов.

— А-а-а... Твердислав. Наслышан о нем, — сказал Олег.

— Еще бы. Кто же о нем не наслышан? Нет, пожалуй, по всей Руси такого места, где бы ни слышали о старом добром витязе Твердиславе. Да и за пределами Руси во многих странах наслышаны о его силушке богатырской.

Заклучив мир с чешским князем Вратиславом и взяв у него тысячу гривен серебра и богатые дары для дружины, князь Владимир Мономах повел дружину домой.

Возвращаясь на Русь, Мономах был доволен тем, что дело, которое вызывало столько тревог и опасений, благополучно завершилось. Люди под его началом возвращаются все живые и здоровые, а за труды, понесенные в этом походе, еще и щедро вознагражденные. Но еще больше тешило душу князю Владимиру Мономаху то, что ему не стыдно перед самим собой, как эта рать под его началом показала себя в чужих краях. Ни его самого, ни его войско — никто не будет поминать худым словом и проклинать за грабежи и насилия, которые обычно сопровождают чужеземные походы. В глазах всей дружины, теперь уже не только той, которая была много лет с Мономахом и хорошо знала своего доброго князя, а войск, которые первый раз ходили в поход с Владимиром из Киева, Чернигова, Владимира-Волынского и из его родного Переяславля, предстал не на словах, а на деле смелый, рассудительный и человеколюбивый князь Владимир Мономах. Пополнилась та армия, которая уже в столь молодые годы отзывалась о князе добрым словом. Владимир спешил домой. На дворе наступила зима. Морозы крепчали. Снега с каждым днем становилось все больше, да и люди истосковались по своим родным.

Тосковал и Мономах. Теперь в его сердце появилось новое чувство. Раньше он переживал об отце и матери, о своей младшей сестре. Потом, когда матери не стало, и отец, женившись на Анне, обзавелся новой семьей, чувства ласки, любви и тревоги были сконцентрированы на родной сестре, отце, мачехе и их маленьких детях — сводном брате Мономаха, княжиче Ростиславе и трех маленьких сестрах, — которых Владимир полюбил всем своим сердцем, как родных. Мачеха Мономаха оказалась доброй и порядочной женщиной. Переживал Владимир и о Твердиславе — Лазаре, о своих дядях Изяславе и Святославе, о населении городов и княжеств, которые ему давали в управление, о своей любимой дружине, о мире и спокойствии на всей Руси.

Сейчас же в сердце и душе князя Владимира теплилось и с каждым днем усиливалось другое чувство. Чувство любви и заботы о столь беззащитном человеке, ставшем совсем недавно родным для молодого князя, о его жене Гите. «Как там она одна? — думал Владимир. — В чужой стране, в чужом городе. Не успели свадьбу сыграть, а уже дорога разлучила нас». Мономах скучал по своей хрупкой супруге. Пусть и несильно, но все же успели они друг к другу привязаться. И в эти студёные зимние дни Владимира согревал маленький сверточек, который ему передал в начале похода от жены добрый Лучезар. Сердце Владимира наполнялось теплом от одной мысли, что его супруга постаралась позаботиться о нем и передала иконку из Печерского монастыря. С любовью сжимал в руке Владимир и тот самый платочек, который Гита выткала своими худенькими пальчиками.

«Приеду, — думал Мономах, — обниму жену свою и поцелую эти хрупкие пальчики. Скажу ей спасибо за то, что мысли о ней помогали справиться с тягостями похода, согревали в лютую стужу».

Вот наконец и Русь появилась на горизонте. Как-то светлее и теплее сразу стало всему русскому войску. Вот мы и дома. Сегодня Владимиро-Волынская рать обнимет своих родных, а через несколько дней в Киеве, Чернигове, Переяславле и Турове сотни сердец будут согреты лаской и заботой родных людей.

Во Владимире-Волынском Мономах распрощался с князем Олегом Святославичем. За эти почти полгода два молодых князя сдружились. В чем-то они были похожи, в чем-то кардинально разные. Ну а сегодня они пожелали друг другу здравствовать, звали друг друга к себе в гости, раз уж их княжества Туровское и Владимиро-Волынское находятся недалеко друг от друга, обнялись на прощание, да и разъехались: Олег домой, в свой Владимир-Волынский, а Мономах пошел дальше. Ему еще нужно было прибыть в Киев к великому князю Святославу Ярославичу, вернуть в целостности и невредимости великокняжескую дружину и подробно рассказать о походе. С тем же надлежало поехать Мономаху и в Чернигов к отцу. В Переяславль уже туровский князь не собирался ехать, решив отправить туда дружину под командованием опытного переяславского воеводы Георгия.

Наконец Чернигов позади. Мономах с чистой совестью и спокойной душой завершил этот поход. Скорее к себе домой, в Туров, к жене Гите.

С тех пор как Владимир уехал из родительского дома, впервые в его тереме появилась полноценная жизнь. Она, конечно, и до этого у него была вполне комфортной. Но в любом случае это было не то. Холостяцкая жизнь, бьющая через край молодецкая удаль все равно давали о себе знать. Владимир всегда вел спокойную и размеренную жизнь, но с появлением в его доме жены Гиты многое изменилось, конечно же, в лучшую сторону. Как и предрекал его отец, Всеволод Ярославич, когда впервые рассказывал сыну о Гите, она стала бережной и рачительной хозяйкой. Окруженная заботой и любовью мужа, его жена расцвела, словно цветок. Гита похорошела внешне, немного поправилась. Теперь уже это была не застенчивая хрупкая девушка, а совершенно прекрасная молодая замужняя женщина. Она была не просто замужем, как сотни миллионов других женщин. Гита была в самом прямом смысле за мужем и чувствовала себя спокойно и уверенно, как за каменной стеной. Особую красоту Гите придавал и еще один немаловажный факт. Она обрадовала Владимира новостью о том, что у них скоро будет ребенок.

Счастьем Мономаха не было предела. Он и до этого любил свою жену и заботился о ней. Теперь же он попросту пылинки с нее готов был сдувать. Сотни раз за день он обнимал и целовал свою супругу. Владимир и сам заметно преобразился за эту зиму. Он с рождения был коренастый и сбитый в теле. Сейчас князь даже немного раздобрел, откормленный пирогами и прочими вкусными блюдами, которыми ежедневно радовала мужа хозяйственная Гита. В один из солнечных дней Владимир вышел во двор, и, казалось бы, без видимых причин будто замер, растекшись в блаженной улыбке. Гита это увидела. Она посмотрела по сторонам, рядом никого не было. Жена не понимала, что произошло и, что так таинственно умиляет ее мужа. Гита спросила Владимира, в чем дело. Мономах обнял жену и рассказал ей, как два года назад он первый раз увидел ласточкино гнездо у себя на крыльце и как у него в сердце закралась надежда, что когда-нибудь и его дом превратится в милое его сердцу гнездышко. И вот это случилось. В его жизни появилась она, его любимая Гита, и его дом превратился в то самое уютное гнездышко.

— Теперь же, — добавил Владимир, — я жду возвращения своих старых друзей, тех самых ласточек, чтобы с радостью показать им и столь стремительно преобразившееся мое аскетичное жилище, и тебя, ласточка моя, и маленького птенчика, которого ты скоро нам подаришь.

Владимир со слезами радости на глазах обнял и поцеловал жену, а потом опустился на колени погладил живот своей любимой супруги и нежно прислонил к нему свою голову, прислушиваясь, не шевелится ли малыш. Гита расплакалась от счастья.

Тишину Мономахова уютного гнездышка одним весенним днем неожиданно буквально перевернула вьюга. Она ворвалась в двери княжеского терема и устроила переполох. Дверь настежь растворилась, и в ней оказался виновник этого переполоха — владими́ро-волы́нский князь Олег Святославич. Заметенный снегом с ног до головы, худой, жилистый, горластый князь, буквально ворвался в спокойную жизнь Мономаха. Он, лишь скинув с себя богатую соболиную шапку, прямо с порога кинулся обнимать своего друга князя Владимира. Через мгновение, скинув заснеженную шубу, Олег начал кричать на весь терем, как он заскучал у себя во Владимире-Волынском и как он рад встрече с Мономахом. Владимир немного опешил от неожиданного появления своего друга. Через несколько секунд, придя в себя, Владимир сказал Олегу смеясь:

— Узнаю друга! А что же ты только с метелью ко мне пожаловал? Мог бы и на диком медведе прямо в терем ко мне заехать. — Друзья рассмеялись. — Что же ты, друже, Олег Святославич, не оповестил о своем приезде? Я бы хоть подготовился к встрече.

— Да ладно тебе, Мономах! Ты всегда ко всему готов! Да и что понапрасну гонцов отправлять сугробы мерить. Соскучился я по тебе, оседлал, как ты говоришь, вьюгу эту, — Олег рассмеялся, — да и к тебе.

— Ну, спасибо, друг, уважил! — Мономах опять обнял Олега. — Проходи в дом, что ж мы, как чужие друг другу, в дверях-то стоим.

— Да как же! — снова закричал Олег. — С пустыми-то руками. Не обижай! — Олег без шапки и шубы выбежал на улицу. — Ну, где вы там? — закричал Олег Святославич. — Опять копаются! Ох уж я вам задам, — заворчал Олег на своих слуг.

В снежной мгле стали проявляться силуэты людей. В терем к Мономаху стали вваливаться один за одним слуги Олега, заноса тяжелые княжеские сундуки.

— Поторапливайтесь, вы, бездельники! — подгонял их Олег.

Гора заснеженных сундуков вмиг оказалась перед глазами Мономаха. Хлопнув и потеряв ладонями, Олег накинудся на эти сундуки. Он стал доставать дорогие подарки: шубы, меха, золотая и серебряная посуда вылетали друг за другом, как из волшебного ларца.

— Вот, брат мой, Владимир, это шуба тебе из пардуса, носи, да брата своего Олега добрым словом вспоминай. А чтобы в горле не засохло от частых таких слов добрых, — Олег расхохотался, — вот кубок золотой тебе, брат мой любезный. Греки мне привезли, — уточнил Олег. — Чтобы было из чего вино их пить, говорят они мне. — Олег опять расхохотался. — А я, дурак, хожу у себя по княжескому двору и не знаю, из чего бы мне вина греческого испить, — продолжал балагурить Олег. — Нет же у меня ничего, — снова громкий залиvistый хохот Олега разнесся по терему Мономаха, — хоть из лаптя пей! — Олег залился смехом.

Мономаху тоже стала смешна эта история, и он посмеялся вместе со своим двоюродным братом. Было видно и невооруженным взглядом, как разительно отличаются братья друг от друга. Спокойный и уравновешенный Владимир казался полной противоположностью Олега, который был сейчас очень суетливый и воодушевленный. Прямо весь из себя и по-другому никак. Даже внешне низкий, коренастый Мономах отличался от высокого, суховатого Олега.

— Ну, как ты тут? — продолжал Олег. — Жив? Здоров? Как жена? — не успел он это договорить, как тут же ударил ладонью себе по лбу. — Жена! Гита! Вот и в правду, дурак я эдакий! Что ж я о Гите-то позабыл совсем! Ведь я ей подарки-то побогаче, чем тебе, привез, — снова засмеялся Олег. — Где же она? Али не здорова?

— Да, здорова. Здорова, славу Богу. Сейчас ее позовут. Ты ведь налетел, как половчин, с метелью со своею, — засмеялся Мономах, — так все мысли и сбил разом. Скоро будет она.

Ну, пойдем уже в дом, я распоряжусь баню истопить тебе, промерз весь в дороге поди, не дай Бог еще заболеешь.

— Узнаю, узнаю, брата Мономаха. Все по делу у него, — улыбнулся Олег, — все по полочкам.

Друзья наконец прошли в терем.

Олег Святославич гостил у Мономаха две недели. В начале марта он собрался к себе домой во Владимир-Волынский. Не то чтобы Олег о княжестве своем переживал, скорее просто сменить обстановку.

На прощание братья обняли друг друга.

— Не забудь же, — сказал Мономах, — как дитя родится, приезжай, крестным отцом будешь.

— Конечно приеду! Что ж ты, брат, обижаешь меня. Как же я могу такое пропустить.

— Да знаю я тебя, — смеясь, сказал Мономах, — от меня домой, а там, глядишь, и еще куда тебя занесет, в Киев ускачешь, в Новгород или еще куда. Тебя ведь домовою не любит. Вот ты и носишься где не попада. — Братья рассмеялись. — Так пока тебя гонцы с собаками по всей Руси найдут, дите мое уже и само себе семью создать успеет. — Братья снова рассмеялись. — Ну, будь здоров, брат!

— Спасибо, брат, ты тоже!

— Береги себя!

— Я-то буду, мне за одним собой присмотр вершить надо, а тебе, кроме себя, жену беречь надо да дитя со дня на день, — Олег снова рассмеялся.

— За нами тремя присмотра меньше надо, чем за тобой одним, — смеясь ответил Мономах.

Братья распрощались. Олег умчался во Владимир-Волынский, а Мономах поспешил к жене. За эти две недели, пока Олег гостил у них, Владимиру с Гитой пришлось гораздо меньше видаться, им уже это было даже непривычно.

— Вот смеется он, смеется. Горланит да балагурит. Казалось бы, веселый и добрый князь, брат твой, — сказала Гита, — а все равно боюсь я его почему-то. Сама не знаю почему. Внутренняя тревога у меня, когда он рядом. Остерегайся его, прошу тебя.

— Ну что ты, душа моя. Это же брат мой, пусть неродной, а только двоюродный, но все же брат. Показалось тебе, положение у тебя сейчас такое, дитя под сердцем носишь, вот и тревожишься.

— Ну не знаю, дай Бог, чтобы я ошибалась и он оказался хорошим человеком. Тем более мы его пригласили дитя нашего крестить.

— Спи, родная, — обнял и поцеловал Мономах супругу, — ни о чем не беспокойся, я рядом.

Гита сжала своей маленькой ладонью сильную ладонь мужа, прижалась к нему поближе и, совершенно успокоившись, ощущая его заботу, уснула.

Через месяц, в начале апреля 1076 года, у Владимира Всеволодовича Мономаха и его жены Гиты родился первенец. Мальчика назвали Мстислав, в крещении имя его было Феодор. Гита уговорила Владимира почтить память своего погибшего отца, английского короля, и поэтому мальчик получил свое третье имя Гарольд в честь своего деда по матери.

Как и договаривались, крестным отцом у сына Владимира Мономаха стал его двоюродный брат, владимиристо-волинский князь Олег Святославич.

К радости всех жителей Руси весь 1076 год выдался мирным, спокойным и урожайным, поэтому рати никто никуда не водил, а все жили в своих уделах, лишь изредка навещаясь в гости друг к другу.

У Владимира Мономаха жизнь менялась с каждым днем и расцветала все новыми и новыми красками. Каждый день он благодарил Господа Бога за то, что послал ему в жены Гиту,

а теперь и за благополучное рождение сына. Так в любви и гармонии прошел целый год в семье туровского князя Владимира Мономаха.

Первые дни 1077 года вновь перевернули с ног на голову жизнь не только Владимира Мономаха, но и всех жителей Русской земли. Стало известно, что 27 декабря 1076 года во время неудачной операции внезапно скончался великий князь Святослав Ярославич. По всей Руси ужаснулись от этой новости. Надо всей Русской землей в воздухе в очередной раз повис вопрос: что будет дальше?

В начале января к Мономаху прибыл гонец от отца. Всеволод Ярославич сообщал сыну, что он сам идет на великокняжеский стол в Киев, а Владимир должен в самое ближайшее время переехать в Смоленск и принять этот удел в свое управление. Всеволод понимал, что со смертью Святослава многие поднимут голову и захотят передела княжеских столов на Руси.

В феврале Владимир Мономах уже прибыл в хорошо знакомый ему Смоленск. Оставив свою жену Гиту и дружину обживать на новом месте, сам Владимир налегке поехал в Киев. Отец и сын встретились. Владимир видел, что Всеволод Ярославич вовсе не рад тому, что неожиданно-негаданно великокняжеский престол сам свалился ему на голову. Безамбициозный Всеволод вполне довольствовался той ролью, которая у него была, когда на Руси правили его старшие братья Изяслав и Святослав. Теперь же вся власть оказалась в его руках. По крайней мере, в эти первые дни, пока еще никто не поднял мятеж и не потребовал передела княжеских столов. А что если кто-то из князей восстанет против его, Всеволода воли? А рано или поздно кто-то попытается откусить себе кусок побольше да послаще. Что тогда ему, Всеволоду, делать? Он же прекрасно оценивал свои военные и управленческие таланты, которых как раз-таки и не хватало. Что делать? Как мирить? Как наказывать ослушников? Всеволод был в панике. Казалось, он готов был променять великокняжеский престол на самый захудалый городок во всей Руси, лишь бы избежать той ответственности, которая упала на его стремительно седеющую голову. Мономах утешал отца. Они провели вместе неделю. В конце концов, Всеволод Ярославич успокоился и стал привыкать к своей новой роли великого князя. В очередной раз, подбодрив отца, Владимир вернулся в Смоленск, на свой новый, а в реальности, как теперь уже оказывалось, старый княжеский стол. Дома Владимира ждала его любимая жена Гита, которая второй раз была беременна.

В марте от отца из Киева к Мономаху пришли первые тревожные вести. Всеволод сообщал сыну, что первый бунтарь на Руси не заставил себя долго ждать. Им оказался давний враг Ярославова рода полоцкий князь. Всеслав в очередной раз напал на Новгород, где в это время правил старший сын покойного Святослава Ярославича Глеб. Великий князь Всеволод Ярославич приказывал своему старшему сыну Владимиру Мономаху выступить из Смоленска со всей своей дружиной к Новгороду на помощь Глебу Святославичу против ненасытного Всеслава полоцкого. Мономах безотлагательно выполнил распоряжение своего отца. Уже через три дня, ранним мартовским утром, смоленский князь Владимир Мономах повел свою дружину на помощь новгородцам от осаждавших их город неприятельских войск. Появление дружины Мономаха оказалось неожиданным для Всеслава. Полоцкий князь, выступая в поход на Новгород, не планировал проводить масштабные боевые действия. Он думал, что сходит, пограбит и вернется обратно к себе в Полоцк, так ему все с рук и сойдет. Стремительным ударом Мономах разбил полоцкое войско у стен осаждаемого Новгорода. Всеслав бежал со всех ног. Мономах не стал его преследовать. Разбив войско полоцкого князя, сняв осаду Новгорода и выручив из беды его жителей, Владимир считал, что на этом его миссия выполнена. Отдохнув неделю вместе с дружиной в Новгороде, в середине апреля Мономах повел свое войско домой в Смоленск. Наступила весенняя распутица. До Смоленска добрались 30 апреля. Щедро наградив за труды свою дружину, распустив воинов отдыхать по домам, сам Мономах спешил к своей любимой Гите. Недели не прошло, как Мономах с войском вернулся из Новгородского похода, и уже вновь примчался гонец от отца.

На этот раз великий князь Всеволод Ярославич сообщал сыну, что 4 мая захвачен Чернигов. Теперь уже показал свои аппетиты племянник Всеволода, сын умершего в 1057 году смоленского князя Вячеслава Ярославича, Борис. Всеволод приказывал Мономаху срочно выдвигаться с дружиной к Чернигову и выгнать мятежного князя Бориса из города. Делать нечего. Мономах быстро собрал свою дружину и пошел против захватчика. Мятежный князь Борис правил в Чернигове 8 дней и, узнав, что на него идет грозный двоюродный брат Владимир Мономах, сразу же сбежал в Таманский форпост — Тмутаракань. В это время в Тмутаракани княжил другой сын умершего Святослава, Роман. Тмутараканский князь пригрел у себя беглого Бориса, и какое-то время от них не было вестей.

Восстановив справедливость и изгнав не прошенного гостя из Чернигова, Мономах пошел обратно в Смоленск.

На этот раз Владимир и вовсе не успел дойти до дома. Гонцы его отца настигли Мономаха на подходе к Смоленску.

Владимир читал в письме от отца, что в Польше объявился Изяслав Ярославич, местонахождение которого долго было неизвестно. Вчерашний союзник, а на поверку вечный враг Руси, польский князь Болеслав, который совсем недавно стал именоваться польским королем, заключил союз с Изяславом, и теперь они готовятся идти войной на Русь. Великий князь Всеволод Ярославич приказывал своему сыну Владимиру Мономаху немедленно идти на западную границу Руси и преградить путь польскому войску. Смоленск только что показался на горизонте у Мономаха и его дружины. Владимир, не заходя домой, повернул навстречу надвигающейся на Русь беде — полякам.

Два брата, Изяслав и Всеволод, встретились для переговоров на русско-польской границе. С Изяславом было польское войско. Всю Русь и спину своего отца прикрывал князь Владимир Мономах во главе своей мужественной дружины. Братья договорились миром. Всеволод Ярославич, глубоко выдохнув от облегчения, с радостью передал великокняжеский престол своему старшему брату Изяславу Ярославичу.

Пока Всеволод Ярославич с сыном стояли на западных границах, неумный Всеслав полоцкий снова напал на Новгород.

На этот раз терпение Всеволода лопнуло, и он решил разгромить Всеслава. Из Сутейска, с русско-польской границы, пошли не домой, а вновь спасать Новгород. Не прошло и полгода, а дружина Мономаха уже разбила полоцкое войско под Новгородом, выгнала Бориса из Чернигова, лицом к лицу готовые в любой момент сойтись не на жизнь, а на смерть с поляками, стояли под Сутейском, и вот опять, не заходя в Смоленск, шли на бой с непримиримым полоцким князем. Всеслав из-под Новгорода бежал в свой Полоцк. Всеволод с Мономахом во главе войска тоже повернули от Новгорода на Полоцк, чтобы разбить беспокойного князя и поставить в этой проблеме точку раз и навсегда. Полоцкий князь хотел дать бой Всеволоду Ярославичу и Мономаху, но в последний момент бежал сам и войско свое тоже увел. Всеволоду надоело бегать за ним, и он решил уйти домой. Мономах понимал, что этот мир очень хрупкий и в любой момент беспокойный князь Всеслав может напасть на кого-нибудь. Тем не менее, Владимир выполнил волю отца и повел свою дружину в Смоленск.

15 июля 1077 года в Киев прибыл править Изяслав Ярославич. Всеволод вернулся в Чернигов, а Владимир Мономах остался в Смоленске.

В сентябре у Мономаха родился второй сын Изяслав. Его крестным отцом был также князь Олег Святославич.

До зимы на Руси установилось всеобщее хрупкое перемирие. Это перемирие уже в который раз нарушил неумный полоцкий князь Всеслав Брюцеславович. В начале 1078 года он вновь вышел из своего логова и начал чинить страдания и беззакония в окрестностях Новгорода. Гонцы от великого князя Изяслава Ярославича и от черниговского князя Всеволода Ярославича явились на крыльце смоленского князя Владимира Мономаха в один и тот же день.

Отец в своем письме рассказывал о зверствах Всеслава в Новгородской земле. А великий князь Изяслав Ярославич сообщал Мономаху, что посылает против извечного нарушителя спокойствия своего старшего сына Святополка Изяславича, а также, что ему, смоленскому князю Владимиру Мономаху, во главе дружины надо оказать помощь Святополку. Два молодых князя должны совместными усилиями проучить Всеслава и разбить его раз и навсегда.

И вновь Мономах призвал к себе верных Ратибора, Лучезара и Ставра и сообщил своим боевым друзьям, что снова их ждет долгая дорога, тяжелый и опасный поход против коварного неприятеля. Спустя считанные дни сплоченная дружина во главе с князем Владимиром Мономахом была готова выступить в поход на Полоцк.

На этот раз непримиримый Всеслав жаждал сражения. Он стянул в кулак все свои силы и стал ждать подхода дружин Мономаха и Святополка у самых стен своего стольного города Полоцка. Всеслав хотел продемонстрировать жителям своей столицы мощь и силу войска Полоцкого княжества, чтобы, разбив двух молодых князей, дальше уже не мелочиться, не возиться с Новгородом, а пойти на Киев. Всеслав мысленно уже представлял себя великим князем, тем более он уже занимал киевский престол в 1069 году. Но тогда было счастливое стечение обстоятельств, возведшее его на великокняжеский престол. Сейчас он хотел своими руками проложить себе дорогу на олимп власти. Пока же у него на пути, у подножия этого самого олимпа, встали Владимир Мономах и Святополк со своими дружинами. В предвкушении горячей битвы Всеслав на черном коне, в черной соболиной шубе и такой же черной шапке гарцевал перед своим войском. Он призывал разбить киевскую и смоленскую рати, чтобы потом пойти и взять в свои руки власть в Киеве и во всей Руси. Полоцкий князь обещал усыпать великокняжескими богатствами своих воинов, когда они добудут ему «золотой» киевский стол. Он рисовал перед глазами жаждущего наживы войска несметные богатства, призывал вспомнить, как осыпал он их драгоценными дарами после погромов Новгорода. Теперь же, после того как они захватят Киев, каждый из них сможет купаться в золоте, шелках и мехах. Разгоряченное половецкое войско ревело. Они готовы были вгрызаться зубами во всех, кто станет у них на пути к богатым грезам.

Перед битвой князь Владимир Мономах был спокоен. Его спокойствие и уверенность передавались всему войску. Выехав вперед на своем белоснежном коне, сверкая боевыми доспехами, Мономах обратился к своей рати:

— Други мои! Неприятель совсем рядом, он уже празднует победу! Они во главе своего князя-душегуба уже делят добычу. Они делят ни что-нибудь, а наших дома, наших жен и дочерей. Они представляют, как снова будут срывать дорогие оклады со святых икон в храмах, как уже они это делали не раз в Новгороде. Они представляют свое торжество, стоя на костях наших детей! Не бывать же этому! Третий раз за год хищный Всеслав нападает на невинных новгородцев! Третий раз за год он вонзает меч в Русскую землю! Пора положить этому конец! Встанем же крепко, други мои! Я пойду впереди вас на врага рода человеческого! Делайте так, как я делать буду! Если же суждено погибнуть в бою этом, то не посрамите Отечество! Защитите матерей и жен наших! Спасите детей наших от ирода этого! Встаньте на пути кровопийцы! Да придёт с нами Бог! Мономах перекрестился, надел шлем и повел войска в бой.

Битва была лютая. Кровь человеческая и конская растопили снег. Копьем пропороли живот белоснежного коня Мономаха. Обезумевшее от боли животное взвилось на дыбы, а затем рухнуло на землю. Князь успел соскочить со своего поверженного боевого товарища. Смертельно раненное животное пыталось подняться и снова падало. Несчастный конь был почти весь залит кровью. На его совсем недавно белоснежном теле нельзя было найти и белого клочка. Мономах на секунду растерялся. Откуда-то появился на взмыленном Яблочке богатырь Ставр. Мгновенно соскочив со своего коня, воевода рывкнул охрипшим голосом:

— Да простит меня Бог, и ты, княже, прости меня.

Ставр убил коня Мономаха. Владимир вздрогнул. Увидев это, воевода сказал своему князю:

— Хорош конь твой был, княже, жалко его, да не жилец он был с раной такой, только измучился бы бедняга.

Мономах еще не пришел в себя, как Ставр молниеносно махнул своим гигантским мечом над головой у князя. Затылок Владимира обожгла струя вражеской крови. Обезглавленный труп противника упал возле Мономаха. Воевода крикнул хриплым голосом:

— Не зевай, княже! Еще чуть-чуть, и на этом месте он положил бы твою голову.

Какое-то время Мономах продолжил драться без боевого коня. Он бился с такими же пешими врагами. Изловчившись, князь срубил полоцкого всадника из седла. Поймав, тут же боевого коня неприятеля, Мономах взвился в седло.

— Молодец, княже! — откуда-то рявкнул Ставр.

Полоцкие воины дрогнули. Они сначала попятились назад, а потом побежали. Пытаясь спастись, они устремились внутрь города. Буквально на их плечах дружины Мономаха и Святополка ворвались в Полоцк. Бой продолжился на улицах города. Где-то загорелись дома. Сильный ветер быстро разносил языки пламени от одной постройки к другой. В считанные минуты город объял полыхающий пожар. Все устремились прочь от огня. Мономах вывел свою дружину из пылающего города. Ржание коней и человеческие стенания летали над языками пламени. Местные жители пытались спасти свое имущество. Те, кому спастись уже было нечего, бежали из города. Мирных жителей Мономах приказал не трогать. Сам полоцкий князь куда-то скрылся. Киевская и смоленская дружины пленили оставшихся в живых воинов Всеслава. Через пару часов все было кончено. Гнездо Всеслава было уничтожено. Жаль было невинных мирных жителей Полоцка. Мономах и Святополк расстались. Святополк великий князь Изяслав направлял властвовать в Новгород, а Мономах с дружиной пошли домой в Смоленск.

Через несколько дней, когда князь Владимир Мономах был, на полпути от Полоцка до Смоленска снова прибыл гонец от отца. За последний год Мономах уже стал привыкать к мысли, что вряд ли этот гонец принес хорошие вести. В голове мелькнула мысль: «Что-то где-то случилось». И точно. Черниговский князь Всеволод Ярославич писал сыну, что показавший свой беспокойный нрав князь Борис, который нападал на Чернигов, отсиделся в Тмутаракани, набрался сил и бросился из огня да в полымя. На этот раз Борис напал на Одреск. Отец приказывал сыну идти с дружиной туда. В очередной раз князь Владимир Мономах, воюя, пошел выручать попавших в беду безвинных людей. Крупного сражения не было. Дружина Мономаха разбила несколько отрядов князя Бориса, и он опять бежал в Тмутаракань. Владимир Мономах пошел к отцу в Чернигов. Восстановив силы в Чернигове, Мономах поспешил домой, в Смоленск. Прощаясь с сыном, Всеволод Ярославич звал к себе Владимира на пасху в начале апреля.

В середине марта Мономах наконец вернулся вместе с дружиной в Смоленск. Как и всегда, щедро наградив своих воинов за труды, которые им выпали в тяжелом походе, он распустил людей по домам. Сам же Владимир поспешил к жене Гите и сыновьям: Мстиславу и Изяславу. В кругу жены и детей Мономаху удалось побыть чуть больше недели. Снова нужно было собираться в путь. Хотя на этот раз Владимир собирался в дорогу без дружины, а просто в гости к отцу, сердце его супруги было не на месте. Она сказала мужу, что тревожно ей на душе.

Владимир успокаивал жену:

— Ну что ты, ласточка моя, в коем-то разе не на рать с дружиной собираюсь, а на праздник к отцу в гости. Успокойся. Все будет хорошо.

В начале апреля 1078 года Мономах прибыл к отцу. Всеволод стал жаловаться сыну. Он сказал, что скоро прогонят его из Чернигова. Мономах сначала не понял, о чем говорит его отец. Всеволод рассказал Владимиру, что вчера к нему прибыл гонец из Киева от его старшего брата великого князя Изяслава Ярославича. Он писал брату о том, что к нему в Киев из

Владимира-Волынского приехал князь Олег Святославич с наглой просьбой, больше похожей на требование. Властолюбивый князь Олег, нагледевшись дерзких выходок мятежных князей Бориса Вячеславича и Всеслава полоцкого, почувствовал себя тесно и неудобно в своем Владимиро-Волынском уделе. Он просил у великого князя передать ему в управление Чернигов. Великий князь Изяслав Ярославич отказал Олегу в этом наглом требовании и оставил Чернигов за своим братом Всеволодом Ярославичем.

Мономах обещал отцу, что поговорит со своим другом и двоюродным братом Олегом и помирят их. Сразу же Владимир отправил в Киев к Олегу гонца, с которым приглашал друга к себе в гости в Чернигов. Мономах надеялся встретиться с Олегом, переговорить и решить все спорные вопросы миром. Олег принял приглашение Мономаха и приехал в Чернигов. Накануне пасхи, 7 апреля 1078 года, Владимир Мономах встретился с Олегом Святославичем. Владимир спросил у Олега, какие он имеет претензии к его отцу, черниговскому князю Всеволоду Ярославичу. Олег рассказал Мономаху, что ездил в Киев и просил у великого князя Чернигов себе на княжение. Мономах удивился:

— Чем тебе не мил Владимир-Волынский, и почему ты хочешь отнять у моего отца Чернигов?

Олег смутился.

— Я не хочу отнимать, — нервничая, ответил Олег. — Я хочу, чтобы мои дяди, твой отец и великий князь, отдали мне мой город добровольно, иначе... — Олег замялся. Повисла пауза.

— Странно мне слышать от тебя, друг и брат мой, слова эти, — сказал Мономах. — Начнем по порядку. Во-первых, на основании чего ты решил, что Чернигов является твоим городом? А во-вторых, — Мономах понизил голос и пристально всмотрелся в Олега, — и это меня более интересуют, сказав «иначе», ты замолчал, так вот скажи мне, друг и брат мой, что будет иначе, если отец мой и великий князь ответят тебе отказом на твои неумные требования.

Олег вскочил.

— Друг и брат мой, князь Владимир, — было видно, как он сильно нервничает и с каждым словом все больше и больше горячится. — Чернигов мой город! — выкрикнул Олег.

— С чего бы это? — спокойно, но сдерживая себя, спросил Мономах.

— Потому что раньше в этом городе правил мой отец и здесь я вырос! — опять выкрикнул Олег.

— Да, — спокойно ответил Мономах. — Отец твой в нем правил раньше, и вырос ты в нем. А дальше-то что? Что из того, что отец твой в нем правил? Кто только в нем не правил, кроме твоего отца. Да, и вырос ты в нем. Это тоже верно. Вот только не ты один рос в нем. Как минимум еще три твоих брата. И другие князья здесь росли в разные времена. Кто из них требует себе в управление этот город на основании того, что вырос в нем? Что за глупости ты говоришь? — голос Мономаха немного повысился, но он по-прежнему держал себя в руках. — Даже если не брать в учет былые времена и князей, которые жили раньше. Как, по-твоему, поступить с твоими родными братьями? Среди которых, замечу я, ты даже не самый старший. Сегодня ты заявился к великому князю и потребовал у него себе в управление Чернигов. По-твоему, великий князь должен был тут же выгнать отца моего, да и не обязательно именно его, а любого, кто бы сейчас не правил в Чернигове? А завтра заявится другой твой брат и предъявит это же требование. Ведь он тоже рос здесь. И что тогда? Тебя гнать, а его сажать на княжение в Чернигове? Так на третий день в Киеве будет ваш третий брат. Ведь он тоже рос в этом же Чернигове. Ни в каком-нибудь другом. Тогда что? Каждый день вас менять на княжении? Ты хоть сам понимаешь, что за глупости ты говоришь? Или, может быть, ты забыл, что князей по городам распределяет великий князь? Невзирая на то, кто и где родился. Отец твой покойный, Святослав Ярославич, когда занял великокняжеский престол, дал мне в удел Туров. И я поехал туда править по его великокняжеской воле. Что-то не припомню, чтобы я там родился и рос. И ничего. Правил и не роптал. И в других городах тоже правил и не роптал. Как скажет мне

великий князь, так я и делаю. Потому что на Руси его слово — закон! А если же каждый из нас как ты, Борис Вячеславович и полоцкий князь Всеслав, начнут самоуправствовать? Что тогда будет? Молчишь... То-то же. А я все одно тебе скажу. Разруха тогда будет. Хаос, бедствия и страдания тогда будут. Вот они будут! А Руси как раз-таки не будет! Вот именно потому, что каждый потянет на себя одеяло, так и разорвут Русь-матушку, как то одеяло. А я этого совершенно ни хочу! Мало того, я не позволю этого сделать! Никому! Я хочу, чтобы дети мои, внуки мои, да и все потомство мое, твое и все на Руси жили в мире, согласии, любви и гармонии. А для этого нужен порядок. Закон нужен. И он есть у нас. Дед его написал мой и твой — Ярослав Мудрый. И называется он Правдой Ярославовой! Не писаниной, выдумкой или еще как! А именно ПРАВДОЙ Ярославовой. По другому ее называют Русской правдой! Так вот, ты заметь, что слова «Русская» и «Ярославова» меняются в этом выражении, а слово «Правда» неизменно! Потому что правда и в жизни тоже неизменна! И отцы наши, когда дружно жили, тогда сели и дополнили эту правду статьями закона. В единстве они их составили, согласовали, причем согласовали не только между собой втроем, но и с человеком честным. Да и дополнили ту самую Правду Ярославову статьями, которые в народе стали называться Правдой Ярославичей. Опять же заметь, никак иначе, а именно Правдой. Так вот законы на Руси есть! И каждый житель Руси, будь то князь, воевода, холоп или еще кто, должен эти законы выполнять. Так вот и ты, друг мой и брат мой, князь Олег Святославич, будь добр, законы и волю великого князя исполнять! Велел он тебе править во Владимире-Волынском — там и правь. Велит перейти в другой город — перейдешь в другой. А самоуправством, требованиями или, упаси Бог, захватничеством не занимайся никогда. Будешь в правде жить, так и будем мы с тобой друзьями и братьями, и детей моих будешь дальше крестить. — Тут Мономах на секунду замолчал. — А возьмешься нарушать законы, насильничать и душегубствовать, так и знай, все силы свои положу против тебя. Так, как против любого, кто на Родину мою руку поднимет.

Опять повисло молчание. Олег сел. Видно было, что он задумался и успокоился.

— Все правду ты сказал, друг и брат мой, князь Владимир Всеволодович Мономах, — тихо произнес Олег. — Прости меня, брат, — обняв Мономаха, сказал Олег. — Сбила нелегкая меня с пути истинного, — отвернувшись, добавил Олег Святославич.

— Главное вовремя одуматься, — хлопнув по плечу Олега, сказал Мономах. — Завтра приходи, брат, на обед ко мне, я отца приглашу, там и помирись.

— Спасибо, брат, — задумавшись, сказал Олег. — Приду.

В этот же день Мономах встретился с отцом. Владимир уверял Всеволода Ярославича, что Олег оступился, но теперь он одумался и никому не сделает ничего плохого. Мономах просил отца простить Олега за его опрометчивый поступок и помириться с ним.

— Не верю я ему, — сказал черниговский князь Всеволод Ярославич.

Мономах еще долго убеждал отца. В конце концов Всеволод обещал подумать. Владимир пригласил на завтра отца к себе на обед, где он должен был встретиться с Олегом и помириться.

— Утро вечера мудренее, — сказал Всеволод Ярославич.

На этом они простились с сыном.

В Чернигове у Мономаха был свой княжеский терем, который находился на Красном дворе. Здесь на следующий день, 8 апреля, встретились черниговский князь Всеволод Ярославич, владимиро-волынский князь Олег Святославич и смоленский князь Владимир Мономах.

По личной инициативе Владимир Мономах из собственной казны преподнес своему отцу подарок — 300 гривен золота. Это очень большая сумма денег, она равнялась трем тысячам серебряных гривен, что составляло всю доходную часть годового бюджета всего Смоленского княжества в то время. Мономах дал отцу залог за Олега о том, что Олег будет жить в мире с ним и великим князем. В этот день князья клялись в дружбе и мире. Расставались Всеволод и Олег любящими друг друга дядей и племянником. Мономах был доволен тем, что ему уда-

лось примирить между собой двух столь близких ему людей: его родного отца, Всеволода Ярославича, и своего двоюродного брата, друга и крестного отца двух его сыновей, князя Олега Святославича.

На второй день после примирительной встречи, 10 апреля, новости сотрясли сначала весь Чернигов, а затем они полетели во все концы Руси. Олег бежал из Чернигова в Тмутаракань.

В Тмутаракани Олег Святославич заключил союз со своим двоюродным братом, таким же амбициозным князем-изгоем Борисом, который ранее на 8 дней захватывал власть в Чернигове. Уже в августе того же 1078 года войско Олега и Бориса, в основном состоявшее из нанятых половцев, стремительно шло на Чернигов. Узнав о том, что неприятель находится уже совсем близко к Черниговскому княжеству, Всеволод Ярославич отправил гонцов за помощью к своему старшему сыну Владимиру Мономаху, а сам, решив не дожидаться войск Олега и Бориса у стен Чернигова, вышел им навстречу. Две противоборствующие стороны встретились на реке Сожице. 25 августа многократно превосходящее в силе объединенное войско Олега, Бориса и половцев разбило Всеволода Ярославича. Черниговский князь бежал в Переяславль, а Олег и Борис, сопровождаемые своими половцами, пошли упиваться победой в Чернигов. Непонятно, на что надеялся Олег, придя с половцами к Чернигову. Дикие степные воины сразу же разбрелись по всей Черниговской земле и принялись за свое излюбленное дело: грабить, жечь и насиловать. Благодаря действиям своих союзников половцев вчерашние князья-триумфаторы сразу же стали проклинаемы жителями всего Черниговского княжества.

Летописец так отобразил эти события на своем пергаменте: «В то время, когда Владимир сидел в Смоленске, привели Олег и Борис поганых на Русскую землю и пошли с половцами на Всеволода. Всеволод же вышел против них на Сожицу, и победили половцы Русь, и многие убиты были тут месяца августа в 25-й день. Олег же и Борис пришли к Чернигову, думая, что одолели, а земле Русской много зла принесли, пролив кровь невинную».

Получив вести от отца о нападении Олега, Бориса и половцев на Чернигов, Мономах тут же выдвинулся к нему на помощь. Владимир спешил к Чернигову, не зная о произошедшей битве. Вскоре новый гонец от отца сообщил Мономаху о случившейся трагедии на реке Сожица. Всеволод Ярославич сообщал сыну, что он ушел в Переяславль и будет там ждать его помощи. Владимир повернул свое войско к отцу. По дороге на Переяславль смоленскому князю встретилось несколько грабительских половецких отрядов. Мономах с боем прошел к Переяславлю, разбив небольшие отряды противника. Скоро храбрый и мужественный сын уже обнимал и утешал своего отца в Переяславле.

Всеволод Ярославич сообщил Владимиру, что он обратился также за помощью к своему брату, великому князю Изяславу Ярославичу. Изяслав обещал прийти на помощь вместе со своим сыном Ярополком. Через три недели войска четырех князей — Изяслава Ярославича, его сына Ярополка, Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха — объединились в боевой кулак.

3 октября 1078 года состоялась битва на Нежатиной Ниве, близ Чернигова. Объединенное войско четырех князей превосходило по численности войско Олега и Бориса. Однако молодые и дерзкие князья Борис и Олег не желали мириться со своей участью князей-изгоев и рвались в бой. Они хотели вырвать из рук братьев Ярославичей себе столы. Изяслав и Всеволод Ярославичи готовы были пойти на переговоры со своими племянниками и дать им княжения в управление. Однако Борис и Олег решили играть по-крупному. Их не устраивали отдаленные княжения и города. Они хотели сразу же заявить о себе на всю Русь и поэтому претендовали ни много ни мало на Чернигов, который требовал себе Олег, и Смоленск, который так же безапелляционно требовал себе во владение князь Борис. С такими неумными требованиями своих племянников братья Ярославичи никак не могли согласиться.

Мирные переговоры зашли в тупик. Теперь только оружием можно было разрубить этот туго затянувшийся узел. Начался бой. Князь Борис в числе первых бросился в самую гущу

битвы. В числе первых он и погиб в этой битве. Видя гибель своего союзника, храбрый на ратях Олег не смутился и продолжил бой. Но его недавние помощники половцы оказались менее заинтересованными проливать свою кровь. Все, что им было нужно, они уже получили. Черниговская земля уже была ими ограблена и разорена. Обозы ломились от похищенного добра. Осознавая реальную опасность, которую на этот раз представляет сильное русское войско, половцы даже не стали вступать в бой. Они неожиданно для Олега развернулись и ушли. Немногочисленная дружина погибшего князя Бориса без своего предводителя также не видела смысла продолжать этот бой. Они побежали вслед за половцами. Олег остался один с горсткой верных ему воинов. У него оставалось два выхода: сложить оружие и просить прощения у своих дядей с надеждой на их милость или же бежать и лелеять надежду, что проигран только один бой, вся борьба еще впереди. Олег выбрал второй вариант. Он снова бежал в далекую Тмутаракань.

Братья Ярославичи, которые лично не принимали участия в битве, стали торжествовать победу. Их сыновья, Владимир Мономах и Ярополк Изяславич, на разгоряченных конях скакали из гущи событий к своим отцам, чтобы поздравить их с победой.

Вдруг, совершенно для всех неожиданно, один из ратников, стоявший рядом с великим князем, ударил Изяслава Ярославича копьем в спину. Изяслав тут же упал от смертельного удара. Всеволод не понял, что произошло. Он застыл на месте. Другие воины схватили нападавшего. Подскочившие Мономах и сын Изяслава Ярополк бросились к великому князю. Сын и племянник перевернули истекающего кровью князя на спину. Изяслав еще дышал. Он поднял вверх правую руку. Было видно, что великий князь силится что-то сказать. Его сын Ярополк наклонился ближе к отцу. Кашель прорвался из груди Изяслава Ярославича. Кровь хлынула изо рта. Изяслав на мгновение затих, собрал все оставшиеся силы, попытался выплюнуть кровь, заполнявшую его горло. Сын вытер его рот ладонью. Седая борода князя была в грязи и крови. Глядя куда-то ввысь, Изяслав напрягся, снова попытался что-то сказать, сил хватило только на то, чтобы еле слышно прохрипеть:

— Простите...

И все. Великого князя Изяслава Ярославича не стало. Ярополк прислонился к груди отца и залился рыданиями. Мономах вскочил на ноги. Он полоснул взглядом убийцу Изяслава. Брат убитого великого князя Всеволод Ярославич схватил убийцу за грудки, тряс его и кричал:

— За что?!

В бессильном гневе Всеволод упал на колени. Вдруг к убийце подскочил с залитым кровью отца и искореженным горем лицом князь Ярополк Изяславич и мгновенным движением меча разрубил убийцу пополам. Стоявшие вокруг люди еще не успели прийти в себя от убийства великого князя Изяслава Ярославича. Столь скорый суд и вовсе обескуражил всех. На мгновение повисла тишина, которую разорвали рыдания Ярополка Изяславича, который упал на колени и пополз по кровавой грязи к телу своего отца.

Похоронив брата и выдержав девятидневный траур, Всеволод Ярославич перешел на великокняжеский престол в Киев. Своего старшего сына Владимира Мономаха он перевел на княжение из Смоленска в Чернигов.

Глава 3. Отец

Наступила весна 1079 года. Уже полгода Владимир Мономах правил в Чернигове, а его отец Всеволод Ярославич в Киеве. За эти шесть месяцев Всеволод четыре раза вызывал сына из Чернигова к себе в Киев. По любому мало-мальски важному вопросу добрый, но безвольный и слабохарактерный великий князь Всеволод Ярославич советовался со своей надеждой и опорой — мужественным, храбрым и отзывчивым старшим сыном Владимиром Мономахом. У Владимира к этому времени родился третий сын, которого называли Святославом. Любящий отец, добрый и хозяйственный правитель солнечными весенними днями строил планы на грядущий год. Он хотел объехать все свое княжество, детально ознакомиться с положением дел в селах, деревнях и весях Черниговской земли, чтобы на месте оказать помощь нуждающимся. Владимир понимал, что он находится в самой тесной связи с населением своего удела, и взаимная помощь поддержка всегда важны как для князя, так и для всех жителей. Мономах планировал затеять строительство в самом Чернигове, засеять хлебами как можно больше земли, чтобы встретить предстоящую зиму спокойно и безмятежно настолько, насколько это возможно. Много планов было в голове у Владимира Мономаха, только вот войне там не было места. Всей своей душой Мономах надеялся, что воцарившийся мир на Руси если и не будет вечен, то хотя бы продлится как можно дольше.

У брата его бывшего друга Олега, князя Романа Святославича, были совершенно иные планы. Он так же, как и в прошлом году его брат Олег Святославич, нанял половцев и двинулся на Русь. Об этом Мономах узнал из письма от отца. Всеволод Ярославич не звал сына к себе в Киев, а отправлял во главе дружины против князя Романа и его половецкого войска к Переяславлю. Правда, на этот раз Всеволод Ярославич и сам изъявил желание принять участие в походе. Он сообщал сыну, что приведет киевскую дружину туда же, к Переяславлю. Там киевская и черниговская дружины и должны встретиться.

Известие о том, что беда надвигается на Переяславль, вмиг вернула Мономаха из его грез и мечтаний в суровую реальность. Теперь уже вместо богато усеянных черниговских полей хлебом могла оказаться усеянной Переяславская земля, да только не хлебом, а трупами после разорительного половецкого нашествия. Этого никак нельзя было допустить. Переяславль был особо дорог сердцу Мономаха. Там он родился и вырос, там, в конце концов, находится могила его любимой матери. В Переяславле в то время правил его младший брат, юный князь Ростислав. Опыта ведения боевых действий ни с половцами, ни с кем бы то ни было другим он не имел. И поэтому, невзирая на стойкость и мужество его дружины, сам Переяславль, как и все Переяславское княжество, были в смертельной опасности. Надо было спешить. В очередной раз Владимир Мономах шел во главе своей дружины, вместе они снова вставали на пути врагов Отечества.

«Князь Роман Святославич, — думал Мономах, — чего ему не сидится спокойно в Тмутаракани? Что его не устраивает? Даже если что-то не устраивает, почему он не приехал или, на худой конец, не отправил гонца с письмом к великому князю? Открыто высказал бы все свое недовольство и мирно на словах обо всем договорились. Зачем втягивать в это столько людей? Своим поступком, как минимум, князь Роман посеял страх и переполох в Киевском, Черниговском и Переяславском княжествах. Это почти половина Руси. Из-за разногласий двух человек население такой огромной территории не может жить спокойно. Более того, это является самым плохим в его поступке — князь Роман ведет на Русь душегубов-половцев, которых и хлебом не корми, дай только поживиться за чужой счет. Так ведь половцы эти не только добро у людей отбирают. Бог бы с ним, с добром этим. Добро можно снова трудом нажить, пусть порой и непосильным, но все же можно. Так ведь эти половцы жизни отбирают, щедро сея гибель людей по всей земле, где проносится их смертоносная лава, а кому чудом удастся

выжить, их эти же половцы уведут в плен и продадут в рабство в неведомые края, откуда, скорее всего, никогда не суждено будет вернуться. Хотел бы я поглядеть в глаза князя Романа Святославича и расспросить его обо всем этом».

Гонец нарушил размышления Мономаха. Он сообщил князю, что совсем рядом великий князь с киевской дружиной и к вечеру они встретятся недалеко от Переяславля.

Вечером киевское и черниговское войско, к всеобщей радости, встретились. Отец обнял сына. В этот раз Всеволод Ярославич вел себя странно. Обычно трусливый и плаксивый в таких ситуациях, сегодня он сам на себя был непохож. Он был бодр и старался выказать свою храбрость. Мономаха насторожило поведение отца. Владимир понимал, что-то здесь неладно. Сидя на конях, отец и сын медленно продвигались вдоль небольшой речушки, оставив позади себя войско.

— Князь Роман Святославич половцев на нас ведет, — немного помолчав, начал разговор Всеволод Ярославич.

— Я это знаю, — сказал Мономах.

— Половцев на границе у нас много, — продолжил Всеволод, — разных половцев.

Мономах внимательно слушал отца.

— В этот раз нам как никогда повезло, — слегка улыбнувшись, сказал Всеволод. — Вот видишь, сын мой, еще совсем недавно я думал, что слова «половцы» и «удача» несовместимы. Оказывается, я ошибался. Первый раз понял я это, когда взял в жены Анну, твою мачеху. С ней мне повезло. Она хорошая жена. А недавно я снова понял, что с половцами может повезти. — Всеволод, задумавшись, помолчал несколько секунд. — Кому-то может повезти, а кому-то нет, — продолжил великий князь.

Мономах соображал в голове: «К чему клонит его отец? О чем вокруг да около ходит?»

Всеволод продолжил свой монолог.

— Тесть мой, хан половецкий, гонца ко мне прислал. Сообщил, что князь молодой из Тмутаракани за определенное вознаграждение в половецкой степи войско себе нанимал, на его призыв откликнулся половецкий хан, который в мире и согласии с моим тестем живет. Так вот, сын мой, я втрое больше вознаграждения половцам отправил, и тестю своему за новости от него, и тому хану, что взялся Роману против нас помогать. Не сегодня так завтра половцы должны покинуть Романа и уйти обратно в степь. Им незачем воевать, я им богатства куда больше отдал и жизни тем самым многие спас.

Только Всеволод Ярославич это договорил, как прискакал гонец. Он сообщил, что, не доходя до границ Руси, войско половецкое сначала остановилось, а потом вовсе развернулось и ушло обратно.

— Вот видишь, сын мой, — улыбнувшись, сказал Всеволод, — были бы люди живы, а добро мы и после наживем.

Мономах понял, почему в этот раз его отец сам с дружиной пришел. Он первый раз подкупал половцев и не был уверен в том, что они на самом деле покинут Романа и уйдут обратно.

Лишившись половецкой помощи, князь Роман Святославич впал в ярость. Своими силами он точно ничего не сможет противопоставить никому из князей. Но переполнявшая его гордыня не давала ему пойти на мир с родным дядей Всеволодом Ярославичем и решить все мирным путем. Разъяренный, он поскакал к оставившему его ни с чем хану требовать выполнения договора.

Хан попросту отмахнулся от Романа. Бешенству Романа не было предела.

— Ты дал мне слово! — кричал Роман.

— Я его тебе дал, я и забрал обратно, — небрежно ответил хан.

Роман не отступал и продолжал яростно что-то кричать. Половецкий хан стал выходить из терпения.

— Уймись, мальчишка, и пошел вон!

Позднее стало известно, что в возникшем конфликте князь Роман погиб.

Олег, брат погибшего князя Романа, находился в Тмутаракани и не принимал участия в этом походе. Узнав о гибели Романа, Олег набросился на хазар, живущих в Тмутаракани обвиняя их в причастности к гибели брата. Обвиненные хазары захватили буйного князя Олега Святославича в плен и отправили его в Византию.

Прошло три месяца после возвращения Мономаха и его дружины из похода к Переяславлю. За это время отец дважды вызывал сына из Чернигова к себе в Киев для обсуждения дел. В перерывах между этими поездками Мономах старался уделять время семье и восстановлению своего Черниговского княжества от прошлогоднего прихода на эту землю половцев во главе с Олегом и Борисом. Приближалась осень. Дружина князя Владимира набиралась сил для столь частых походов.

Жители пригородов Чернигова засыпали торговые площади города богатым урожаем. Как заботливый хозяин, Мономах радовался этой картине. Он ходил по городу, присматривался: что еще можно сделать, что обновить, что построить. Вдруг князь услышал стремительно нарастающий шум. Люди стихийно побежали к княжескому двору. Мономах понял, что что-то случилось, и ринулся туда же. Возле княжеского двора на загнанной лошади стоял гонец. Он был весь в грязи и еле держался на ногах. Сердце Мономаха екнуло. Секундная пауза показалась вечностью. Мысли роились в голове у князя. Он судорожно соображал: «Где на Руси случилась такая беда, что гонец и коня загнал, и сам от страха чуть не при смерти?»

Задыхаясь и запинаясь, бедолага-гонец не мог ничего внятно объяснить. Скоро все стало ясно.

— Кровопийца Всеслав! — крикнул кто-то из толпы.

Полоцкий князь вернулся из неизвестности, будто из преисподней. В этот раз он даже не грабил. Он жег все, что встречалось у него на пути, и убивал всех, кто попадался ему на пути. Под ударом оказалось Смоленское княжество. Гонец сказал, что вся округа Смоленска уже загублена, сейчас Всеслав идет к самому городу.

Мономах даже не дослушал подробности случившегося. Он неистово крикнул:

— Коней! Дружину! Сейчас же!

Через час, налегке, успев только надеть доспехи и схватить оружие, дружина во главе с Владимиром Момахом во весь опор стрелою летела спасать Смоленск. В руках сам князь и все его воины держали только запасных коней. Спешили как могли. Не один десяток лошадей пал замертво. Бедные животные не выдерживали такой скачки.

Смоленск был уже совсем рядом. Черным густым дымом заволокло всю округу. Мономах понимал, что враг Всеслав уже успел испепелить предместья города. Как бы ни было тревожно князю, он все еще надеялся успеть спасти город. Перед его глазами картины меняли одна другую. Ему вспоминался сам прекрасный древний город в пору его княжения, шумные богатые улочки, необъятные торговые площади, приветливые и доброжелательные люди. Затем всю эту радужную картину сменял ужас пожара, вопли людей, зверства, которые вершили ранее Всеслав со своим войском, когда нападали на Новгородские земли. В этот миг Мономах вздрагивал, яростно тряс головой, чтобы отогнать от себя дурные мысли, и снова подгонял своего летевшего во весь опор коня. Из леса выскочили на поляну. Еще рывок, и Смоленск будет совсем близко. «Спасем! Защитим! Вырвем из лап чудовища!» — думал про себя Мономах. Но... Поздно... От прекрасного, милого сердцу Смоленска, как и от всего Смоленского княжества, остались одни руины. Не веря своим глазам, Мономах и вся его дружина даже коней остановили. И все же это оказалось правдой. Горькой и прискорбной правдой. Смоленска того, каким его все помнили, больше не было. Князь чуть тронул бока коня и поехал шагом. Слезы лились из глаз Мономаха. «Сколько же это еще может продолжаться? — думал Владимир. — Черниговское княжество в прошлом году спалили половцы, весной этого года спасли от неми-

нуемой гибели от рук князя Романа Переяславское княжество, а теперь превратилась в прах вся Смоленская земля вместе со своим прекрасным городом. Когда же? Когда наконец люди насытятся? Наполнят свои алчные души богатствами неповинных людей. Когда они прекратят губить жизни других людей? Когда этим извергам уже осточертеет умыться кровью и слезами безвинных людей? Когда наконец воцарится мир и тишина на земле? Когда случится такое, уже граничащее с чудом, что люди станут уважать и понимать друг друга? Видимо, чудес в ближайшее время можно не ждать», — Сам себе ответил Мономах.

Князь остался в сожженном городе, а дружину отправил во главе со Ставром найти и поймать врага всего рода человеческого — Всеслава.

Через неделю Ставр вернулся с дружиной в Смоленск, или точнее туда, что от него осталось. Воевода доложил князю, что раз за разом они нападали на след душегуба-Всеслава. Полоцкий князь завязывал мелкие стычки, а сам в очередной раз исчезал. В этих стычках гибли люди Всеслава, есть погибшие и среди дружины Владимира. Ставр немного помолчал и горестно добавил:

— Кроме погибших людей в этих боях были сожжены Лукомль, Логожск и Друцк.

Мономах вытер слезы ладонью.

— Снова невинные жертвы, — со вздохом тихо сказал князь.

Владимир со своей дружиной вернулся в Чернигов. Наступила зима, а вместе с ней долгожданное затишье. Все думали, что с приходом зимы наступят мир и спокойствие. А половцы были только этому и рады. Воспользовавшись тем, что русские дружины зимой, как правило, распушены по домам, они решили действовать.

В январе 1080 года от отца примчался очередной гонец. Мономах уже смирился с их появлениями. В любое время года, если не каждый месяц, то раз в два месяца обязательно, отец вызывал сына из Чернигова в Киев.

Значительно реже, но все же с регулярной стабильностью эти гонцы привозили Мономаху не приглашение в гости к отцу, а приказ срочно собирать дружину и мчаться в какое-то из княжеств на выручку. В этот раз дело обстояло немного иначе. Помощь была нужна, но, как ни странно, самому Черниговскому княжеству Владимира Мономаха. Хитроумные половцы обошли стороной переяславские и черниговские заставы и во главе трех своих ханов — Асадука, Саука и Белкатгина — двинулись вглубь Черниговской земли на Стародуб. Об этом великому князю Всеволоду Ярославичу сообщил его тесть, половецкий хан Багубарс.

Спешно собрав свою дружину, Мономах пошел выручать Стародуб от надвигающейся беды.

Спасти Стародуб не успели. Как и всегда, половцы огнем и мечом прошли по Русской земле, оставив за собой огненно-кровавый след. По этому следу и устремился Владимир. Дикие кочевники не ожидали преследования и, выйдя из дремучих лесов на лед реки Десны, шли медленно, потому что были переполнены награбленным добром. Дружина Мономаха атаковала стремительно. Хищники не успели опомниться, как были перебиты практически все до единого. Два половецких хана Асадук и Саук были взяты в плен. От пленных Мономах узнал, что третий хан Белкатгин, как его называли свои же соплеменники, «самый жадный», был недоволен количеством добычи, полученной в Стародубе, и пошел пожить на Новгород-Северский. Мономах бросился в погоню за ненасытным ханом. Чтобы не допустить разорения Новгород-Северского, уже на следующий день дружина Мономаха настигла жадного хищника. Как и его соплеменники, так и хан Белкатгин не ожидал преследования. Селение за селением, деревня за деревней медленно опустошались половцами. Количество русских пленников росло с каждым захваченным домом. Обоз награбленного добра был завален доверху. Появление Мономаха с дружиной оказалось неожиданным для степняков. Однако половецкий хан попытался дать бой Мономаху. После той яростной битвы в живых из половцев не осталось

ни одного. Владимир освободил всех пленных людей, вернул награбленное половцами добро. Многим пострадавшим оказал помощь из своей казны.

Весна и лето 1080 года прошли спокойно. Постоянные поездки к отцу в Киев и хозяйственные дела в Черниговском княжестве поглощали все свободное время князя. Тем не менее, заботливый муж и отец старался каждый день хоть немного уделить времени жене и троим подраставшим сыновьям.

Половецкие орды, которые были в дружбе с русскими князьями, а так же дружественных кочевников-торков, называли «своими погаными». «Свои поганные» торки долгие годы жили на границах Руси в мире и согласии с русскими князьями. Видимо, насмотревшись на то, что все, кому не лень, пытаются оторвать себе кусок пожирнее и послаще, предводители торков тоже решили испытать судьбу и стали требовать от переяславского князя Ростислава уплату за мир с их стороны. Ростислав отказал торкам. «Свои поганные» вооружились и пошли войной на молодого князя. Трудно сказать, что больше разозлило сурового Мономаха: то, что опасность грозит его младшему брату, или то, что эта опасность нависла над Переяславлем — родным городом Владимира.

Мономах без промедления повел дружину к Переяславлю. Торки думали, что поторгуются, выбьют для себя побольше богатства от юного князя, да на этом дело и кончится, они вновь уйдут кочевать на границы Руси. Но Мономах считал иначе. Он был безжалостен к тем, кто поднял меч на его брата и родной Переяславль. Кочевники были разгромлены. К их счастью, в бою было много пленных. Мономах пощадил одумавшихся. Степняки получили урок, который запомнили надолго.

Летописец описал эти события так: «Пошли торки переяславские войной на Русь. Всеволод же послал против них сына своего Владимира. Владимир же, пойдя, победил торков».

Утихомилив неожиданно разошедшихся приграничных соседей, Мономах неделю погостил у младшего брата в родном Переяславле и вернулся обратно в свой удел. В Чернигове уже ждали гонцы из Киева от отца. Всеволод Ярославич сразу же звал сына к себе в Киев. Уставший Мономах надеялся, что отец зовет к себе просто посоветоваться и никакой враг больше не объявился на просторах Руси. Так и было. Побыв и у отца в Киеве с неделю, Мономах наконец-то вернулся домой, к любимой жене и детям.

В семейных заботах и хозяйственных хлопотах у черниговского князя Владимира Мономаха прошел целый год. Целый год князь не водил никуда свою закаленную дружину. Не мчался, точно общерусский пожарный тушить куда-нибудь пожарища, утешать обездоленных и лишенных крова людей. Ежемесячные поездки к отцу в Киев Мономах уже считал обыденностью. О хрупком мире, который наконец установился на Руси, Мономах думал чуть ли не затаив дыхание, чтобы не спугнуть это счастье всей земли Русской.

Но, хоть дыши ты всей грудью, хоть затаивай дыхание, а время от времени лавины изголодавшихся половцев обрушиваются на приграничные Русские земли. Очередная такая лавина обрушилась осенью 1081 года. Половецкие кони отъелись на летней сочной траве и начали ретиво бить копытом. Им надо было куда-то двигаться. Еще больше своих четвероногих боевых друзей жадно били копытом их хозяева. У них сводило животы от голода, текли слюни при мыслях о богатствах Руси. Вот они, совсем рядом. Не надо самому работать. Не надо ничего делать. Зачем хлеб растить, разводить домашний скот, когда все это и многое другое можно просто отнять во время грабительского похода на Русь. Надо только выбрать момент поудобнее да действовать как можно стремительнее, и все у тебя будет. Как правило, этот момент половцы выбирали осенью. Их небольшие приземистые лошадки, залог скорости в налете, в конце лета были на пике своей силы. А на Руси к этому времени был собран урожай, трудолюбивые хозяева заготавливали запасы на зиму, а излишки свозили в города. Купцы усиливали свою бойкую торговлю, все новые и новые богатства стекались на торговые площади городов. Тогда-то и налетали с распростертыми лапами хищные половцы. Не стал исключением и этот год. В

качестве жертвы кочевники выбрали Переяславль. Он и к самой степи расположен поближе, и правит в нем менее опытный, чем в других приграничных городах Киеве и Чернигове, князь.

Огненная волна выплеснулась из степи на Переяславль в сентябре. Ростислав тут же отправил гонцов за помощью к отцу в Киев и старшему брату в Чернигов. Когда гонец из Киева с распоряжением о том, что надо спасать Переяславль и младшего брата, прискакал в Чернигов, Мономах уже гонял хищные шайки по родной Переяславской земле. Половцы не собирались устраивать генеральные сражения, мериться силами и военной доблестью. Им нужно было только одно — как можно больше награть и подобру-поздорову унести ноги к себе в степь. При этом хорошо было бы прихватить с собой, помимо награбленного имущества, побольше пленных, чтобы потом продать на южных работоторговых рынках. Так они и действовали. Подойдя к границам Переяславского княжества и не встретив серьезного отпора, их войско разбилось на маленькие шайки и разбрелось по всей Переяславской земле. Шайки эти дружина Мономаха гоняла, ловила и безжалостно уничтожала на том месте, где застигала. До начала октября не было мира на Переяславской земле. И лишь в первых числах все утихло. Кто успел из воров-душегубов вернуться восвояси, те уже были далеко в степи, а те, кто были менее расторопные или попросту чересчур отяжелили себя награбленным и не успели сбежать, нашли себе могилу на Русской земле. В начале октября, как и год назад, братья Владимир Мономах и Ростислав встретились. Как и в прошлом году, когда Мономах спасал Ростислава и свою родную Переяславскую землю, Владимир вместе со своей дружиной с неделю отдохнул на родной земле и вернулся домой. Вновь в Чернигове уже ждал гонец от отца из Киева. Заехав домой к жене и детям всего на два дня, Мономах распустил дружину по домам и поехал к отцу в Киев.

В этот октябрьский визит Мономаха в Киев его отец, выслушав подробности похода в Переяславские земли, а после огорчившись разорению родного Переяславля, отпустил Мономаха домой в Чернигов. В ноябре Мономах не ездил в Киев и отдыхал в своем уделе в кругу любящей семьи. Владимир не сомневался, что стоит наступить декабрю, и гонец от отца будет тут как тут. Не ошибся Мономах, и в декабре поехал в Киев к отцу.

В этот приезд Мономаха в Киев Всеволод был неспокоен. Великий князь рассказал сыну, что тревожные новости приходят из земли вятичей. Услышав о вятичах, Владимир сразу же вспомнил, как впервые шел на княжение в Ростов сквозь их землю. Тогда ему было всего 13 лет. Он был еще совсем юным, неопытным мальчиком. Сколько всего произошло в его жизни с тех пор. Помнил Мономах этих суровых лесных жителей. Помнил он и те выводы, которые тогда сделал для себя, как поделился ими с Твердиславом. Еще совсем юным Владимир понял, что эти люди страшны и суровы лишь на первый взгляд. Если к ним относиться с душой и с любовью, то они будут такие же отзывчивые и добрые. Всеволод рассказал Мономаху, что люди стали жаловаться на управление в самом Ростове и на то, что какие-то лихие люди сколотили банды и стали нападать на путников в тех местах. Заканчивал Всеволод свой рассказ тем, что Владимиру Мономаху надо туда поехать и навести порядок. Хотя в земле вятичей и нет опустошительного нашествия половцев, Всеслава, тревожных князей из Тмутаракани, но все же с происходящим в тех краях надо разобраться и именно ему. Владимир понял свою задачу. На другой день Мономах простился с отцом и уехал к себе в Чернигов. По дороге домой Владимир обдумал все, что ему рассказал отец, и определился для себя с планом действий.

Прибыв в Чернигов, Мономах собрал своих воевод и поведал им все, что стало известно из рассказа отца. Владимир решил, что в земле вятичей и, в частности в Ростове, нужна не военная сила, а мирное восстановление справедливости. А поймать шайки разбойников не составит труда. Поэтому Мономах брал с собой в этот поход лишь часть дружины, и возглавлял ее Лучезар. Остальное свое войско князь вверял в управление Ставру, а на контроле всех хозяйственных дел в княжестве во время своего отсутствия Владимир оставлял Ратибора.

Через неделю, в декабре 1081 года, Мономах и Лучезар выступили в поход в земли вятичей.

Шли долго. Останавливались во многих селах и деревнях. Владимир расспрашивал местных жителей, как им здесь живется, что происходит в округе. Постепенно стала складываться общая картина. По прибытию в Ростов Мономах уже отчетливо понимал, в чем кроется корень всех злоключений земли вятичей, а точнее даже ни в чем, а в ком. Жители Ростова подтвердили догадки Владимира.

В Ростове и в земле вятичей в то время долгие годы правил великокняжеский наместник по имени Берендей. Когда Берендей был в Киеве, он исправно нес службу при великом князе и положительно зарекомендовал себя. Приехав править в столь отдаленный город, Берендей изначально был не в восторге от суровых местных жителей и от того, что судьба закинула его в эти дремучие леса. Однако со временем Берендей в Ростове обжился, и ему стало казаться, что не так уж и плохо, что он является великокняжеским наместником в этих местах. Дальше — больше. И через год-другой наместник Берендей и вовсе решил, что до Бога высоко, до великого князя далеко и он может творить что ни попадя. Распоясавшись окончательно, Берендей и вовсе стал творить открытые беззакония над местными жителями. Люди начали жаловаться на наместника великому князю. Тот в письмах спрашивал у своего наместника: «В чем дело?» — конечно, Берендей ссылаясь на своеправие вятичей и перекладывал всю вину на местных жителей. Во время межкняжеских распрей, половецких набегов и других постоянных пердряг великому князю все не удавалось полностью разобраться с проблемами в землях вятичей. А там обстановка постепенно накалялась. Проблемы и несогласия росли, как снежный ком. Незаконно обиженные Берендеем люди, не найдя помощи в лице великого князя, стали уходить из города. В скором времени жить многим из них стало не на что, и они стали сколачивать банды для грабежа местных жителей и проезжих купцов. Одну из таких банд, отличавшуюся особой жестокостью, возглавили некий Ходота и его сын. По словам местных жителей, банда Ходоты обитает в районе Корьдна.

От имени своего отца, великого князя Всеволода Ярославича, Мономах отстранил Берендея с поста наместника и отправил его на суд в Киев. Новым наместником в Ростове Мономах назначил справедливого, опытного в хозяйских и управленческих делах, энергичного пятидесятилетнего боярина по имени Василий. Он был невысокого роста, плотного телосложения, с сильно поседевшей русой головой и с длинной, широкой бородой. И уже вместе с ним и Лучезаром долго и кропотливо стали разбираться в проблемах. Наладив порядок в самом Ростове и его окрестностях, Князь Владимир оставил управлять нового великокняжеского наместника и вместе с дружиной двинулся к Корьдну, где разбойничала банда Ходоты и его сына. Но поймать их князю не удалось. Местные жители рассказали, что Ходота, услышав о приближающейся опасности, увел свою банду куда-то глубоко в глухие леса. Приближалась весенняя распутица. Мономах решил возвращаться в Чернигов надеясь на то, что новый наместник наведет порядок в землях вятичей. В марте 1082 года Мономах, Лучезар и дружина вернулись в Чернигов. Обняв жену и детей, выслушав доклады от Ратибора и Ставра о делах в Черниговской земле и о событиях, которые произошли, пока князь ходил по глухим лесам, на следующий день Мономах поехал к отцу в Киев, чтобы рассказать о своем походе в землю вятичей.

На Руси, на радость всех ее жителей, воцарился долгожданный мир. Мономах по-прежнему каждый месяц или максимум один раз в два месяца ездил из Чернигова в Киев. Летом 1082 года у Владимира и его жены Гиты родился четвертый сын, которого назвали Ярополк. Счастливый муж и многодетный отец старался ежедневно уделять время семье. Дети подрастали. Старшему сыну Мстиславу исполнилось уже 6 лет, второму сыну Изяславу было уже почти 5. По заведенной старой традиции оба княжича уже прошли церемонию посажения на коня и, несмотря на, казалось бы, еще совсем юный возраст, они под чутким руководством своих дядек-пестунов уже постигали воинское мастерство и азы управления уделом. Их отец

прекрасно понимал, что не за горами тот день, когда его сыновья начнут покидать родительский дом и разъедутся на самостоятельные княжения. А пока любящий и любимый Владимир наслаждался редкими моментами спокойной семейной жизни.

С осени снова стали поступать тревожные вести из земли вятичей. Ходота опять дал о себе знать. Новый наместник Василий, которого Мономах оставил в Ростове, так и не смог поймать банду. Поначалу все ограничивалось грабежами, которым подвергались незащищенные путники. Потом аппетиты Ходоты и его банды стали расти. Присущее прежде в банде чувство вседозволенности сменилось уверенностью в безнаказанности. Великий князь Всеволод Ярославич требовал от ростовского наместника жестких мер. Василий активизировал действия по поимке банды и главаря. Ходота тоже оказался не из робкого десятка, поэтому не собирался сидеть и ждать своей печальной участи. Улучив удачный для себя момент, когда наместник в сопровождении нескольких вооруженных людей охотился вблизи Ростова, банда Ходоты напала на Василия и его людей. Всех перебили. Эта новость повергла в ужас весь Ростов, а Ходота, его сын и их единомышленники бросились во все тяжкие. По всей Ростовской земле закипели грабежи, насилия и убийства. Анархия и безвластие, как пожар, стремительно охватили всю землю вятичей.

Великий князь Всеволод Ярославич был поражен столь дерзким вызовом его власти. Бывало, что наместники гибли при различных обстоятельствах, но от рук банды грабителей — Всеволод не припоминал. Само собой, срочно поскакали гонцы за сыном в Чернигов. Всеволод не сообщал подробностей дела, но требовал Владимира прибыть немедленно. Мономах понимал, что что-то где-то случилось. Осталось только прояснить, что и где именно. Как и всегда, без отлагательств, Владимир помчался в Киев. Подробности произошедшего в земле вятичей возмутили Мономаха. Отец был прав: нужно идти в эти дремучие леса и с корнем вырвать стремительно распространяющуюся заразу в лице бандитов, подобных Ходоте и его сыну.

Мономах вернулся в Чернигов. Объявил дружине о новом походе. На этот раз к выдвижению готовились по всем правилам войны. Все понимали, что теперь уже речь идет не о нескольких грабителях, а о вооруженном, хорошо организованном отряде, численность которого была неизвестна. В этот поход Мономах во главе дружины брал с собой сурового Ставра. Ратибор оставался командовать дружиной в Черниговской земле, а Лучезар брал на себя все хозяйственные дела Черниговского княжества на время отсутствия своего князя.

Наступила зима. Вышли из Чернигова. Пока было мало снега и мороз не сильно сковывал движение, дошли до Ростова. Там узнали все подробности происходящего в их краях. От местных жителей стало известно, где может находиться эта банда. Таких мест было несколько. Разбойники постоянно меняли свое местонахождение. Мономах разделил дружину. Часть возглавил лично, а другую часть поручил Ставру. Январь и февраль прошли в поисках. Все тщетно. Банда хорошо ориентировалась в здешних местах и потаенными тропами всегда уходила от преследования. Мономах и вся его дружина уже устали от этих постоянных слежек и погонь. На поле боя, когда враг стоит против тебя, и то было легче. Метровые сугробы и лютые морозы усложняли поиски. Владимир не сдавался. Он решил для себя и объяснил всей дружине, что эту проблему нужно решить раз и навсегда, а не то эта зараза, как эпидемия, может перекинуться и на другие земли, ввергнув всю Русь в разбоя и хаос. Мономах и Ставр собрали своих воинов в Ростове. Нужно было несколько дней согреться и набраться сил. Вечером разошлись по домам. Рано утром Мономаху принесли вести, где может находится Ходота и куда он собирается уйти в ближайшие дни. Медлить было нельзя. Князь срочно собрал дружину. Сам со своим отрядом помчался в то место, где сейчас должен был находиться Ходота. Ставра с другим отрядом отправил туда, куда банда собиралась в скором времени перейти. Мономах умчался первый. Ставр повел свой отряд через час после князя.

Отряд Мономаха прискакал к той деревне, где надеялся поймать Ходоту. Деревню окружили, чтобы никто не смог сбежать в лес. Но... опять опоздали. Ходоты и его банды здесь не

было. Мономах огорчился. Приближалась весна, распутица. Скоро нужно было возвращаться в Чернигов или оставаться здесь до наступления лета. Всем было ясно, что с приходом весны в этих дремучих лесах видимость сократится до минимума. Тогда шансов поймать бандитов станет еще меньше, чем сейчас. Князя раздражало, что он с дружиной всю зиму потратили впустую. И если сейчас уйти, то еще целый год бандиты будут лютовать в этих краях, а там могут и еще куда-нибудь перейти. Или еще хуже, как известно, дурной пример заразителен, и на разбойничий путь Ходоты решат встать другие люди. Это серьезная проблема. И решать ее нужно было раз и навсегда, и чем скорее, тем лучше. Обойдя всю округу и не обнаружив бандитов, Мономах пошел к тому месту, куда Ходота собирался двинуться дальше и где его мог поймать Ставр. И там неудача. Местные жители сказали, что Ставр с отрядом не дождался здесь бандитов и ушли их искать в неизвестном направлении. Делать нечего, Мономах пошел обратно к Ростову. В городе Ставра не было. Прошло три дня, а воевода по-прежнему в Ростов не возвращался. Наконец вечером четвертого дня Мономаху доложили, что Ставр с отрядом на подходе к городу. Князь обрадовался хотя бы тому, что с отрядом и воеводой не случилась никакая беда. При первом появлении Ставра с дружиной Мономах увидел, что их лица чем-то довольны, но посторонних среди них не было. Ни людей из банды, ни Ходоты, ни его сына пленными не вели.

— Здрав будь, княже, — как из трубы рывкнул Ставр. — Домой пора собираться, — улыбнувшись, добавил воевода.

Мономах вопросительно смотрел на Ставра. Богатырь любя потрепал по холке своего мамонта.

— Стой, что ли, Яблочко, приехали.

Ставр спрыгнул с коня с таким шумом, будто десятипудовый мешок песка скинули с крыши дома. Воевода неторопливо присел на ступенях княжеского крыльца.

— Поймали мы лиходея проклятого, — с улыбкой сказал Ставр. — Дак он, бестия, все не прост оказался. Пришли, значит, мы в то место, куда, княже, отправлял ты нас, а его там нет. Я дозор отправил. Нет говорят. Ну, дозорные молодцы у меня, проворные. Они одного из банды этой все-таки умудрились выловить. Прихворал он, бедолага да в деревне остался подлечиться. Вот мои лекари, — Ставр улыбнулся, — и взяли его за что полагается, — снова улыбнулся воевода. — Притащили его ко мне. Мы, значит, с Яблочком к нему поближе подошли, да как-то получилось, что Яблочко ему на ногу встал и стоит любезный. — Ставр кивнул головой на своего коня. — Хворый-то этот, что из шайки Ходоты-то, как залепетал, как заверещал бедолага, да так нам все помыслы Ходоты и выдал: «Ходота, говорит, хоть и хитрый, а жадность в нем все равно берет свое. Вы, верно, его здесь ждали, да только не дошел он до вас, потому что проведал он, что купец богатый недалеко идти будет, вот и кинулся его грабить, ни грамма золота мимо своих рук не пропустит Ходота». Ни грамма золота, говоришь, не пропустит, смекнул я. «А как он узнает об этих купцах?» — спросил я этого хворого соловья. «Да у него в каждой деревне есть доверенные люди, они ему и доносят». Я спросил его, знает ли он этих людей, и для пущей убедительности слегка поджал его вторую ногу своим копьем. Тут он мне за всю округу все и поведал. Вот, думаю, жадность тебя и погубит, Ходотушка треклятый.

Я с отрядом на коней, говоруна этого с собой прихватили на всякий случай. Жителям той деревни всем видом показал, что пошел на Ростов, а сам петлю дал и в противоположной стороне вышел. Подошел к очередной деревне, у своего нового говорливого знакомого узнал, кто там является доверенным человеком Ходоты, и отправил без лишнего шума за ним своих ребят. Скоро этот бедолага в одном исподнем дрожал возле меня. Наверное, его Яблочко испугал, — усмехнулся богатырь. — Побеседовали мы с ним по душам, так он почти без слов меня понял и сам вызвался помочь. Помчался он к Ходоте и нарисовал картину, где богатый купец на следующий день будет идти. Ходота — молодец, не подвел. Позарился на чужое добро и со всей своей сворой сломя голову помчался за золотишком. Мчится он, значит, ладони поти-

рает да карман похлопывает. Чует, вот-вот ему счастье привалит. А тут вот незадача. Перед ним не золото, а Яблочко мой, да и я с Яблочком ненароком там же оказался. Ребятишки-разбойнички хотели было кто куды ноги делать, да орлы мои промерзли уж все, ожидая их. Быстренько молодцы мои согрелись, а разбойничкам тем тут же век и вышел. Смотрю я, Ходота, родимый. Живучий оказался да удачливый, так у березы огромной и притаился. Сидит, вздрагивает отчего-то. Наверное, все-таки, княже, Яблочко страшненько стал в этом походе выглядеть, раз уж второго человека подряд испугал. Может, гриву ему как заплести? Глядишь, красивше станет. А, княже? — Ставр рассмеялся.

— Так, где Ходота-то? — спросил Мономах.

— А-а-а... Забыл я совсем. Прости, княже. В голову мысли полезли, как Яблочко с плетеной гривой будет выглядеть. — Ставр снова рассмеялся. — Ну, так вот. Смотрю я на эту березу, такая она красавица — толстая, снизу кора почти вся черная и потрескалась в крупные, извилистые морщинки, а выше так белым-бела, веточки такие густые и так же, как у ивы, почти земли касаются. Вот бы, думаю, июльским знойным деньком в тени этой красавицы часок-другой вздремнуть. Голову ниже опускаю — Ходота там сидит. А я уж и забыл про него. Так мне эта березушка любя стала. Как-то дернулся резко на свою беду, Ходота этот. Мечем брякать попытался, оскалом волчьим испугать хотел... Кого только он этими шалостями пугать взялся? Не пойму. Сжалился я над ним. Подарок сделал. Ту самую березушку. Ну как, не всю, конечно. Молодцы мои выбрали сук потолще, да и связали их воедино. Мы домой поехали, а он там остался висеть, в глуши лесной, чтобы людей добрых больше не пугал и не обижал.

Мономах нахмурился.

— Скор ты, воевода, до суда-то.

— Не серчай, княже. Разве этот душегуб и лиходея на веревку себе не нагабил? Да за две зимы не набегались мы так, чтобы сук ему потолще подарить? Поделом ему, лиходею. Пусть земля Русская в мире живет.

— И то верно, — согласился Мономах.

Отдохнув пару дней в Ростове и оставив там нового сорокалетнего, грамотного наместника Андрея, Мономах повел дружину домой, в Чернигов.

По устоявшейся традиции, Владимир пробыл дома с женой и детьми всего один день, узнал от Ратибора и Лучезара, как обстояли дела в Черниговском княжестве и во всей Руси за время его длительного отсутствия, а потом поехал к отцу в Киев.

Увидев Владимира, Всеволод Ярославич бросился обнимать сына. Было видно, как стареющий отец истосковался по своей надежде и опоре. Сели обсудить дела в землях вятичей. Мономах подробно рассказал отцу о тяжелом зимнем походе. Всеволод похвалил сына и дружину за их труды и обещал щедро наградить. Казалось бы, все трудности позади и на какое-то время можно выдохнуть и расслабиться. Но Мономах читал тревогу в глазах отца. Не успел Владимир спросить, что не дает покоя ему, как Всеволод не вытерпел и выплеснул из себя:

— Князь Олег Святославич вернулся на Русь и захватил Тмутаракань.

Отец и сын замолчали. Оба понимали, что с появлением этого амбициозного князя мир на Руси в очередной раз рухнул, не успев полноценно установиться.

«Что теперь он предпримет? — думал Мономах. — Как поведет себя?»

Всеволод встал, заложил руки за спину и стал ходить из стороны в сторону. Было видно, что на душе у великого князя неспокойно. Да и как тут успокоиться? Когда не успеваешь потушить один пожар, а уже вот-вот вспыхивает другой.

— Подождем, отец, — обратился Мономах к Всеволоду. — Даст Бог, он образумился и стал спокойнее. Не будем его трогать, пусть сидит в Тмутаракани. Если же он начнет переговоры какие вести или войско решит собирать для похода, там и будем предпринимать соответствующие меры.

Пробыв около четырех лет в Византии, князь Олег Святославич женился там на девушке из аристократического византийского рода Феофании Музалон. Из знатного русского пленника после такой выгодной для него свадьбы князь Олег сразу же превратился в свободного человека, у которого благодаря новым родственникам в Византии появилось немало покровителей. Олег не стал откладывать дела всей своей жизни в долгий ящик и при первой же возможности, поймав попутный ветер своей судьбы, вместе с супругой на всех парусах двинулся на Русь.

Прибыв в Тмутаракань, князь Олег без труда занял этот город и стал единоличным правителем всего Тмутараканского княжества. Утвердившись в городе, первым делом Олег жестоко отомстил пленившим его 4 года назад хазарам и всем тем, кого сам считал виновным в гибели своего брата Романа. Далее, несмотря на то, что вся Русь затаилась в ожидании новой кровопролитной войны, которую, как все считали, сразу же развяжет Олег, князь обманул их надежды. Он тихо и мирно правил у себя в Тмутаракани, не выказывая никакой агрессии ни по отношению к Киеву, ни к Чернигову, ни к кому на Руси. На первый взгляд все должны были обрадоваться такому поведению буйного князя Олега Святославича. Но на самом деле, все, начиная с великого князя, считали, что это затишье перед бурей.

Всеволод в это время еще чаще стал вызывать Мономаха из Чернигова. Он отвлекал Владимира и от хозяйственных дел в своем уделе, и от любимой семьи, в которой к тому времени на свет появился пятый сын Вячеслав.

Тем не менее, опасения по поводу Олега странным образом не подтвердились. Он так и продолжал спокойно княжить у себя в Тмутаракани.

В хозяйственных хлопотах, семейных заботах и постоянных поездках в Киев тихо и безмятежно проходило время черниговского князя Владимира Мономаха.

В 1084 году пасха пришлась на 31 марта. На этот светлый праздник собралось в Киеве у великого князя Всеволода Ярославича много гостей. Приехали сыновья из Чернигова и Переяславля, приехал и правивший в это время во Владимире-Волынском князь Ярополк Изяславич, племянник Всеволода. Все радовались, устраивали пиры, отмечали праздник, беззаботно проводили время. Тем временем враг не дремал. Два других племянника Всеволода, Рюрик и Володарь Ростиславичи, которые жили на Волыни близ Ярополка Изяславича, воспользовались отсутствием этого князя и захватили его стольный город Владимир-Волынский. Эти тревожные новости омрачили самого великого князя Всеволода Ярославича и всех его гостей. Всеволод сразу отправил Владимира Мономаха наказать смутьянов, послушавшихся его воли, выгнать братьев Ростиславичей из Владимира-Волынского и вернуть город Ярополку.

С торжеств в Киеве Мономах помчался за своей дружиной в Чернигов. Времени на сборы много не потребовалось. За последнее время сам Мономах и вся его дружина уже привыкли находиться практически в постоянной готовности немедленно выйти в поход. Так случилось и на этот раз. Мономах во главе своего войска двинулся восстанавливать справедливость во Владимире-Волынском. Новости о том, что идет неминуемое наказание, скоро прилетели в захваченный город. Дерзкие братья решили не рисковать и, завидев приближение Мономаха с дружиной, бросили добычу и бежали из города. Обиженный на братьев Ростиславичей Ярополк ехал вместе с Мономахом. Жители Владимира-Волынского открыли ворота и встретили Мономаха и Ярополка как своих законных правителей. Мономах оставил Ярополка в городе, а сам погнался за мятежными братьями Ростиславичами. Рюрик и Володарь побежали к городку Микулину, Мономах шел за ними. Но и в Микулине дерзкие мятежные братья не решились ни дать бой Мономаху, ни встретиться с ним для мирных переговоров и побежали дальше за Микулин. Мономах ходил за Микулин, но не настиг беглецов. Братья затаились в Польше. Владимир пошел домой. На обратном пути Мономах снова заехал во Владимир-Волынский и успокоил Ярополка тем, что он дерзких мятежников загнал далеко и что Ярополк может спокойно править в своей волости. Сам же Мономах, по традиции, пошел сначала в Киев расска-

зять все о походе своему отцу, великому князю, а из Киева князь вместе с дружиной, целые и невредимые, вернулись домой в Чернигов.

Не успел Мономах обнять жену и детей, как к нему примчался гонец от младшего брата из Переяславля. Ростислав сообщил Владимиру, что половцы захватили в Переяславской земле городок Горошин. Тут же Мономах собрал свою дружину в кулак и помчался выручать жителей Переяславского княжества. Часть грабительского половецкого войска была разбита у стен Горошина. Другая часть еще до прибытия Мономаха бежала. Владимир погнался за убежавшими половцами. Он настигал небольшие разрозненные группы кочевников и уничтожал их на месте. Те, которым удалось уцелеть, бежали от князя далеко, за реку Хорол. Изгнав все половецкие шайки из Переяславской земли, Мономах пошел к своему родному городу Переяславлю. Отдохнув пару дней у брата Ростислава, Владимир повел дружину в Чернигов. А в Чернигове, как обычно, на крыльце княжеского терема Владимира Мономаха уже ждал гонец от отца. Переночевав дома, на утро Мономах помчался к отцу. К счастью, в Киеве было все спокойно, и отец звал своего старшего сына расспросить о случившемся в Переяславском княжестве. У отца Владимир побыл три дня и уехал к себе в Чернигов к жене Гите и детям, по которым любящий и любимый муж и отец уже истосковался.

Два месяца князь Владимир Мономах провел дома с семьей и в хозяйственных хлопотах. По меркам последнего времени это уже можно было считать роскошью. Мономах сам подшучивал, что если бы не любимая охота, на которой князь упражнялся в искусстве владения оружием не менее усердно, чем в бою, то он бы уже и меч разучился в руках держать.

Владимир Мономах был страстным охотником. Позднее он напишет в своем «Поучении»: «А так трудился я на охотах, пока в Чернигове сидел: коней диких своими руками связал в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем. Олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, а другой рогами бодал. Вепрь у меня на бедре меч оторвал; медведь мне у колена потник укусил; волк на бедра ко мне вскочил и вместе с конем меня повалил».

В августе из Смоленска прискакал гонец. Печальная участь, которая постигла все Смоленское княжество вместе с этим прекрасным городом, преподнесла слишком горький урок. Тогда Мономах строго-настрого приказал следить за всем, что происходит в Полоцком княжестве. Гонец сообщил Мономаху, что полоцкий князь Всеслав вновь зашевелился в своем логове и готовит очередной опустошительный поход. Рано утром Мономах мчался в Киев и вечером уже был у отца. В это же время у великого князя Всеволода Ярославича гостил половецкий хан Багубарс. Мономах рассказал отцу, что князь Всеслав готовится снова испепелить Русские земли. Владимир предлагал не медлить и выступать против Всеслава в поход.

— Князь Всеслав, — вмешался в разговор отца с сыном хан Багубарс. — Он — полоцкий князь, я — половецкий хан; он хитрый и коварный, я тоже не промах. У нас много общего, — улыбнулся Багубарс. — Как говорится, с волками жить — по-волчьи выть. Да? Всеволод Ярославич, — обратился хан к своему зятю.

Князья задумались над словами хана.

— Возьми в поход моих людей, — неожиданно предложил хан, — они не уступают полоцкому князю.

Мономах смутился. Всеволод задумался и чуть погодя охотно принял предложение тестя. Утром Мономах уехал в Чернигов готовить дружину к походу против Всеслава, вслед за князем из Киева в Чернигов двинулось и половецкое войско. Прибыв к себе в город, Владимир собрал воевод, рассказал про предложение половецкого хана и про то, что отец распорядился в этот поход идти вместе со «своими погаными».

— Что тебя смущает, княже? — басом начал разговор Ставр. — Пусть идут. Где надо, мы их в узде удержим, и они не обидят Русскую землю. А при встрече с Всеславом пусть

состязаются в своей хитрости и коварности, о которых говорил хан Багубарс. Только кроме хитрости, еще воинское мастерство понадобится, да кровь людская в изобилии будет орошать землю. Вот пусть эти хитрецы и пускают друг другу кровь. А твоя, княже, дружина все целее будет, — улыбнувшись, закончил свою речь воевода.

Владимир согласился с доводами Ставра. Через пару дней выступили в поход против Всеслава. Мономах не пустил половцев идти одних, он разделил свою дружину пополам. Во главе войска шел сам князь Владимир, за ним часть его дружины, далее шли половцы, а за ними на своем Яблочке, как пастух над овцами, возвышался Ставр, возглавлявший вторую часть княжеской дружины. Таким построением Мономах лишил хоть и «своих поганых», но все же половцев возможности грабить земли, по которым они проходят.

Подшли к Смоленску. Былого пышущего красотой и изобилием города не было. Люди хоть и старались восстановить прежний уровень жизни, но все равно, невозможно сделать за несколько лет то, что строилось и наживалось веками. Тем не менее, стук плотницких топоров радовал слух куда больше, чем лязг оружия. Мономах был доволен, что успел опередить Всеслава. Разведка сообщила Владимиру, что полоцкий князь еще не собрался с силами для похода. Дружина у него небольшая, и поэтому Всеслав вместе с войском находится у себя в уделе. На всякий случай Мономах прошел во главе войска до границы между Смоленским и Полоцким княжествами. Вражеского войска действительно нигде не было. Сегодня жизнь была вне опасности. Мономах хотел возвращаться, но его воеводы выступили против.

Начал разговор все тот же воинственный Ставр:

— Княже, надо идти дальше. То, что мы показали силу, не испугает Всеслава — полоцкий князь не из пугливых. Имея у себя в распоряжении войско, он не затворится в своих владениях. Он хищник. Стоит нам уйти, и Всеслав в очередной раз нападет. Если не на Смоленскую землю, то на Новгородскую. Так было уже не раз. Вспомни, сколько раз мы за ним приходили сюда. Вспомни те горести, какие он постоянно приносил жителям Новгорода. Вспомни Смоленск, который уже не восстановить никогда в той красоте и величии, в которых он был. Вспомни весь люд простой, который Всеслав так щедро угощал бедами и страданиями. Если сейчас мы уйдем, то не сегодня так завтра Всеслав повторит свой набег. Как после этого, княже, ты посмотришь людям в глаза? Зная, что мог, а все же не уберег их от беды. Как уснуть ты сможешь с этими мыслями? Всеслав — хищный зверь. Надо идти к нему в логово, и если не убить, то, как минимум, вырвать ему зубы. Надо идти дальше, княже, и разбить Всеслава.

Мономах задумался. Ставр говорил правду. Останавливало Владимира другое. Черниговский князь привык отражать нападения, а тут получается, как будто он сам нападает. Не мог переступить через эту незримую черту Мономах, но людей нужно обезопасить. Всеслав на самом деле представляет угрозу. Причем он самая большая и кровожадная угроза на всей Русской земле. Мономах все решил. Сам он не пошел нападать на Всеслава, но дружину свою вручил под управление Ставру и ради будущего спокойствия на Руси разрешил поход против полоцкого князя. Сам же Мономах вернулся в Смоленск и занялся хозяйственными делами всего Смоленского княжества.

Прошло две недели. Дружина Мономаха во главе с воеводой Ставром и войско половецкого хана вернулись из похода в Смоленск. Воевода рассказал своему князю, что Всеслав встретил их у Минска. Был ожесточенный бой. «Чародей», как иногда звали Всеслава, пытался спастись внутри города. Бой перекинулся на городские улицы. Случился пожар. Минск был сожжен, а все перебиты.

Со слезами на глазах слушал этот рассказ князь Владимир. Он понимал, что этот поход был нужен во благо будущего спокойствия. Жаль ему было очередных невинных жертв, жаль сожженного многострадального Минска.

Из Смоленска пошли обратно домой. Миную Чернигов, Мономах во главе дружины довел войско половецкого хана до границы Руси и дикой степи. Оттуда князь отправил дружину

домой, в Чернигов, а сам по привычке поехал к отцу в Киев, рассказать о том, что спокойствие на границах с Полоцким княжеством восстановлено и какой ценой достигнуто это спокойствие.

Через неделю Мономах вернулся из Киева домой в Чернигов. Окружавшие его в постоянных походах опасности и человеческие страдания заставляли князя смотреть другими глазами на мирную жизнь. Многократно возрастала цена тишины и спокойствия. Мономах хотел хотя бы на короткий миг обнять свою семью и безмятежно раствориться в любви жены и детей. Проведенные короткие промежутки времени в кругу любящей и любимой семьи давали силы и энергию князю Владимиру Мономаху. Сила, непоколебимая твердость духа, решительность, спокойствие и рассудительность очень нужны были Мономаху в этой войне. Войне, которую вел князь во благо мира и спокойствия на всей Русской земле.

В очередной раз не получилось у Мономаха продлить удовольствие нахождения в кругу семьи. Гонец из Киева передал приказ отца срочно прибыть к нему. Мономах помчался на помощь отцу, хоть в этот раз без дружины, и эта помощь была не делом, а словом. В Киеве Всеволод встретил сына весь в слезах.

— Что случилось? — спросил Владимир отца.

— Конца и края нет моим напастям, — всхлипывая, начал Всеволод. — Большая семья — это хорошо. Только вот хорошо, когда эта семья не только большая, но и самое главное дружная. А у меня что? Такое ощущение, что у меня не семья, а шайка разбойников. Было у меня пять братьев. Каждому из них Бог дал сыновей. Так вот теперь братьев моих нет, а сыновья вместе со своими проблемами не устают напоминать о себе. Вот смотри, сын мой, — Всеволод присел, — какая у нас большая и очень недружная семья.

Старший среди братьев был Владимир Ярославич. Какое от него беспокойное потомство пошло. Сын, Ростислав Владимирович, бунтовал, захватил Тмутаракань, там и сгинул. Он, в свою очередь, оставил трех своих сыновей: Рюрика, Володаря и Василько. «Что теперь делают эти Ростиславичи? — задал вопрос Всеволод. И сам же на него ответил: — Правильно. Бунтуют. Два старших из них Рюрик и Володарь этой же весной захватывали Владимир-Волынский, и ты прогонял их. Василько еще не дал о себе знать, просто потому что еще недостаточно окреп, подожди, придет время, и он проявит себя».

Второй из братьев — Изяслав Ярославич. Как сам брат настрадался за свою жизнь, так и детям его нелегкая доля выпала. Вот берем сыновей Изяслава. Мстислав-Бес погиб. Ярополк по весне из Владимира-Волынского прогоняли все те же Ростиславичи. Теперь Ярополк постоянно досаждают мне жалобными письмами с Волыни. Святополк, слава Богу, мирно княжит в Новгороде, пока позволяет это делать беспокойный его сосед Всеслав полоцкий.

Третий из братьев — Святослав Ярославич. Его сын Глеб правил в Новгороде. За обиды и конфликты новгородцы прогнали его с княжения. Бежал он невесть куда, да и погиб в какой-то непонятной стычке. Роман — мятежник. Привел половцев на Русь, от них же и сложил свою буйную голову. Олег княжил бы себе спокойно во Владимире на Волыни и бед не знал бы. Так нет, мало ему стало. Чернигов захотел. Взбунтовался. Бежал в Тмутаракань. Половцев на Русь привел. Проиграл. Не смирился. Опять бежал. Затеял конфликт с тмутараканскими хазарами. Пленили его эти хазары и сослали в Византию. Умудрился там жениться, да ни на ком-нибудь, а на девушке из знатного рода. Вернулся на Русь. Слава Богу, сидит сейчас спокойно у себя в Тмутаракани. Может, одумался. Давыд набожный и миролюбивый. Ярослав совсем мал.

Два младших моих брата, Игорь и Вячеслав, хоть и умерли совсем молодыми, однако потомство успели оставить. К сожалению, этому потомству тоже спокойная жизнь не мила.

Сын брата моего, Вячеслава Ярославича, князь Борис, поднял бунт вместе с Олегом Святославичем, привел на Русь половцев и погиб в бою.

И последний мой племянник, сын Игоря Ярославича, князь Давыд Игоревич, тоже дал о себе знать. Ему, как и другим, спокойно не живется. Из-за него я тебя и вызвал, сын мой.

Так вот, этот мой племянник Давыд Игоревич вместо того, чтобы княжить спокойно и добро наживать, уподобился хищнику. Он не нашел ничего лучшего и сколотил шайку подобных ему алчных прохвостов. Дружиной я не могу их назвать. Вместе с этой шайкой Давыд пошел к днепровским порогам в то место, где купеческие караваны вытаскивают из воды на сушу, напал и ограбил греческих купцов, возвращавшихся из моего и из Смоленского княжеств.

Мономах презрительно усмехнулся, узнав про выходку своего двоюродного брата.

— Я отправил гонца к этим разбойникам и приказал, чтобы Давыд вместе со своей бандой немедленно явились ко мне. Не суждено было брату, покойному Игорю Ярославичу, воспитать сына, так я его воспитаю. Так воспитаю, что другим nepовaдно будет.

Мономах улыбулся с запальчивости отца.

— Если же не послушает Давыд моих гонцов и не явится, тогда прикажу тебе, сын мой, идти с дружиной против этих разбойников, подобно тому, как ты ловил банду Ходоты в земле вятичей.

Отец с сыном еще побеседовали, и на другой день Мономах поехал к себе в Чернигов. Они договорились, что если гонцы принесут отказ от Давыда или Давыд появится в Киеве, то Всеволод известит об этом сына.

Через пару недель Давыд Игоревич принес свою повинную голову в Киев. В это же время к великому князю приехали каяться и просить прощение другие мятежники — Рюрик и Володарь Ростиславичи. Всеволод вызвал из Чернигова сына. Мономах прибыл к отцу. Виновные в своих мятежах, грабежах и хищничестве, три молодых князя сидели, опустив головы. Они молчаливо соглашались с упреками, которыми щедро на них посыпал Всеволод Ярославич. Мономах молчал. Хмурясь, он пристально наблюдал за каждым из трех смутьянов. Давыд Игоревич, Рюрик и Володарь Ростиславичи каялись, признавали свою вину. Провинившиеся князья обещали впредь жить в любви и мире со всеми и вести себя тише воды и ниже травы. Покаянные речи молодых князей смягчили сердце разгорячившегося великого князя. Всеволод сменил гнев на милость. Давыду Игоревичу он дал в управление город Дорогобуж, а братьям Ростиславичам город Перемышль. Еще раз предупредив, что в случае ослушания кара их постигнет стремительно и неизбежно, великий князь отпустил молодых князей по своим городам.

Мономах пробыл у отца несколько дней. Было видно, что Всеволод доволен счастливым завершением очередной ссоры, и мир утешил не только всю Русь, но и душу стареющего великого князя. Владимир, уехав к себе в Чернигов, оставил отца в приподнятом настроении духа. Да и сам Мономах был рад тому, что на этот раз удалось обойтись без никому не нужных жертв и в числе редких исключений получилось договориться словами, не применяя оруия.

Уже в следующем месяце тревога в очередной раз посетила великокняжеские покои в Киеве и не преминула раздаться эхом в Чернигове. Всеволод срочно вызывал сына к себе.

Вновь ситуация накалялась на Волыни. Княживший во Владимире-Волынском Ярополк Изяславич, тот, кого только этой весной Мономах спасал от Рюрика и Володаря Ростиславичей, решил объявить войну великому князю. Ярополка не устраивали его новые соседи: Давыд Игоревич и братья Ростиславичи, которых Всеволод отправил княжить в те же края, где правил и сам Ярополк. Амбиции князя Ярополка пытались охватить всю Волынь и Червенский край, поэтому он не хотел никого терпеть в тех краях и, обидевшись, решил прибегнуть к помощи поляков для похода на Киев.

Великий князь Всеволод Ярославич не стал ждать, когда Ярополк соберет силы, и отправил против неблагодарного мятежного племянника своего старшего сына Владимира Мономаха. В помощь сыну Всеволод давал и свою великокняжескую дружину. Мономах, велев киевлянам выступать к Владимиру-Волынскому, сам умчался в Чернигов за своей дружиной.

Появление Мономаха во главе войска оказалось столь стремительным, что Ярополк бежал из Владимира-Волынского в Луцк. Мономах двинулся с дружиной к Луцку. Ярополк

бросил в Луцке мать, жену, дружину и все свое имущество, а сам уехал в Польшу. Город сдался Мономаху без боя. Чтобы избежать возможных интриг, князь Владимир приказал матери, жене и дружине Ярополка идти в Киев, на суд к великому князю. Вместе с дружиной Ярополка в Киев Владимир отправил и великокняжескую дружину. Сам же черниговский князь со своею дружиной пошел обратно к Владимиру-Волынскому. Бывший стольный город Ярополка так же, как и Луцк, сдался без боя. Жители Владимира-Волынского отворили ворота и встретили Мономаха как своего законного правителя. Владимир вызвал из Дорогобужа Давыда Игоревича и передал ему в управление Владимир-Волынский.

Летописец так отобразил это событие: «Ярополк же хотел выступить против Всеволода, послушав злых советчиков. Узнав об этом, Всеволод послал против него сына своего Владимира. Ярополк же, оставив мать свою и дружину в Луцке, бежал в Польшу. Владимир же пришел к Луцку, и лучане сдались. Владимир посадил Давыда во Владимире вместо Ярополка, а мать Ярополкову, и жену его, и дружину его отправил в Киев».

Сам Владимир Мономах не спешил уходить с Волыни к себе в Чернигов. Он понимал, что где-то в Польше или какой-то другой стране сейчас обретается мятежный князь Ярополк Изяславич. Чутье не подвело Мономаха. Скоро от Ярополка прибыли послы к Владимиру, через которых мятежный князь просил своего двоюродного брата о встрече для переговоров. Мономах согласился на переговоры. Он всегда был готов разговаривать с противостоящей стороной, чтобы тем самым избежать ненужных жертв войны. Встретиться решили на границе Руси и Польши в селе Броды.

Ярополк Изяславич низменно льстил Мономаху, притворно лил слезы и жаловался на свою не легкую судьбу и на обиды, которые наносят ему Давыд Игоревич и братья Ростиславичи. Ярополк просил Владимира перевести буйных родственников куда-нибудь в другие уделы, а ему самому отдать в управление всю Волынь и Червенские земли. Мономах отказал своему наглому двоюродному брату, предложив друг другу забыть все обиды и продолжить спокойно княжить во Владимире-Волынском. В случае согласия Ярополка Мономах обещал вернуть Давыда Игоревича в Дорогобуж. Ярополк попросил время на размышление. Мономах согласился. Утром Владимиру сообщили, что мятежный Ярополк не хочет ни с кем делить всю Волынь и Червенский край и опять бежал в Польшу.

Мономах вернулся во Владимир-Волынский и вызвал туда братьев Ростиславичей. По прибытию Рюрика, Володаря и Василько Мономах добавил им в удел, кроме Перемышля, еще Теревовль и Звенигород. Всем четверым князьям, которые оставались управлять территорией западной Руси, Владимир приказал глаз не сводить с русско-польской границы и в случае появления непрошенных гостей немедленно отправлять гонцов в Киев и Чернигов. Давыд Игоревич и все три брата Ростиславича обещали жить в мире и любви, верно служить великому князю Всеволоду Ярославичу.

Владимир повел свою верную дружину домой в Чернигов. Как обычно, князь побыл всего один день с семьей и, узнав о делах в Черниговском княжестве и во всей остальной Руси, поехал в Киев. Рассказав отцу об амбициях и претензиях Ярополка, и о распределении власти между четырьмя молодыми князьями на западе Руси, Мономах через несколько дней простился с отцом и вернулся к себе в Чернигов.

Князь Владимир Мономах и его храбрая дружина в очередной раз и полгода не оставались без похода. В конце июля младший брат Ростислав сообщил Владимиру, что вблизи реки Супой, недалеко от границы Переяславского и Черниговского княжеств с дикой степью, сторожевые посты заметили активность половцев. Молодой князь Ростислав предположил, что половцы готовят очередной опустошительный набег на Русь. Кто именно станет жертвой этого набега: Переяславское или Черниговское княжество, было неважно. Владимир согласился с догадками своего младшего брата и решил на этот раз опередить половцев и встретить их на границе со степью, чтобы не позволить им напасть на Русь.

Во главе своей дружины Мономах пошел к реке Супой. Прибыв к границам Руси и дикой степи, князь обнаружил там небольшие вежи половцев, которые не представляли опасности. Отправили дозоры в степь — половецких войск поблизости не было. Решили, что именно эти вежи вызвали тревогу в Переяславле. Владимир разрешил своим воинам снять тяжелые доспехи. Их погрузили вместе со щитами, копьями, сулицами и прочим оружием на телеги и пошли обратно домой. Обоз с оружием и все войско зашли в маленький город Прилук, где намеревались переночевать, а на утро продолжить путь. Сам Мономах с несколькими дружинниками сильно отстали от остального войска и неторопливо приближались к городу.

Князь с дружинниками наслаждались теплым августовским вечером. Внезапно, из-за леса, будто из-под земли, появилось половецкое войско тысяч на восемь. Несколько сотен метров отделяло половцев от Мономаха. Самому же князю до крепостных стен оставалось пару километров. В один миг половцы с визгом бросились за русскими ратниками. Мономах со своими дружинниками пришпорили коней и во весь опор помчались к Прилуку. Половцы не спеша гнались за горсткой русских всадников. Они даже не подозревали, что преследуют самого князя Владимира Мономаха. Половецкие ханы рассчитывали взять весь небольшой городок Прилук. Кочевники так же, как и русские, не предполагали, что неприятельское войско совсем близко. Половцы не знали, что весь город переполнен русскими воинами. С крепостных стен увидели неожиданно появившееся вражеское войско и погону за князем. Мономах и сопровождавшие его ратники вмиг заскочили в город. Картина стремительно преобразилась. Внутри города все как один уже готовые к бою, ошетинились русские ратники. Впереди дружины гарцевал Ставр на Яблочке. Предвкушая битву, воевода был в приподнятом настроении.

— Ай да княже! Ай да молодец! Гостей привел чуть ли не на своих плечах, — подшучивал Ставр над Мономахом.

Ратибор и Лучезар радушно посмеялись. Рядом с Лучезаром дружинник приготовил княжеские доспехи.

— Пойдем, что ли, княже, гостей встречать, — с озорной улыбкой сказал Ратибор, — чего ж дома-то сидеть за закрытыми дверями, — добавил он, улыбаясь.

— Княже, мы уж тебе и наряд по такому случаю приготовили, — указал Лучезар на княжеские доспехи. — Каравай только не испекли да красную дорожку не успели постелить, — продолжил, улыбаясь, Лучезар.

— Красную дорожку, говоришь? — вмешался Ставр. — Дорожку они сейчас своими головами сами выстлать будут, чтобы знали, каково непрошенными гостями быть.

— Ну что, — надев доспехи, обратился к ним Мономах, — языки разогрели, пора и мечи холодные согреть вражеской кровью. — Мономах вскочил на своего взмыленного коня.

Ставр тронул бока разгоряченного Яблочка. Мамонт фыркнул ноздрями и яростно вскочил на дыбы.

— Отворяй ворота! — рявкнул богатырь Ставр. — Пойдемте, братцы, отпотчuem гостей дорогих.

К тому времени половцы безмятежно подошли к крепости, рассчитывая, застань в ней горстку местных жителей.

Их изумлению и смятению не было предела, когда из неожиданно открытых настежь ворот на них вихрем налетела ошетинившаяся дружина Мономаха.

— Ко мне иди, падаль! — грозно рявкнул Ставр.

— Что? Как ты назвал меня, воевода? — писклявым голосом крикнул половецкий хан, вжимаясь в конское седло от страшной глыбы, которая мчалась на него на разъяренном гигантском коне.

— Едой для шакалов и ворон! — пробасил в ответ разгоряченный Ставр. — Не только назвал, но сейчас и сделаю! — добавил богатырь.

Ставр сокрушительно наотмашь ударил своим пудовым мечом и даже не заметил, как разрубил противника от плеча до седла.

Бой был скоротечный. Всех, кого настигли русские ратники, иссекли на месте. Те, кому посчастливилось спастись, в ужасе бежали к реке Суле.

От немногочисленных пленных Мономах узнал, что другое половецкое войско также безмятежно пошло к Белой Веже, расположенной в его Черниговском княжестве.

Мономах понимал, что эффект внезапности упускать было нельзя. Совершив вместе со всем войском почти стокилометровый бросок, Мономах на следующий день, 15 августа, неожиданно появился перед ничего не подозревавшими половцами. Битва была жестокой и кровопролитной. На месте сражения дружина Владимира Мономаха оставила на вечно 900 половцев. Лишь два половецких всадника каким-то чудом сумели сбежать обратно в дикую степь. В плен ратники Владимира захватили двоих предводителей половецкого войска, ханов Осеня и Сакзя.

После боя Мономах пошел на Переяславль. Две недели Владимир с дружиной ожидали появления половецких орд в Переяславском княжестве и, наконец, никого не дождавшись, с миром пошли домой, в Чернигов. Как обычно, Мономах побыл один день дома и помчался в Киев, потому что гонец от отца уже давно дожидался его в Чернигове. К счастью для Мономаха и его дружины, вся остальная Русь в это время жила спокойно. Храбрый воин и любящий сын Владимир простился со своим отцом и поехал домой. В Чернигове ждали любимая и любящая жена и целый дом обожаемых детей.

Одним чудесным осенним днем Мономах сидел на крыльце своего терема и грелся на ласковом солнышке.

— Здрав будь, княже, — вдруг раздался басистый голос Ставра.

На княжеский двор, улыбаясь, как-то непривычно застенчиво зашел любимый воевода Владимира.

— Спасибо, друже, и я тебе здоровья желаю, — ответил ему Владимир. — С чем пришел? По делу какому? Или, будь добр, уважь меня и милости прошу к столу, отобедаем вместе.

— Спасибо, княже, улыбнулся Ставр. — Хорошенько поесть это мы всегда рады, — посмеялся воевода.

— Я вот что, княже, пришел к тебе, по делу или нет, сам не знаю. — Ставр снова улыбнулся. — Старею, наверное, — рассмеялся богатырь. — Смотрю я на тебя, на отца твоего доброго, деда вспоминаю твоего, Ярослава Мудрого, и вот какая мысль мне в голову пришла.

Мономах улыбнулся и вопросительно посмотрел на Ставра.

— Что есть общего у хороших князей? — продолжил Ставр.

Воевода поднял голову, стая журавлей, улетающих на юг, привлекла его внимание, и Ставр продолжил свои рассуждения, будто говоря сам с собой:

— Разум должен быть светлым у хорошего князя, душа должна быть чистой, сердце настолько наполненным любовью, чтобы на всех хватало. Это да, слава Богу — это все есть. А еще... — Ставр прервал свою речь на пару секунд. — А сколько, княже, сынкам твоим старшим годков исполнилось?

Владимир не понимал, к чему именно клонит его воевода, но был уверен, что и визит, и вся речь как-то связаны. Улыбнувшись, князь ответил:

— Старшему Мстиславу девять, а второму Изяславу восемь.

— Ездил я на днях, княже, по деревушкам близлежащим, так просто, развеяться. И заехал к одному своему старому знакомому. Лошадей он держит... М-м-м... — Ставр с любовью качнул головой. — Так вот, лошадки у него просто залюбуешься. Яблочка своего, кстати, я у него в свое время брал. Лошадки... М-м-м... — Ставр снова с любовью качал головой. — Глаз не нарадуется. И вот о чем я тогда подумал, точнее о ком. О тебе, княже, я и подумал. О

тебе, об отце твоём, о деде Ярославе и о том деде, что по материнской линии, о Византийском императоре, о Мономахе.

Владимир слушал Ставра, а сам пытался угадать, чем закончится его мысль.

— И что же, друже? — улыбнулся Мономах. — Разум, душа, сердце, кони, деды, — Мономах снова улыбнулся. — Не слишком ли много наплел в одну кучу-то? — не сдержал смех князь Владимир. — Или ты уже сегодня пообедал, вина или меду выпил? — рассмеялся Мономах.

— Нет, княже, не пил я вовсе. А говорю обо всем этом вот почему. Доброму князю да по большому счету и любому доброму человеку нужно иметь светлый разум, чистую душу и любящее сердце. Это да. Простому человеку, может быть, этого и хватит. А вот князю... Князь — это воин. Защитник своего Отечества. Так вот князю еще очень важно иметь доброго коня. Помнишь же, княже, как добрый конь в лихую годину выручает? Да и в бою умный и добрый конь полдела решает. А что о дедах твоих, отце твоём, да о тебе самом подумал, так это к тому, что корень в вас всех добрый. Стало быть, и сынки твои, юные княжичи, растут от доброго корня. Даст Бог, разум у них будет светлым, душа чистой, а сердце любящим. К этому и ты руку приложишь, да и дядьки-пестуны у них мудрые и уважаемые люди. Вырастут они хорошими князьями, а вот добрых коней у сынков твоих, княже, нет. Вот я у друга своего старинного и выпросил двух славных жеребят для старших сыновей твоих.

Владимир и Ставр встретились взглядами, у обоих блеснули слезы на глазах. Два храбрых воина, мудрый князь и воевода-богатырь, при разговоре о детях и о жеребятах для этих детей, глядя друг на друга, прослезились от умиления и уважения, которое они испытывают друг к другу. Мономах обнял Ставра.

— Спасибо тебе, друже! Уважил! Век не забуду. — Снова улыбнулся и похлопал ладонью по спине богатыря князь.

— Ну, да ладно тебе, княже, — смахнув скупую слезинку, сказал Ставр, — пойдем я тебе покажу этих красавцев.

Мономах и Ставр вышли во двор. Два верных конюха Ставра держали под уздцы двух кобылиц. Первая была просто огромного размера. Ее высота в холке была более двух метров, шея и грудь настолько мощные, что во всей княжеской конюшне не найти было хомута, если бы захотели запрячь ее в телегу. Для спины этой лошади седло было не нужно. На этой спине не то что сидеть — на ней лежать можно было. Надо было иметь растяжку в ногах, чтобы ездить на ней верхом. Такая кобылица сразу же напомнила Мономаху Яблочко самого Ставра. Воевода прочел по глазам восторг князя и, ничего не спрашивая у него, сказал Владимиру:

— Да, эта мамонтиха — сестра моего Яблочка. Хороша порода! — с восхищенным вздохом пояснил Ставр.

Конюх, который держал эту кобылицу, несмотря на свой высокий рост, рядом с лошастью казался карликом.

— А вот и первый красавец! — восторженно сказал Ставр.

Возле кобылицы крутился еще совсем маленький, пугливый, как показалось князю на первый взгляд, пушистый жеребенок. Цвет тела его переливался и менялся от холки к копытам. Спина была темно-бурой — такого же цвета, как и его мать. По бокам и на животе шерсть становилась светлее и из темно-бурого переходила в ржаво-рыжий, потом светлела и становилась светло-рыженькая с оттенком розового и немного оранжевого, далее цвет принимал молочно-белый окрас и потом вовсе белел, отдавая легким оттенком желтизны, ноги ближе к копытам и вовсе были белоснежными. На рыженьком лбу у жеребенка ярко горела белая звездочка.

— А!? Какой! — восхищенно вскрикнул Ставр. — Знакомся, княже, это Персик.

— Я смотрю, ты фрукты любишь! — засмеялся Мономах. — Своего коня назвал Яблочком, а этого Персиком, — продолжал смеяться князь.

— Да как же, княже!? — Весь растекся в блаженной улыбке и любовно пританцовывал вокруг кобылицы с жеребенком гигант-воевода, который в этот момент казался счастливее ребенка. — Разве это не Персик?! Смотри, какой рыженький, какой пушистенький, какой сладенький! Ух! Счастье души моей! Так бы и расцеловал! — Ставр попытался обнять жеребенка, но тот испугался, взвизгнул и отскочил в сторону.

— Смотри не съешь его, — засмеялся Мономах, — а то, ишь! Сладенький ведь!

— Не-е-ет! Княже, как можно! Я скорее врагов его съем, чем такую прелесть обижу! — Ставр любя похлопал кобылицу по груди и поцеловал в шею. — Ух! Прелесть! — опять восхищенно сказал воевода. — А это, княже, Воробушек! — все с той же любовной улыбкой продолжал Ставр, показывая второго жеребенка.

Мономах улыбнулся. Было видно, как он любит своего воеводу.

— Отчего же этот малыш стал Воробушком? — ласково поинтересовался князь. — Твои фруктовые пристрастия закончились, или такого серенького фрукта не пришло в голову? — смеялся Мономах.

— Вот же, княже, ты сам на свои вопросы и ответил, — улыбнувшись, сказал Ставр. — Серенький он, маленький, юркий, немного с хитрецей, и мать у него такая же. Вот поэтому я его и назвал Воробушком.

— А что же, друже, — обратился Мономах к Ставру, — один жеребенок от гигантской лошади и вырастет таким же гигантом, а другой вырастет маленьким воробушком. Почему не оба гиганты? Или у твоего друга перевелись такие крупные лошади?

— Нет, княже, слава Богу, не перевелись. Есть у него еще и кобылицы огромные, и жеребята от них. Да только я ведь коней не по размеру выбираю. Не на мясо же я тебе их привел. Я и начинал с того разговор, что у князя, у воина, должен быть добрый да умный конь. А уж размер имеет куда меньшее значение. Вот взять хотя бы Воробушка этого. Ты думаешь, я его зря из сотни других жеребят выбрал? Э-э-э... Нет, княже, обижаешь. Этот Воробушек многим великанам фору даст. Вот смотри. — Ставр приблизился ко второму жеребенку. — Воробушек, спи. — Жеребенок, как подкошенный, упал и притворился спящим. — Воробушек, встань. — Глядь, а маленькая серенькая лошадка вскочила, точно зайчик. — Воробушек, гуляй. — Тут же начал резвиться маленький озорник. — Воробушек, ко мне. — И возле Ставра, словно щенки, уже стоял жеребенок.

Все присутствующие не скрывали своего изумления.

— Ай да Ставр! Ай да друже! Вот так порадовал! Уважил так уважил! — выказал свой истинный восторг Мономах. — Так он и на охоте может послужить, — засмеялся князь. — Поразил стрелой утку или какую другую птицу, так и Воробушек твой помочь с дичью может. — А Персик что же у тебя не надрессирован? — продолжал ласково подшучивать над своим другом Мономах.

Ставр посмеялся вместе с князем.

— Шутки шутками, княже, а конь воину должен свою службу нести, а собаки охотнику должны по-своему служить. Персик такого не может. Верно ты это подметил. У него свои хорошие качества есть. Конь ведь как человек. Имеет свои сильные и слабые стороны. Один силен в этом, другой силен в том.

— Не серчай, друже, — ласково похлопал Мономах по плечу Ставра, — все ты правду говоришь, все с тобой согласен.

— Я, княже, — улыбнувшись, сказал Ставр, — в конюхи к тебе не собираюсь.

Мономах рассмеялся.

— А все же этих жеребят от чистого сердца сыновьям твоим привел. Бери, княже, не пожалеешь. А кому из сыновей ты Персика дашь, кому Воробушка, это уж сам решай, — ласково сказал Ставр.

— Возьму. Конечно возьму! — воскликнул Мономах. — И тебя, друг мой сердечный, с превеликим удовольствием за такие подарки щедро вознагражу.

— Ты ведь знаешь, княже, не из-за награды привел я их, не по службе сделал это, а из любви человеческой.

У Ставра и Мономаха снова заблестели слезы умиления на глазах. Воевода и князь, прошедшие плечом к плечу сотни невзгод, обнялись, как родные братья.

— Персика дам старшему сыну — Мстиславу. Он понапористее, да по открытию. Ну, а Воробушек Изяславу будет служить. Княжич, как и его новый четвероногий друг, озорник и непоседа. Уважь и ты меня, друже, — обратился Мономах к Ставру, — пойдем, отобедаешь со мной, да и я как следует отблагодарю тебя.

Мономах положил ладонь на плечо Ставра.

— Хорошенько поесть — это я за радость, — рассмеялся Ставр.

Мономах и воевода пошли в княжеский терем.

Поздно вечером, когда все гости ушли, а в доме все легли спать, и наступила тишина, князь Владимир Мономах лежал, смотрел на единственную горящую в крошечной темноте свечу и думал:

«Какой же он, Ставр... Богатырь, гроза всех, кто встанет у него на пути. В пылу битвы не то что всадника, но и вражеского коня-бедолагу разрубить пополам может. А закончится бой — и Ставр предстает совсем иным: добрым, веселым и даже немного озорным. Вся дружина считает его душой и сердцем своего коллектива. Но и не каждому из дружины видны его потаенные душевные грани. Те грани, на которых Ставр может умилиться и всплакнуть. Обнимать и целовать жеребят, с любовью называть их «Яблочко», «Персик», «Воробушек». Ни один враг ни за что не поверил бы, если бы ему рассказали настоящую, внутреннюю сущность этого сурового великана. Разве ляхи, которым за воровство чужого имущества воевода приказал отрубить руки по локти, поверили бы, что Ставра заботит чистая душа и любящее сердце? Поляки быстрее поверили бы, что этот огромный человек — людоед, чем в то, что он способен плакать. И этим Ставр, всего один человек, напомнил Мономаху целый народ, который раньше являлся восточнославянским племенем и живет, казалось бы, в своем суровом мире дремучих лесов. Ставр напомнил Владимиру вятичей. Этот народ тоже кажется суровым и опасным, но лишь на первый взгляд. Да, они суровы и опасны, но только для тех, кто их обижает, кто приходит с мечом на их Родную землю. А для людей, которые с заботой и любовью относятся к ним, вятичи оказываются совершенно иными. Они добры, гостеприимны и радушны. Они живут в любви и согласии с близкими им людьми.

Мономах вспомнил свой первый поход в Ростов. Тогда ему было 13 лет, и обо всем, что творилось за пределами его родного Переяславского княжества, Владимир узнавал со слов других людей или из книг. Своими глазами он еще ничего не видел, еще ничего не прочувствовал душой и сердцем. Сейчас Мономаху уже 32 года. Это еще не столь большой возраст. Но за плечами уже есть богатый жизненный опыт. Тысячи километров изъезженных дорог. Тысячи разных людей: одни друзья, другие враги, третьи и вовсе сегодня друзья, а уже завтра враги. Уже не было уголка на Руси, где князь Владимир Мономах не побывал лично. Он видел, знал и понимал всю необъятную Русь. А ведь Русская земля состоит из вятичей, древлян, полян, кривичей, радимичей и прочих восточнославянских племен. Племена эти, в свою очередь, состоят из Ставров, Лучезаров, Ратиборов, Владимиров, Всеволодов и тысяч других людей. Из крошечных песчинок складываются необъятные пустыни, из капелек воды появляются безбрежные моря и океаны, из неизмеримого числа растений вырастают леса, поля и луга. Все в мире создано из мельчайших крупиц, капель, травинки, отдельно взятых людей. Вся необъятная Русь кажется хмурой, дикой и суровой. Да. Но для кого она такой кажется? Для того, кто ее совсем не знает или не хочет познать. Для тех, кто хочет воевать, воровать, насиловать, жечь и убивать. Для них Русь действительно сурова, как суровы вятичи, как суров

в битве Ставр. Но стоит познать Русь, присмотреться к ней, как ты проникаешься к ней совершенно иными чувствами: любовью, лаской, заботой и преданностью. И Русь отплатит тебе тем же: будет чтить, как чтили испокон веков гостей на Руси, будет отзывчива и гостеприимна, как становятся отзывчивыми и гостеприимными вятичи к тем, кто с любовью к ним приходит. Русь так же обнимет и всплакнет с тобой, как это делает суровый Ставр. И вновь Мономах убедился, что любовь, забота, доброе отношение к одному только ближнему человеку может запустить цепную реакцию. Мир, любовь и забота распространятся по всей веси, деревне, во всем селе, по всему городу, княжеству, и, наконец, даст Бог, наступит такое время, что вся Русь будет жить в мире и любви. Тогда нападения никакого врага не будут страшны. А сама Русь ни на кого нападать не собирается. Она только защищает своих жен и дочерей, родителей, дома, села и города. — Мономах вздохнул. — Понимали бы это все люди. — Князь в очередной раз для себя решил, что положит все свои силы на алтарь мира, спокойствия и благополучия своего Отечества. — Даст Бог, и светлые времена настанут на Русской земле. В конце концов, добро всегда побеждает зло». С этими светлыми мыслями и уснул князь Владимир Всеволодович Мономах.

Целый год на Руси царили мир и спокойствие, Мономах уже забыл, когда такое бывало. Владимир занимался хозяйственными делами у себя в уделе, регулярно ездил к отцу в Киев. Основное же внимание князь уделял воспитанию пятерых своих сыновей. Мстиславу уже исполнилось десять лет. Мономах хорошо помнил, как его отправили на первое в жизни княжение, тогда Владимиру было 13 лет. Не за горами то время, когда его сыновья один за другим начнут улетать из родительского гнезда на самостоятельные княжения в разные города.

Осенью 1086 года половцы, вволю откормив за лето своих коней, смертоносной лавой двинулись к границам Руси.

Мономах вышел со своей дружиной к Переяславлю — излюбленному месту для нападения степняков. Однако хитрые хищники, опасаясь очередного разгрома от русских дружин, изменили маршрут. В этот год опустошительным нашествиям подверглись города и земли Киевского княжества. Разом запылала вся Киевская земля. Владимир Мономах взял своего младшего брата Ростислава и, объединив черниговскую и переяславскую дружины в кулак, бросился спасать города, села и деревни Киевского княжества от душегубов. От Переяславля князь Владимир пошел к Святославлю. Там, у стен этого небольшого городка, половцы были разбиты в пух и прах. Не теряя времени, от Святославля Мономах повел свое войско спасать другой небольшой городок Торческ. Вновь нападавшие кочевники потерпели сокрушительное поражение. Но отдохнуть и расслабиться князю с дружиной было некогда. Слишком большую испепеляющую половецкую лаву в этот раз изрыгнула из себя степь. После Торческа запылал Юрьев, и Мономах с войском бросился на помощь туда. На этот раз хищники не стали дожидаться неминуемой расправы и бросились бежать с награбленным добром еще до прихода Владимира. Примчавшись к Юрьеву и не обнаружив там врага, Мономах бросился за ними в погоню по кровавому следу. Вскоре он настиг грабительский отряд, и ни одного из степняков не осталось в живых. Пока Владимир Мономах расправлялся с врагами, погубившими Юрьев, другая шайка разбойников объявилась на реке Красне, у города Красна. Красн запылал, объятый языками пламени и едким черным дымом. Мономах, словно пожарный, бросился спасать этот городок. Половцам, которых застигли в предместьях города, пощады не было. Пока Владимир, как загнанный, всю осень метался из стороны в сторону по всему Киевскому княжеству, спасая то здесь, то там населенные пункты и людей, уцелевшие половецкие орды с награбленным добром двигались обратно в дикую степь. Владимир вместе со своим младшим братом Ростиславом настигли грабителей и душегубов у Варина. Половецкое войско было все истреблено. Тысячи плененных людей освободили братья, раздали им все добро, которое захватили тут же в половецких вежах. Только к зиме, измотанный, еле держась в седле, Мономах вернулся с дружиной в Чернигов. Одному Богу известно, сколько верст и дорог пришлось стре-

мительными бросками преодолеть за эту осень черниговскому князю и его дружине. Верный себе, князь Владимир Всеволодович Мономах, распустил свою дружину отдыхать по домам, а сам уже на следующий день поехал в Киев. Только через неделю, успокоив отца, Мономах вернулся домой к любящим и любимым жене и пятерым сыновьям.

Горькую чашу этого опустошительного половецкого нашествия на Руси испили сполна. Надвигалась зима, и жителям многих городов, сел, деревень и весей нужно было как можно скорее хоть как-то наладить свой быт до наступления трескучих морозов. Конечно же, это было практически невозможно. Многие тысячи невинных людей, чудом уцелевших во время этого губительного нашествия, были вынуждены день ото дня еще больше гибнуть в, казалось бы, мирное время. А что они, бедные и несчастные, могли поделать со столь губительной долей. Одним есть было нечего, и они умирали от голода, другие умирали от ран, полученных во время этого нашествия, третьим суждено было погибнуть с наступлением лютых морозов. Сначала они еще боролись за жизнь, потом у них отмерзали пальцы, потом руки и ноги. Так тысячи людей в нестерпимых мучениях заканчивали свой земной путь. Такова была суровая реальность жизни того времени.

1087 год проходил спокойно и мирно. Мономах ездил по обыкновению к отцу в Киев, выезжал на любимую охоту, занимался хозяйственными делами у себя в уделе. Чем взрослее становились его сыновья, тем больше времени старался проводить с ними отец. Владимир брал их с собой на охоту, давал различные поручения, беседовал, старался передать свой жизненный опыт.

Несмотря на опасения по всей Руси, особенно жителей приграничных с дикой степью княжеств, половцев вот уж год не было слышно. С конца лета Мономах усилил все приграничные сторожевые дозоры и приказал не сводить глаз с половецкой степи, а в случае малейшей опасности сразу же подать сигнал. Лето закончилось, проходила осень, а половцев странным образом все не было. Это было даже непривычно. То ли они еще не израсходовали богатую добычу, которую им удалось захватить в прошлом году, то ли черниговская и переяславская дружины во главе с братьями Владимиром и Ростиславом их так потрепали, что они до сих пор зализывают раны. Заканчивался октябрь, а половцы так и не появились в этом году.

Но без тревожных новостей все равно не обошлось. Из Владимира-Волынского к Мономаху прискакал гонец.

«Не напали половцы, так нападут поляки, или между собой князья вражду затеют», — подумал Мономах при виде гонца.

Давыд Игоревич и братья Ростиславичи, которые, как им наказал Мономах, зорко следили за границей с Польшей, сообщали, что в приграничных землях объявился мятежный беглец, князь Ярополк Изяславич. О возможной военной помощи со стороны поляков гонец ничего не сообщал. Уже утром Мономах умчался с этими новостями к отцу в Киев. Великий князь Всеволод Ярославич перепугался. С каждым годом старость беспощадно забирала у Всеволода и былую храбрость, и мужественность. Всеволод целиком и полностью полагался на своего старшего сына. Решили действовать немедленно и встречать Ярополка, а вместе с ним и возможное польское войско на русско-польской границе. Силы неприятеля были неизвестны. Всеволод передал Владимиру свою великокняжескую дружину и отправил гонцов к своему младшему сыну Ростиславу с требованием немедленно вести на помощь Владимиру переяславскую рать. Всеволод отправил гонцов на запад Руси к княжившим там Давыду Игоревичу и трем братьям Ростиславичам. Великий князь приказал им, чтобы при прибытии на Волынь Мономаха с объединенным русским войском все четыре приграничных князя сразу же во главе своих дружин усилили рать Владимира. Сбор войск был назначен под Владимиром-Волынским. Мономах умчался домой за своей дружиной. Через две недели киевская, черниговская и переяславские рати во главе с Мономахом, его младшим братом Ростиславом и двумя старшими сыновьями Мстиславом и Изяславом, которых отец взял в первый поход,

стояли у Владимира-Волынского. Там же к ним присоединился княживший в это время во Владимире-Волынском князь Давыд Игоревич. На следующий день свои войска привели три Ростиславича: Рюрик, Володарь и Василько. В ожидании вестей о неприятеле стояли неделю. Наконец прискакал гонец. Оказалось, что его отправил к Мономаху мятежный князь. Ярополк предлагал снова встретиться там же, где и 2 года назад, в приграничном селе Броды. Мономах отправил гонца обратно и сообщил Ярополку, что готов для переговоров. Когда черниговский князь ехал на встречу к смутьяну Ярополку, ему уже доложили, что Польша занята своими распрями и тамошним правителям не до походов на Русь. В других европейских странах ему также отказали в помощи, и теперь Ярополку некуда и не к кому податься. Он попросту остался у разбитого корыта. Мономах никакой победы не торжествовал. Ему было жаль своего взбалмошного двоюродного брата.

Владимир думал о Ярополке: «Вот чего он добился? Чего ему спокойно не сиделось во Владимире-Волынском? Хороший город, сам знаю не понаслышке, жил и правил там. Захотелось больше власти. Решил укунить ту руку, которая кормила. Ну, попытался укунить. Вернее, только так, лязгнул зубами. Чего хотел добиться? Привести ляхов на Русь? Снова жертвы, снова пожары, снова мучения, душераздирающие вопли, проклятья и стенания. Хищнику хотел уподобиться? Нет уж. Хватит с нас Всеслава полоцкого да вездесущих половцев. Где сел, там и слез. Зубами-то лязгнул, да только свой же язык и прикусил. Владимира-Волынского лишился, мать, жену, детей, дружину, имущество — все забрали. Что дальше?»

А дальше. Дальше были сцены в исполнении одного актера, и этим актером был Ярополк. Смутьян просил прощения и у двоюродного брата Владимира Мономаха, и у своего дяди, великого князя Всеволода Ярославича. Он клялся в вечном мире и в вечной любви, обеими руками посыпал голову пеплом, готов был на любые условия, даже жить по соседству с кем угодно и где угодно, лишь бы его простили.

— Будет тебе, брат, — спокойно обратился к Ярополку Мономах. — Отцы наши прощали друг друга, и мы с тобой простим друг друга. Что же касается моего отца, то за него не переживай, он давно уже простил тебя. Поезжай обратно во Владимир-Волынский и правь там спокойно. Давыда я снова переведу в Дорогобуж. Отец отправит к тебе мать, жену, дружину и все имущество, которое у тебя взяли. Нам чужого не надо. Правь по совести и по справедливости. Живи в мире и любви с Давыдом, с братьями Ростиславичами, с моим отцом и братом, со мной, да и со всей Русской землей.

Ярополк клятвенно обещал все исполнить. Оттуда, из приграничного села Броды, двоюродные братья поехали вместе во Владимир-Волынский. Мономах объявил о мире и о любви с братом ко всеобщему удовольствию. Кислую мину соорудил только князь Давыд Игоревич, которому пришлось из стольного Владимира-Волынского вернуться в меньший город Дорогобуж. Но хитрый Давыд не показал своего недовольства и покорно выполнил волю Владимира. Трех братьев Ростиславичей Мономах отпустил по домам, а сам с братом и сыновьями повел войско обратно.

Сначала дружины всех князей зашли в Киев, а уже там разделились. Два сына и два старших внука отдохнули несколько дней в Киеве, обсудили мирно закончившийся конфликт и потом разъехались: Ростислав повел свою дружину к себе в Переяславль, а в Чернигове заплаканная Гита встречала уже не только мужа, но и двоих своих сыновей из первого боевого похода. Не успела вся семья черниговского князя воссоединиться, как примчался гонец из Киева на взмыленной лошади и срочно вызвал Мономаха обратно к отцу. Было ясно, что случилось что-то серьезное и неожиданное. Наутро Мономах умчался в Киев, но теперь он был не один. Отец круто взялся за закалку своих старших сыновей, и поэтому Мстислав и Изяслав скакали рядом с ним. К вечеру, как и всегда, уже были в Киеве.

Всеволод рассказал сыну и двум внукам, что тревожные вести пришли снова с Волыни. В голове у Мономаха промелькнула мысль, что Ярополк каким-то образом обманул его: или

прогнал с княжения Давыда и Ростиславичей, или все-таки привел ляхов на Русь. Мономах непроизвольно сжал кулак и стукнул по дубовому столу так, что кубок на нем чуть подпрыгнул и упал на пол.

— Да, сын мой, так и я сначала подумал, — обратился Всеволод к Владимиру, поняв причину гнева своего сына, — думаю, перехитрил злосчастный. Ан нет. Оказалось, что не злосчастный, а несчастный. Ярополк убит. 22 ноября он ехал, лежа на телеге, внезапно к нему подскочил его же дружинник по имени Нерадец и пронзил мечом грудь своему князю. Опрошить убийцу не удалось. В суматохе случившегося он сбежал. Говорят, что поскакал в Перемышль к старшему из Ростиславичей, Рюрику.

Всеволод и Владимир посоветовались и решили обратно из Дорогобужа перевести во Владимир-Волынский князя Давыда Игоревича. С решением отправили гонцов в Дорогобуж и Владимир-Волынский. На следующий день Мономах, Мстислав и Изяслав простились с великим князем Всеволодом Ярославичем и поехали в Чернигов. Там их уже ждалась всеми любимая жена и мать.

Когда Владимир находился дома, он каждый день уделял время воспитанию сыновей. Любящий отец совмещал беседы на житейские темы, в которых старался передать свой опыт, с беседами на темы из библии или из книг, написанных священнослужителями.

Князь специально для своих детей и для всей Русской земли напишет свое знаменитое «Поучение», в первых строках которого читаем: «Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не лениться будет, но трудиться».

Позднее сам Владимир Мономах запишет в своем «Поучении» все, что говорил сыновьям, когда растил их:

«... Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие...»

«... Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: "Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свирепствовать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет..."»

«... Иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи...»

«... Поистине, дети мои, разумеете, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью, и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, нетяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться...»

«... Бога ради, не ленитесь, молю вас...»

«... Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: "Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй". И в церкви то делайте, и ложась...»

«... Если и на коне едучи, не будет у вас никакого дела, и если других молитв не умеете сказать, то "Господи помилуй" взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя...»

«...Более всего убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен в смерти, то не губите никакой души.

Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что Ты нам дал, не наше, но Твое, поручил нам это на малое время.

Старых чтите, как отца, а молодых — как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим.

На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами снаряжайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает.

Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, оттого ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинять вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, то пищей и питьем. Больного навестите, покойника проводите, ибо мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего...»

«...Что умеете хорошо, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные...»

«...Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на бирючей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах, и о ястребах заботился...»

«...Также и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным...»

«...Постарайтесь на всякие добрые дела, славя Бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но есть и хорошее дело — остерегаться самому, но Божие сбережение лучше человеческого...»

После трагической гибели владимиристо-волинского князя Ярополка в землях западной Руси оставались править четыре молодых и своенравных князя: Давыд Игоревич и три брата Ростиславича. Великий князь Всеволод Ярославич знал вольный и амбициозный характер каждого из них и поэтому не испытывал уверенности в их надежности. Как считал Всеволод, меньшее, что эти князья могут сотворить, — это передрались между собой. А вот больше всего беспокоило Всеволода, что кто-то из них, или они все вместе, могут сдружиться с поляками

и привести ляхов на Русь. Надо было отправить в западные земли кого-то более спокойного и более надежного, чем эта четверка. Только вот кого отправить?

Выбор невелик. На враждебно настроенного Олега вовсе нельзя положиться, ведь он еще хуже тех четверых вместе взятых. Оба сына нужны были великому князю рядом с собой, и поэтому он не перемещал их из Чернигова и Переяславля. Оставался только один племянник, Святополк Изяславич, который в это время правил в Новгороде. Делать нечего. Надо перевести Святополка на западные границы Руси, пусть присматривает и за четырьмя взбалмошными молодыми князьями, и за всей русско-польской границей. Решено. Святополк Изяславич переходит из Новгорода в Туров.

Но как же быть с Новгородом? Его ни в коем случае нельзя оставлять без верного присмотра. Вольности и самоуправия новгородцев известны с древних времен: они в свое время и с Ярославом Мудрым конфликтовали, да недавно и князя Глеба Святославича попросту выгнали из города. В Новгороде нужен свой человек, который крепким, но в то же время мудрым правлением будет держать своевольных новгородцев в повиновении. Только где взять-то такого человека? Сын Владимир прекрасно бы справился с этой задачей, но он не только самому Всеволоду нужен, а всей Руси, его никак нельзя отправлять в Новгород. Что делать? Вот это задача так задача. Всеволод вызвал на совет Мономах. Владимир примчался с двумя старшими сыновьями, Мстиславом и Изяславом. Решение проблемы появилось в голове у Всеволода само собой. Раз отец берет сыновей с собой в походы, призывает их на советы, значит все, они готовы. Пора. Пора старшему сыну князя Владимира Мономаха, Мстиславу, покинуть родительский дом и отправляться на самостоятельное княжение. Будущий правитель Новгорода нашелся сам собой.

Всеволод радушно встретил сына и внуков. Сразу к делу не перешел. Начал расспрашивать про дела в Чернигове, про Гиту, про младших сыновей, про охоту. Мономах почувствовал что-то неладное. За все эти годы он прекрасно изучил отца. Сейчас отец что-то темнит. Ходит вокруг да около, а к делу подступить никак не может. Мономах думал: «В чем может быть дело?» Всеволод беседовал с внуками. Вдруг в глаза Владимира явно бросилось, что сейчас при всей любви Всеволода к своим внукам он слишком много общается со старшим Мстиславом. Расспрашивает его обо всем, внимательно выслушивает, пока Мстислав отвечает деду, тот, в свою очередь, будто где-то летает и одновременно тщательно взвешивает каждое слово внука. Мономах все понял. Вернее, он понял, что Всеволод решил отправить на самостоятельное княжение Мстислава. Оставалось узнать, в какой именно город. К этому времени в непрерывных походах Мономах изучил всю Русь как свои пять пальцев. У Владимира закипели мысли в голове. Он не сводил глаз с отца и сына, внимательно вслушивался в каждое слово, а сам в это же время парил далеко-далеко. То у него перед глазами вставал Ростов и собственное первое княжение, то вспоминал свой первый поход на Минск, когда он протестовал против решения Изяслава и Святослава Ярославичей брать город приступом. Города, походы, битвы — эти мысли были какие-то грубые и громкие. И вдруг, совершенно неожиданно для себя, Владимир вспомнил свою любимую Гиту. Он представил, каково будет сообщить ей, что их первенец покидает родительское гнездышко. Ему, Владимиру, скоро предстоит это сказать любимой Гите. Той, которую он обещал оберегать от всех горечей и невзгод. Теперь ему же самому придется нанести сокрушительный удар по любящему материнскому сердцу. У Мономаха потекли слезы из глаз. Ему было жалко своего двенадцатилетнего сына, который должен отправиться из любящего родительского дома в неизвестную бездну. Бездну, переполненную коварством, предательствами, изменами, где все перемешано с кровью, слезами и страданиями. «Мой любимый сынок, долгожданный первенец мой, Мстислав, — думал Мономах. — Тебе исполнилось всего 12 лет, и вот тебя несут, как агнца, на заклание. — Владимир вытер слезы, попытался взять себя в руки и взбодриться, но теперь уже мысли о Гите разрывали его сердце. — «Ладно я, отец, мужчина, воин, а каково это хрупкой женщине, круглой сироте,

отпустить своего сына в неизвестность. Ее отец погиб, мать погибла, два брата тоже погибли. У нее не было никого. И вот теперь, когда она только обрела семью и любовь, ей надо часть этой семьи добровольно отправить из-под родительского крыла в объятия опасной неизвестности. Да и не просто часть семьи, а своего первенца. Того, которого она так долго ждала и рожала в муках. Того, к кому, несмотря на любовь ко всем детям, Гита испытывала какие-то особенные чувства. — Мономах не вытерпел. Эти мысли разрывали ему душу и сердце. Он встал, отошел в сторону и отвернулся. — Походы, погони, битвы, ссоры и примирения, — продолжал думать Владимир. — В этих нескончаемых походах я и не заметил, как вырос мой сын. Да, я уделял время на воспитание. Но как много мы упустили из-за моего постоянного отсутствия. Как много я мог бы дать своему сыну знаний, навыков, отцовской любви. Как много сын мог бы дать мне своей нежности и ласки». — Мономах снова вытер слезы.

Всеволод заметил переживания сына и, отправив гулять внуков, обратился к Владимиру:

— Да, сын мой любимый. Да... ты все правильно понял. Что поделаешь. Пришло время. Время неумолимо летит, течет, как песок сквозь пальцы. И вот уже пора твоему сыну вставать на защиту Отечества. Судьба у нас такая. Это наш долг. Защита слабого — удел сильного. Не печалься, сын мой. Когда-то я получил свое первое княжение, а когда-то и ты. Я помню тот день, как провожал тебя тринадцатилетним юношей в далекий Ростов. Тебе нужно было пройти сквозь землю вятичей, а это уже сродни подвигу. И вот теперь ты, князь Владимир Мономах, защитник, единоборец, гордость, надежда и опора не только для меня, отца, но и для всей Русской земли. Придет время, и твой сын, князь Мстислав Владимирович, прославит и тебя, и весь наш род, и всю Русь.

Всеволод Ярославич обнял сына. У старого князя так же, как и у Владимира, текли слезы. Но выбора не было. Во имя мира, спокойствия и тишины на Руси приходилось жертвовать. Сегодня этой жертвой стал внук и сын, двенадцатилетний князь Мстислав Владимирович.

Обсудив все детали, великий князь Всеволод Ярославич и черниговский князь Владимир Мономах объявили Мстиславу свое решение. На другой день Мономах и его сыновья уехали в Чернигов.

Владимир всю дорогу был хмур и молчалив. Предстоял тяжелый разговор с женой. Нужно было подготовить сына в дорогу. Отец попросил сына Мстислава не говорить матери о своем переезде, пока он сам не поговорит с ней.

На другой день убитая горем Гита не сводила с Мстислава своих красных и опухших от бессонной ночи глаз. За эту ночь Гита изменилась: у нее беспощадно оторвали часть души, вонзили нож в материнское сердце. Уголек веселых и жизнерадостных глаз потускнел. Она как-то осунулась. Казалось, что мать не может налюбоваться сыном. Мономах был хмур и задумчив. Он никак не мог отпустить своего двенадцатилетнего сына одного в Новгород. Своенравные новгородские бояре, как акулы, попросту сожрут юного князя. С Мстиславом нужно было отправить дружину, которая сможет поставить на место ретивых новгородцев и защитить от возможных нападений беспокойного соседа Всеслава полоцкого. Одной силой в Новгороде не обойтись. Этот город разительно отличался от всей остальной Руси. Там сильна была власть новгородского вече. А это значит, что нужны ум, прозорливость, мудрость и смекалка. Надо общаться с людьми, принимать решения, при необходимости спорить и отстаивать свою точку зрения на крикливом и изворотливом вече. Тут меньше мечом, а больше головой действовать надо.

Мономах ходил из стороны в сторону, молчал, хмурился, обдумывал тяжелые решения. Наконец князь решил. С сыном Мстиславом в Новгород уезжает Лучезар. Воевода будет правой рукою юного князя. Лучезар из всех близких Мономаху людей был самым разносторонним. Он и шею кому надо мог свернуть, и поговорить, и рассудить по совести и справедливости. Как бы тяжело ни было от расставания, все-таки больше двадцати лет душа в душу прожили Мономах и Лучезар. Тем не менее, сыну Мстиславу опытный Лучезар сейчас нужнее.

В июне 1088 года юный князь Мстислав во главе отборной дружины и в сопровождении старого и верного соратника отца Лучезара двинулся в Новгород.

И сразу в доме Владимира и Гиты стало как-то тихо и грустно. Казалось бы, в доме еще четверо сыновей, а все равно чего-то не хватало. Тревожно и тоскливо было на душе у родителей. Мономах пытался отвлечь себя охотой. Гита писала вдогонку сыну нежные письма.

Весь год выдался спокойным и тихим. Половцы не тревожили границы, внутри самой Руси князья не обижали друг друга. Жизнь текла спокойно и размерено. Мономах, по обыкновению, постоянно ездил к отцу, занимался хозяйственными делами у себя в Черниговском княжестве, вел активную переписку с Мстиславом и Лучезаром.

Главным событием 1089 года стало освящение в Киеве каменной Успенской церкви Печорского монастыря, которую строили с 1073 года. Строительство этой церкви начинал лично правивший тогда великий князь Святослав Ярославич. А при его младшем брате Всеволоде Ярославиче строительство успешно закончилось. При большом скоплении счастливых людей, в торжественной обстановке, под руководством игумена Иоанна состоялось торжественное освящение белокаменной красивой и величественной церкви. Святослав, а после него и Всеволод, не жалел денег на ее строительство. К работе привлекли лучших мастера. Внутренняя роспись церкви и мозаика выполнялись византийскими художниками. Все присутствующие были поражены красотой и реалистичностью внутренних убранств. В глазах самого великого князя Всеволода Ярославича эта каменная церковь, а не одна из многих деревянных, символизировала надежность и нерушимость его правления.

На деле же надежность и нерушимость правления все больше и больше перекладывалась на плечи Владимира Мономаха. Постоянные стрессы и напряжения стремительно подтачивали здоровье и силы великого князя. Всеволод стал заметно дряхлеть, все чаще болел и уже мало чем занимался. К ежемесячным поездкам в Киев Мономах уже привык, но теперь пребывание затягивалось. Порой в сложные времена Владимир проводил там времени больше, чем в Чернигове, — иногда месяц и даже больше. Все вопросы целиком и полностью от великого князя перенаправлялись к его старшему сыну. Мономах уставал от постоянных скачек, приходилось разрываться между Киевом и Черниговом, но князь мужественно переносил все тяготы и невзгоды.

По всей Руси стали заметно проявляться изменения в правлении. На смену робкому и слабохарактерному Всеволоду пришел смелый, храбрый, мужественный и решительный Мономах. Удельные князья это быстро поняли и попритихли. Они боялись устраивать между собой стычки, дабы не накликать на себя поход Мономаха. К счастью, в эти годы и половцы не тревожили границы русских княжеств. Уже прошло около трех лет с того момента, как на Руси от имени своего отца фактически правил князь Владимир Мономах. Результаты его правления были ощутимы даже простому смерду в самой отдаленной деревушке на Русской земле. Люди стали уверенны в завтрашнем дне, ушел постоянный страх за жизнь и имущество. Энергичный, храбрый, стойкий, волевой, любящий всех и всеми любимый князь добился тишины и спокойствия на Руси. Но, как это часто бывает в жизни людей, на смену светлой полосе приходит темная, а иногда и непроглядно черная. Такая же черная полоса подкралась и к жизни всей Русской земли.

К 1092 году в дикой степи десятки небольших половецких орд объединились в две огромные смертоносные лавины. Первую возглавлял хан Шарукан, а вторую хан Боняк. Летом 1092 года ханы Шарукан и Боняк во главе своих бесчисленных полчищ подошли к границам Руси. Одновременно сотни разорительных половецких отрядов выплеснула степь на территории Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств. Десятки городов, сотни сел, тысячи деревень и весей вспыхнули в один миг. Русь содрогнулась от такого звериного прыжка из преисподней. Никто не знал, куда бежать, кого бить, кого спасать, где тушить. Казалось, что ад воцарился на земле. Вулканов в тех краях нет, и нечему извергаться. Но те пожары, те пепе-

лица, те зверства, ужасы и кошмары, что пришли на Русскую землю вместе с Шаруканом и Боняком, превосходили даже извержения вулкана. Вулкан — он что? Долгие годы молчит, спит, потом внезапно выплескивает лаву, испепеляет все вокруг, не оставив ничего живого, а потом тишина. А половцы, те хуже вулкана. Они также жгут, также испепеляют, только в отличие от мгновенно действующих вулканов, половцы рубят людей саблями, калечат, насиловуют, душат арканами, отца или мать закрывают в доме и поджигают, а детей заставляют на это смотреть. Они угоняют скот, сжигают хлеба, обрекают тысячи людей на медленную, мучительную, голодную и холодную смерть. Десятки тысяч людей погибли, десятки тысяч людей увели в плен, чтобы потом продать на работоторговом рынке, десятки тысяч людей не переживут ближайшую зиму. Половцы хуже всех существующих вулканов. В тот год в считанную неделю добрая половина Руси оказалась в руинах. Никто ничего не успел сделать. Никому не успели помочь. Как одновременно помогать в десятках мест? Как одновременно тушить сотни пожаров и при этом умудриться не быть разрубленным половецкой саблей, стоя с ведром воды в руках? Как разорваться на сто частей, подобно разрывающемуся от страданий сердцу? На Руси ранее случались опустошительные набеги, но они носили локальный характер. То нападут на какой-то город, то максимум — на какое-то одно княжество. Но такого стремительного нападения по всей приграничной полосе еще не было. Половцы ушли обратно в дикую степь также стремительно, как и вышли из нее. Их пребывание на Руси было недолгим, но память о нем сохранилась в веках.

Столь ужасный половецкий набег погрузил всю Русь в печаль и уныние. Но оказалось, что это еще не все содержимое горькой чаши, которую суждено испить русскому народу в этом году. Осенью 1092 года в Западной Европе стремительно распространялась доселе неведомая смертоносная эпидемия, которую называли Антоновым огнем. Причиной заболевания был ядовитый грибок спорынья, который поражал семена ржи и пшеницы. Из симптомов выделялись тяжелые отравления и галлюцинации. Заразившийся будто обугливался заживо от стремительно развивавшейся гангрены. Лекарства от этой болезни в то время не было. Заболевшие были обречены на смерть в страшных мучениях. В Полоцке только за полтора месяца от Антонова огня умерло более семи тысяч человек, что составляло одну третью часть всего населения города. Отчаянию людей не было предела. Они не знали, что делать. Когда эпидемия поражала кого-то в семье, остальные родственники ничем не могли помочь, облегчить страдания больного. Человек сгорал на глазах у семьи. Гангрена стремительно пожирала одну часть тела за другой. Еще вечером тело человека имело нормальный вид, а утром, родственники могли обнаружить почерневшего от гангрены больного. Скоро уже по всему городу не успевали хоронить обугленные тела людей. Трупы лежали на улицах города. В некоторых домах вымирали целые семьи и так оставались лежать внутри. В ужасе жители стали покидать дома, убегали из города и прятались в лесах. Но там их поджидали уже другие беды: голод и декабрьский мороз. Припасов могли унести немного, а возвращаться в город боялись. В промерзшей декабрьской земле, корягами и руками, сбивая пальцы в кровь, пытались вырубить себе землянку и в ней укрыться от лютого мороза. Люди оказывались перед выбором, как умереть: вернуться в город, заразиться неведомой болезнью и заживо сгореть за несколько дней или оставаться в лесах, бороться с голодом, есть кору и корни деревьев, жевать ветки, пытаясь хоть как-то насытиться.

Эпидемия стремительно распространялась по всей Руси. В Перемышле от этой болезни умер старший из трех братьев Ростиславичей, Рюрик.

В Чернигове Антоновым огнем заболел Владимир Мономах. Сперва князя взялся лечить некий армянин. Но все было тщетно. Болезнь прогрессировала. Уже при смерти Мономах отправил Ратибора в Печерский монастырь к игумену Иоанну, чтобы он упросил прийти к князю лекаря Агапита. Агапит славился на всю Русь как искусный целитель, который спасает безнадежно больных людей и не покидает стен своей обители. Игумен Печерского монастыря Иоанн, зная доброе сердце Мономаха, призвал к себе Агапита и стал просить инок пойти в

Чернигов, чтобы исцелить князя. Агапит на отрез отказался: «Если к князю иду, то и ко всем иду; не быть тому, чтобы я ради славы человеческой вышел за монастырские ворота и нарушил обет свой, который дал пред Богом, чтобы быть мне в монастыре до последнего издыхания. Если же изгонишь меня, пойду в иную землю и возвращусь потом, когда минует сия напасть».

Ратибор, видя, что Агапит отказывается идти с ним в Чернигов, пал ниц пред старцем. Слезы полились ручьем у воеводы.

— Христа ради, отче, молю тебя, помоги рабу Божьему Василию, благоверному князю Владимиру Мономаху. Один он у нас на Руси защита и надежда. Если не станет князя нашего, некому будет защищать Русскую землю. Никто не будет люд простой оберегать от насилия сильных и власть имущих. Некому будет утешить вдов и сирот по всей нашей многострадальной земле. Молю тебя, отче, помоги! Не за себя молю, не за князя, а за всю Русь!

Седой, коренастый, широкоплечий, весь в шрамах былых сражений, воевода плакал навзрыд. Более двадцати пяти лет Ратибор и Мономах изо дня в день, из года в год прожили вместе. Чего только не было за эти годы. В голод они делили последнюю черствую горбушку хлеба; лежа на сырой земле, в холод накрывались одной накидкой. Сотни битв у них было позади, много раз в бою Ратибор спасал жизнь своему князю, а князь никогда не оставался в долгу и в минуты опасности не раз прикрывал своей грудью Ратибора. Воевода знал чистую душу своего князя, знал его преисполненное бесконечной любовью доброе сердце. Много раз он видел, как Мономах проливает слезы, пытаясь разделить горести и страдания сирых и убогих во всех уголках Руси. Сейчас этот исполин земли Русской беспомощно лежит на смертном одре. Всю свою сознательную жизнь он положил во благо Руси. Все свои физические, моральные и духовные силы без остатка он отдал в помощь Русской земле. Теперь он сам нуждался в помощи. И никто не мог ему эту помощь оказать. Только молитва и вера в Бога. Ратибор вытер дряхлеющие морщинистые щеки, проглотил горькие слезы.

— Хорошо, отче, если такой у тебя обет, если ты не можешь покидать стены своей обители, не ходи со мной. Но ты все равно можешь помочь. Дай снадобье, сделанное твоими руками для больного, и помолись Господу Богу об исцелении благоверного князя Владимира, в крещении Василия.

— Хорошо, — спокойно ответил Агапит. — Это можно. И снадобье для князя сделаю, и молиться буду об исцелении самого князя и об избавлении всей Русской земли от этой напасти.

Старец дал Ратибору снадобье для Мономаха и благословил его. Богатырь не помнил, чтобы быстрее, чем сейчас, он куда-то мчался. Воевода гнал лошадей во весь опор, как только конь уставал, он сразу пересаживался на другого и снова летел. Летел быстрее стрелы, быстрее сокола. Ратибор мчался во весь дух, а сам приговаривал:

— Только бы успеть! Только бы успеть! Держись, княже! Ты борец! Борись! Ты вытерпишь! Ты выкарабкаешься! Ты сильный! Не сдавайся! Не поддавайся костлявой! Я уже скоро! Я совсем рядом! Держись, княже! Да пошлет Господь Бог силы всей Русской земли тебе в помощь!

На взмыленном коне Ратибор влетел на княжеский двор. Бережно придерживая узелок со снадобьем, воевода выбил плечом дверь и ворвался в княжеские покои.

Ратибор не поверил своим глазам... Кругом полумрак. Все в черном. Повсюду горят свечи и стоят иконы. У кровати Мономаха в истерике бьется, как маленькая птичка в западне, Гита. Дети Владимира обступили отца, сидят на коленях и рыдают. Лицо князя, всегда, будто кровь с молоком, пышущее здоровьем, приняло желтовато-бледный цвет. Щеки и глаза впали. Кожа на лбу натянулась. Мономах лежал с открытым ртом. Дыхания не было видно.

Холодный пот прошиб Ратибора.

— Неужели не успел... Неужели я подвел тебя, княже... Неужто я не был при тебе при твоём последнем вздохе... — Слезы ручьем полились в седую бороду воеводы. — Нет! Не верю! Этого не может быть! Он борец! Он не мог сдаться!

Ратибор грубо растолкал всех присутствующих, подошел к Мономаху, пал пред своим любимым князем на колени.

— Погодите! Он дышит! Он живой! Так что ж вы грех на душу берете и загодя его хороните! Не бывать этому! Князь будет жить!

Ратибор с сыновьями Владимира аккуратно с ложечки влил снадобье в рот князю. Мономах немного поперхнулся. Несколько раз покашлял. Вздогнул, все тело его вытянулось в струну. Через несколько секунд тело князя стало потихоньку расслабляться, дыхание стало более заметным. Мономах уснул. У его кровати остались жена, дети и Ратибор. Князь проспал до обеда следующего дня. В обед солнечный лучик попал на лицо князя, и он проснулся. Взгляд его прояснился. Он посмотрел по сторонам. Потом чуть заметно улыбнулся и спросил:

— А вы сегодня ели? Что-то я проголодался.

На мгновение все опешили и застыли недвижимо. Первая опомнилась Гита, она вскочила и снова упала — у нее затекли ноги, пока она сидела недвижимо у постели мужа. Мономах опять чуть заметно улыбнулся и сказал любимой жене:

— Осторожнее, ласточка, не разбейся.

Радостный Ратибор вскочил, не ощущая земли под ногами.

— Сейчас! Сейчас, княже, все будет! Я тебе целого быка сюда принесу.

— Спасибо тебе, друже, — слабым голосом, чуть заметно улыбнувшись, сказал Мономах.

— Быка не надо, супчика бы какого-нибудь наваристого.

Ратибор со слезами радости на глазах убежал поторапливать с едой.

Владимир Мономах выздоровел и потом приехал в Печерский монастырь, чтобы лично отблагодарить старца Агапита за свое исцеление. Не желая мирской славы, Агапит скрылся от князя. Мономах послал Ратибора с богатыми дарами благодарить инок. Летописец передает нам ответ Агапита Ратибору: «О, чадо! Никогда и ни от кого ничего я не брал — неужели теперь погублю дар свой ради золота?! Пославшему же тебя скажи: "Все, что ты имел, было чужое; отходя из этого мира, ничего не сможешь взять с собою. Ныне же раздай все, что имеешь, нуждающимся, ибо для этого избавил тебя Господь от смерти; сам же я ничем бы тебе не помог"».

Мономах выполнил то, что ему велел старец Агапит, и раздал все свое имущество нищим.

Великий князь Всеволод Ярославич был уже совсем слаб, но все же ему удалось убедить Владимира отправить его второго сына Изяслава на княжение в Курск.

Сыновья Мономаха подрастали и стали один за другим разлетаться из родительского гнезда кто куда на самостоятельные княжения. Уже пятый год Мстислав правил в Новгороде. Теперь пришло время второму сыну Изяславу, которому уже исполнилось 15 лет, сделать шаг во взрослую жизнь. Зная крутой и вспыльчивый нрав своего сына, Мономах решил отправить с ним Ставра. Тяжело было оторвать от своего сердца старого преданного друга, но в чужой земле, среди чужих людей сыну нужен был присмотр, мудрый совет и военная помощь. Ставр ни с кем не церемонился. Ему не составит труда сбить спесь с любого. Не полезет он за словом в карман, если молодой князь Изяслав будет неправ. Само собой, Мономах выделил сыну сильную дружину и снабдил всем необходимым для обустройства на новом месте. Получив благословления от отца и матери, князь Изяслав вместе с верным отцовским воеводой Ставром двинулся обживать Курск.

Проводив на самостоятельное княжение своего второго сына Изяслава, Мономах вернулся в Киев. Всеволод Ярославич угасал с каждым днем. В начале апреля, видя, что отец совсем слаб, Мономах отправил гонцов в Переяславль за своим младшим братом Ростиславом.

Уходила целая эпоха. Братья Ярославичи после своего отца, Ярослава Мудрого, правили почти сорок лет.

Последние пятнадцать лет великим князем был Всеволод Ярославич, а фактическим соправителем своего отца был его надежда и опора — старший сын Владимир Мономах. За эти 15 лет Мономах только из Чернигова в Киев к отцу ездил около ста раз. И не просто ездил, а преодолевал это расстояние, составляющее около 140 километров, за один только день. Утром Мономах выезжал из Чернигова, а уже к вечеру был в Киеве. И так на протяжении 15 лет. В лютые зимние морозы, в весеннюю и осеннюю распутицу, проливной дождь, метель, град, невыносимую летнюю жару Мономах раз за разом мчался на помощь отцу, преодолевая любые преграды. Кто из нас сядет на коня и с утра до вечера проскачет 140 километров, повторит этот путь в январские морозы, а потом так же в июльскую жару? Много найдется таких людей? Таких, как Мономах, сильных духом и сильных волей. За эти сто поездок князь Владимир Мономах преодолел 14000 километров. Радиус планеты Земля составляет 6378 километров. Материк Евразия — крупнейший на Земле. Он раскинулся с запада на восток на 16000 километров. Князь Владимир Мономах мог проскакать от самой западной точки этого материка, находящейся в Португалии и омываемой Атлантическим океаном, до самой восточной точки материка, которая находится в России и омывается Тихим океаном менее чем за четыре месяца.

Великий князь Всеволод Ярославич в окружении своих сыновей сделал последний вдох 13 апреля 1093 года и тихо умер. Мономах сидел рядом и думал: «Что будет дальше?».

Во всей Руси не было человека, который бы не знал доброго и смелого защитника земли Русской, князя Владимира Всеволодовича Мономаха. Ему исполнилось 40 лет. В летописи сохранилось его описание: «Лицом был красен (красив), очи велики, власы рыжеваты и кудрявы, чело высоко, борода широкая, ростом не вельми велик, но крепкий телом и силен вельми. В воинстве вельми храбр и хитр ко устроению войск». Мономах находился в самом расцвете личной и политической жизни. О его добрых делах уже тогда слагали легенды. Его дружина была закаленной в постоянных походах и битвах, сильнее ее во всей Руси никого в тот момент не было. Князь Владимир Мономах совершенно легко мог стать великим князем. Жители его любили и ценили. Другие князья уважали и боялись. Никто не мог помешать Владимиру Всеволодовичу Мономаху в этот момент занять «золотой» киевский стол. Никто кроме самого Мономаха.

Согласно давней традиции великокняжеский престол должен был занимать старший в роде. Двоюродные братья Мономаха, князья Святополк Изяславич и братья Олег и Давыд Святославичи, по возрасту были старше Владимира, их отцы, Изяслав и Святослав Ярославичи, также были старше отца Владимира Мономаха и занимали великокняжеский престол раньше Всеволода Ярославича. Верный себе и своей совести, Мономах не нарушил давней традиции и, отправив гонца к князю Святополку Изяславичу, добровольно уступил великокняжеский престол.

На следующий день под нескончаемый плач сыновей, жены, дочерей и всех жителей Киева, как и завещал почти полвека назад Ярослав Мудрый, его младший и самый любимый сын, Всеволод Ярославич, был похоронен рядом со своим отцом в киевском соборе Святой Софии.

Стоя над могилой отца, Мономах думал: «Что возьмешь с собой в жизнь вечную? То, что пережил, осмыслил, на что надеялся и о чем молился... Что за всю жизнь в душе накопил, то и твое...»

Сыновья Всеволода Ярославича разъехались по своим городам: Владимир в Чернигов, а Ростислав в Переяславль.

Глава 4. Двоюродный брат

24 апреля 1093 года киевляне встречали великого князя Святополка Изяславича. Началась новая эпоха.

Не успел Святополк обустроиться в Киеве, как к нему явились половецкие послы. Со смертью предыдущего великого князя половцы считали себя свободными от обещания хранить мир с Русью и отправляли послов к новому великому князю для заключения мира. Точнее, князь должен был этот мир купить. Воинственные кочевники требовали себе много золота и серебра, драгоценной посуды, дорогих тканей, мехов, коней, коров, овец и прочего домашнего скота. Не желая проливать кровь своей дружины и во избежание очередного половецкого нашествия, князья предпочитали откупаться от алчных степняков. Но Святополка Изяславича такой вариант не устраивал. Не ясно, кто был более алчным: половцы или Святополк. Жадный и жалкий, слабовольный и мнительный, мелочный и корыстолюбивый Святополк, расставаясь с какой-то мелочью, считал, что отрывает ее от сердца. И тем более он не был готов распрощаться с такими богатствами даже ради сохранения мира. В распоряжении Святополка было всего 800 дружинников, но его это не остановило. Святополк приказал схватить половецких послов и бросить их в темницу.

Изумленные здравомыслящие киевские бояре стали уговаривать князя одуматься. Его поступок означал неминуемую войну с половцами. Они предлагали князю, как и прежде, купить мир и жить спокойно. Святополк не соглашался. Поняв, что войны не избежать, киевляне стали пытаться вразумить своего князя и говорили, что он со своими 800 воинами не сможет противостоять многотысячной половецкой орде. Если уж он и собрался воевать, то пусть хотя бы обратится за помощью к своему двоюродному брату, талантливому и опытному полководцу, черниговскому князю Владимиру Мономаху. На это Святополк согласился и отправил гонцов за помощью в Чернигов.

Весть о столь бездумном поступке поразила Мономаха. Владимир, как и в былые времена, стремглав помчался из Чернигова в Киев, чтобы постараться предотвратить беду, образумить Святополка и заключить мир с половцами.

Святополк и Мономах встретились в Михайловском Выдубецком монастыре в Киеве. Спор между двоюродными братьями разгорелся нешуточный. Всегда спокойный и уравновешенный Мономах пытался объяснить легкомысленному Святополку губительность затеянной им войны. Владимир говорил, что из-за прошлогодней эпидемии много людей потеряла Русь, что сокрушительный половецкий выход в том же году обескровил Киевское, Черниговское и Переяславское княжества. Пока половцы сами предлагают заключить мир, надо пользоваться этой возможностью и отдать алчным степнякам запрашиваемые ими богатства. Святополк уперся, не слушал никакие доводы Мономаха и продолжал настаивать на войне. Мономах не уступал ему и пытался предотвратить кровопролитие. Присутствующие киевские бояре испугались, что князья не объединятся, тогда Святополку, а вместе с ним и всему Киеву, и его окрестностям грозила бы гибель.

Видя, что братья не находят понимания между собой, один из бояр обратился к князьям: «Почто вы ссоритесь между собою? А поганые губят землю Русскую!»

Это обращение возымело действие. Мономах прислушался к боярину. Несмотря на то, что он не хотел войны, так как понимал, что Русь сейчас к этой войне не готова. Владимир ясно понимал и то, что если он не окажет помощи своему двоюродному брату, великому князю Святополку Изяславичу, то Киеву, а возможно и всей Руси грозит опустошительное половецкое нашествие. Перешагнув через собственную точку зрения, с горечью Мономах согласился помочь легкомысленному великому князю. Тут же Владимир отправил гонцов в Переяславль к своему младшему брату Ростиславу с призывом вести свою дружину на помощь Киеву.

Братья Владимир и Ростислав привели свои дружины из Чернигова и Переяславля к Киеву. У самого Святополка было 800 ратников, пришедших с ним из Турова, и еще около 500 он собрал в Киеве и его окрестностях.

Половецкие ханы Боняк и Тугоркан, которых на Руси называли «Шелудивый Боняк» и «Тугарин змей», уже подступали к Киеву. Они остановили свои несметные смертоносные тучи в 30 километрах от столицы Руси за рекой Стугной.

Русское войско тоже подошло к Стугне. Противников разделяла река. Стугна не очень глубокая, обычно ее течение спокойное и размеренное. Но именно сейчас от половодья и проливных весенних дождей уровень воды в ней был необычайно высок и стремительно поднимался. Сейчас вода шумела и бурлила. Казалось, это какая-то гремучая горная река.

Князь Владимир Мономах, который в военном деле был талантливее и опытнее Святополка, видел и понимал, что русская рать значительно меньше и слабее половцев. Мономах предложил не переправляться через полноводную реку и здесь заключить мир с половцами. Владимира поддерживали черниговцы и переяславцы. Они понимали проигрышность положения, в котором находилась русская рать. Однако в бой рвались дружинники и бояре, которые пришли со Святополком из Турова в Киев. Они, как и князь Святополк, жалели золото и прочее добро, но не жалели крови. Своевольный и бездарный Святополк согласился со своими скупыми и алчными единомышленниками. Он упрекал в трусости черниговскую и переяславскую рать. Святополк отдал приказ киевским и туровским дружинникам утром переправляться через реку и идти на половцев. Мономах скрипел зубами от гнева. Глупость и легкомысленность двоюродного брата выводили его из себя. Ночью пошел проливной дождь. Утром люди и кони вязли в грязи. Уровень воды в реке стремительно повышался. Упрямый, как осел, горделивый Святополк готовился переходить через Стугну. Мономах попытался в очередной раз образумить его:

— Одумайся, брат, — обратился Мономах к Святополку, — если ты перейдешь на другой берег реки, то сам погибнешь, дружину погубишь и Киев оставишь беззащитным. Сам подумай, сколько бед принесут половцы, если побьют тебя. А они побьют тебя непременно. У них огромное войско, более десяти тысяч ратников. А у тебя едва тысяча наберется. И погода смотри какая. Случись что, тебе даже отступить некуда будет. Позади тебя бурлящая полноводная река. Давай останемся здесь и заключим мир с половцами.

Дерзкий Святополк, хоть сам из себя представлял худую, тщедушную, черноволосую каланчу, только больше плеснул масла в огонь недопонимания. Он высокомерно ответил Мономаху:

— Сам я не трус, и мои воины храбры. Даже если вы нам не поможете, я сам перейду эту речушку и разобью поганых. Где это видано, чтобы я, великий князь, золото, серебро да прочее свое богатство отдавал диким степнякам?

— Никто и не говорит, что ты или твои воины трусы! — начал закипать Мономах. — Силы у нас сейчас неравны, на каждого твоего воина выйдет десять, а то и больше половцев. Зачем проливать кровь. Давай я сам отправлю послов к половецким ханам и договорюсь о мире.

— Не надо за меня договариваться о мире. Золотом моим ты тоже будешь распоряжаться? — гневно прыснул Святополк.

— Да гори огнем твое золото! — не вытерпел Мономах. — Я свои деньги отдам, лишь бы люди были живы, и мир на Русской земле сохранился.

— Мне ничего от тебя не надо! — отрезал Святополк. — Я сам разобью половцев.

Тронув коня, великий князь двинулся к бурлящей реке и велел своей малочисленной дружине переправляться. Увязая в грязи, к Владимиру подошел его младший брат Ростислав.

— Что будем делать, брат? — спросил невысокий, крепко сбитый, смуглый удалец Ростислав.

— Это самая большая глупость, которую я вынужден совершить. Святополк высокомерный глупец, сам погибнет, погубит всю дружину и половцам откроет дорогу на Киев. Если мы его не поддержим, то у него нет шансов. Шансы не велики и у нашего объединенного войска, ибо половцев во много раз больше, да и позиция у нас невыгодная. Наш старший брат своими необдуманными действиями заставляет разрываться мое сердце: если мы с ним не пойдем, то он со своей дружиной точно погибнет; если мы пойдем с ним, то подвергнем опасности своих людей.

Владимир замолчал.

— Надо идти, брат, — решил Мономах, — защита слабых — удел сильных. Не Святополку иду помогать, за дружину его переживаю и за всю Русь, на которую могут накинуться половцы после гибели упертого глупца Святополка.

Мономах со своим младшим братом во главе черниговской и переяславской дружин скрепя сердце с трудом преодолели кипящую Стугну.

Русская рать исполчилась и приготовилась к бою. Справа стоял Святополк со своей малочисленной киевско-туровской дружиной, слева встал Мономах во главе черниговцев, в центре разместилась переяславская рать со своим молодым князем Ростиславом. Погода в это время предполагала сидеть по домам, но никак не выходить на поле боя. Черные свинцовые тучи, подгоняемые порывами холодного ветра, ползли над самыми шлемами ратников. Раскаты грома заглушали команды воевод. Вспышки молний расписывали небо в кроваво-алые тона. Кони нервно ржали, перебирая копытами в липкой грязи. Пешие воины с трудом вырывали ноги из этой холодной толчеи.

Вдруг русской рати на противоположном конце поля стали виднеться ужасы. Было непонятно, наяву они происходят, или это обман воображения. От сотрясающего грома черные тучи упали на землю и стали приближаться к русскому воинству. Ослепительная молния озарила все вокруг. В огненно-сине-красных красках стали проявляться очертания всадников. Конца и края не было этой смертоносной лаве. Дождь крупными каплями стал барабанить по шлемам и щитам воинов. На земле в низинах грязь стала скрываться в студеньких лужах. С очередным порывом дождя на русских ратников с неба обрушились тысячи половецких стрел. Они летели не из далека, а прямо из очередной нависшей над головами свинцовой бездны. Только блеск молний позволял разглядеть этот смертоносный ливень. Крики и хрипы раненых людей, ржание лошадей наполнили апокалипсическую атмосферу. Русские лучники ответили своим залпом стрел, но это была капля в море по сравнению с ударом половцев. Еще пара смертоносных ливней из стрел обрушилась на русскую рать. Кровь смешалась с грязью. Луки приняли багровый окрас. Пронзенные стрелой кони, разрывая горло болезненными стенаниями, вскакивали на дыбы, скидывали со спины и топтали копытами своих всадников. Половцы неумолимо накатывали на русскую рать. Сперва они налегли на малочисленную дружину Святополка и пробili его полк. Сам Святополк мужественно сражался, но люди его дрогнули и побежали назад. Святополк пытался остановить паническое бегство своей напыщенной туровско-киевской дружины, но никто не слушал его. Нервы князя не выдержали. Позабыв обо всех своих богатствах и громких воинственных лозунгах, он побежал с поля боя вместе со своими единомышленниками, бросив Мономаха и его младшего брата Ростислава.

В это время в центре переяславцы, а слева черниговцы встали не на жизнь, а на смерть против половцев. Скользя в кровавой грязи, Мономах и его брат Ростислав бились бок о бок со своими воинами. Черниговцы и переяславцы потеснили половцев и стали прорубать себе дорогу вперед, сшибая на своем пути одного за другим степных воинов. Бой был лютый. Число воинов в нем ничего не решало. Храбрость, стойкость, мужество и отвага малочисленной русской рати стали побеждать многократно превышающее количество половецкое войско. Если бы Святополк и его воины стояли так же крепко на поле боя, как оберегали свое богатство, то русская дружина одной стеной оттеснила бы налегающего неприятеля. Но бегство великого

князя и его рати развязало руки половцам. Удар на Мономаха и Ростислава усилили те воины, которые должны были биться со Святополком. Истекая кровью, переяславцы и черниговцы пытались вгрызться в ту землю, на которой стояли. Но, как и сама земля проскальзывала у них под ногами, так и в бою скоро многократный численный перевес половецкого войска стал одолевать выбивавшихся из сил, отчаянно рубившихся русских витязей. Бой длился несколько часов. Наступал вечер. Половцы стали теснить русское войско. Не нарушая боевой строй, отбиваясь, Мономах стал отводить уцелевших воинов назад. Они сохраняли боевой дух и в полном порядке отступали до тех пор, пока сзади не послышалась kloкочущая грязной водой взбухшая Стугна.

Стремительные мутные воды реки оказались западней для русского войска. Утром с трудом удалось перебраться с одного берега на другой. Сейчас же течение воды ускорилося, а глубина значительно увеличилась.

Владимир и Ростислав стали переправляться через реку вброд. Из сумерек весеннего вечера им навстречу в грязной бурлящей воде плыло где-то смытое большое дерево. Мономах сумел увернуться от веток и, придерживаясь за уздечку своего коня, поплыл дальше. Его младший брат вместе со своим конем принял на себя удар веток и корней лесного исполина. Кипящий водоворот закрутил Ростислава вместе с конем, одна из крупных веток вырвала у него из рук конскую уздечку, за которую он придерживался. Сильное течение вращало огромное дерево, как веретено. Выбиваясь из-под одной ветки и сразу же попадая в плен другой, Ростислав под тяжестью своих боевых доспехов стал тонуть. Мономах увидел, что младший брат попал в беду, и бросился ему на помощь. Течением их отнесло в то место, где река делает крутой поворот. Стремительные воды сточили берег и дно, образовали глубокую яму и завихрялись в страшную засасывающую воронку. Ростислав уже наглотался студеной мутной воды, захлебываясь, он из последних сил вынырнул из этого смертельного водоворота, раскинув руки в стороны, машинально пытаясь схватиться хоть за какую-нибудь спасительную соломинку. Мономах видел брата. Он видел его перепуганное лицо, видел большие обезумевшие глаза. Владимир успел схватить брата за кисть руки, но жадный водоворот тут же вырвал Ростислава из рук старшего брата и потянул на дно. Желто-коричневая, пенящаяся волна накрыла Ростислава с головой. Еще мгновение Владимир видел уходящую под воду, отчаянно выкинутую вверх руку Ростислава. Волна захлестнула с головой самого Мономаха. Он вынырнул, но младший брат уже пропал из виду. Силы покидали Владимира. Пучина стала засасывать его самого. Он не думал о собственном спасении, а в бессильном бешенстве искал брата. Ростислава не было видно. Раз за разом Владимир сам стал оказываться с головой под водой. Он уже напился этой коричневой бурлящей жижи, вода была в носу, во рту и в глазах. Мономах стал тонуть, мокрая одежда сковывала движения, тяжелые доспехи тянули ко дну. Не понимая происходящего, тело его билось с этим смертельным врагом, а разум и залитые грязной водой глаза вспылками, насколько это позволяли пенящиеся волны и сознание, искали Ростислава. Дружинники подхватили тонущего Мономаха и вытащили его на берег. Весь в грязи, обессиленный, он упал на землю. Страшная мысль пронзила все его тело. С трудом Мономах поднялся. Чуть покачиваясь, перебирая ногами в мокрой жиже, он спросил, где его брат, а сам отрешенным взглядом всматривался в тот смертельный водоворот. Дружинники ответили Мономаху, что пенящаяся пучина поглотила Ростислава. Вмиг последние силы покинули Владимира. Он упал на колени. Стенания искорежили его измученное лицо. Старший брат в бессильной ярости ударил ладонями о землю и сжал в руках грязь. Дружинники подняли своего князя и подвели к коню. Волосы, борода, лицо, доспехи, плащ Мономаха — все было в грязи. Омываемые бесконечным потоком слез скорбь и печаль застыли в его глазах.

26 мая 1093 года произошло одно из самых катастрофичных поражений в истории до монгольской Руси. Половцы не преследовали на берегах Стугны горстку уцелевших русских ратников. Они довольствовались своей победой, ведь эта победа была полной и сокрушитель-

ной. От переяславской и черниговской рати осталось в живых всего пара десятков воинов. Кто чудом уцелел на поле боя, те, как и несчастный князь Ростислав, утонули в разлившейся бешеной Стугне.

Бездумные решения и действия бестолкового Святополка погубили воинов, отняли у Мономаха младшего брата, открыли беспрепятственный путь опустошительным половецким набегам на Русь. Тело молодого переяславского князя нашли чуть позже. Измученный физически, а еще больше морально, Мономах, в сопровождении выживших в этом гибельном походе дружинников, повез в последний путь своего младшего брата. В Киеве под всеобщий стон и плач Владимир через полтора месяца после смерти отца в соборе Святой Софии похоронил брата.

Для Мономаха это был удар. Удар, который он ранее не испытывал в своей жизни. Владимир с жалкими остатками своей дружины ушел в Чернигов.

Менее чем через два месяца, 23 июля 1093 года, бездарный Святополк потерпел очередное поражение от половцев практически у стен самого Киева.

Половцы после долгой осады взяли город Торческ, который был важной крепостью на реке Рось. Смертоносное нашествие на Русь только набирало обороты. Противостоять степным душегубам в Киевской, Черниговской и Переяславской землях сил уже не осталось. Окрестности Киева были полностью разорены. Превратились в пепел множество городков, сел, деревень и весей. Алчность и жадность великого князя Святополка Изяславича дорого обошлись всей Русской земле.

Позднее летописец с горечью писал: «Города опустели, в селах пылают церкви, дома, житницы и гумна. Жители издыхают под острием меча и трепещут, ожидая смерти. Пленники, заключенные в узы, идут наги и босы в отдаленную страну варваров, сказывая друг другу со слезами: "Я из такого-то города русского, я из такой-то веси". И не видим на лугах своих ни стад, ни коней, нивы заросли травой, и дикие звери обитают там, где прежде жили люди!»

Хрупкий мир с половцами удалось заключить лишь в следующем году. Помимо тех же самых дорогих даров, которые половцы просили у Святополка изначально, теперь ему еще пришлось жениться на дочери могущественного, уже старого, седого и тучного половецкого хана Тугоркана.

Выдав свою дочь замуж за великого князя Святополка Изяславича, половецкий хан Тугоркан увел свои орды, отяжеленные русским добром, обратно в степь. Казалось бы, Святополк может вздохнуть с облегчением и торжествовать политическую победу, но оставался еще хан Боняк. Он был мелким, тщедушным, патлатым, коварным, хитрым и язвительным. Не зря ему дали прозвище «шелудивый». Боняк ни с кем никаких династических браков не заключал, о мире не договаривался и поэтому продолжал опустошать Русскую землю. Не было конца и края этим грабегам, насилиям, убийствам, пожарам, черному дыму, запаху гари и смраду в воздухе.

В то время как никогда ранее часто случалось еще одно, доселе неслыханное горе на Русской земле. После смертоносного, испепеляющего шествия половцев в деревнях и селах оставались одни лишь каменные печи былых домов. Местные жители убиты на месте или угнаны в плен для продажи на рабовладельческих рынках. Их имущество разграблено или сожжено. Домашний скот, тот, что не сгорел заживо в хлевах, угоняли в степь. Кругом смерть, кровь, мрак, смрад, пепел и гарь. Казалось бы, ничего более страшного невозможно увидеть. И все же людям, которые после приходили на эти пепелища, открывались неведомые ранее адские картины: единственно уцелевшие признаки былой жизни — печи домов хранили в себе душераздирающие тайны. Почти в каждой этой печи были обугленные тела маленьких детей. Люди пришли в ужас от увиденного и не могли понять, как и почему маленькие дети массово были заживо сожжены в печах собственных домов. Ответ на этот вопрос оказался мучительно жестоким. Местные жители, ни видя никакой пощады от диких степняков, пытались уберечь своих

детей от кровожадной половецкой сабли, от копыт взбешенных, разъяренных коней, от свистящей удавки-аркана. Отцы и матери прятали своих детей в печь в надежде на то, что, ограбив имущество и уничтожив все живое, попавшееся на глаза, половцы уйдут, и дети спасутся. Но степняки не довольствовались только убийством и грабежом — им нужны были огонь и пепелища. Дикие варвары поджигали дома, и дети в печах задыхались от дыма или заживо сгорали, не имея возможности спастись из этой смертельной западни.

Тяжелые времена на Руси продолжались. Одна черная полоса сменялась другой, не менее черной. В 1093 году половецкому урону подверглись в основном Киевские и Переяславские земли. Чернигов в этот раз нашествия диких степняков миновали. Но недолго мир царил в тех краях. Все Черниговское княжество во главе с Владимиром Мономахом еще не успело оправиться от катастрофы на Стугне, а новая беда уже распахнула к ним двери настежь.

Июль 1094 года принес неисчислимые несчастья на Черниговскую землю. Впереди этих бед и страданий спустя 16 лет из далекой Тмутаракани на Русь возвращался князь Олег Святославич, которого летописец назвал Олегом Гориславичем. Вот как в летописи описаны события тех дней: «В том же году пришел Олег с половцами из Тмутаракани и подступил к Чернигову. Владимир же затворился в городе. Олег же пришел к городу и сжег окрестности города, и монастыри сжег. И заключил Владимир мир с Олегом, и пошел из города на отцовский стол в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же начали воевать окрестности Чернигова, а Олег не возбранял им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз привел он поганых на землю Русскую, да простит ему Бог грех его, потому что много людей загублено было, а другие в плен взяты и разосланы по чужим землям».

Другой летописец описывал происходящее в то время в Черниговской земле: «Страждущие, печальные, мучимые стужей, закованные, в голоде, и в жажде, и в беде, осунувшиеся лицами, почерневшие телом, в стране незнаемой, с языком воспаленным, нагие и босые, истерзанные тернием, со слезами бредут люди».

Сам Владимир Мономах в своем «Поучении» писал об этих событиях: «И потом Олег пришел на меня со всею Половецкою землею к Чернигову; и билась дружина моя с ними в течение восьми дней у малого вала и не дала им войти в острог. Пожалел я души христианские, и села горящие, и монастыри и сказал: "Пусть не похваляются поганые!", и отдал брату стол отца его, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы из Чернигова на день святого Бориса (24 июля), и ехали сквозь полки половецкие, меньше ста человек с детьми и с женами, а половцы облизывались на нас, словно волки, стоя у перевоза и на горах, — Бог и святой Борис не дали меня им в добычу; невредимы дошли мы до Переяславля».

Теперь Мономах видел, каким оказалось истинное лицо его двоюродного брата, бывшего друга и крестного отца двоих старших сыновей, князя Олега Святославича.

Заразная смертоносная эпидемия, смерть великого князя, катастрофическое военное поражение на Стугне, длительные опустошительные половецкие нашествия, князь-душегуб из Рюрикова рода Олег Гориславич — это те беды, которые выпали на долю Русской земли за ближайшие два года. Вся Русь изнемогала. Много населения умерло во время эпидемии, десятки тысяч людей убито, покалечено или уведено в плен половцами; военная сила приграничных со степью княжеств трагически погибла на Стугне; сотни городов, сел, деревень и весей превращены в пепел. Все думали: когда же наконец закончатся все эти бедствия?

Оказалось, что горькая чаша, предназначенная судьбой для Руси, еще не испытана сполна. 26 августа 1094 года пришла саранча на Русскую землю. Такого количества этих тварей не помнили люди испокон веков. Саранча под самый корень уничтожила не только поля с хлебами и житом, но даже простую траву и листья на деревьях. В конце августа ничего зеленого человеческий глаз не мог найти во всей округе.

Это было одно из самых мучительных наказаний всему роду человеческому на Русской земле. Вездесущая саранча исчезала, а после нее, как туман, все заволакивал беспощадный

голод. У населения уничтожен весь урожай, в считанные дни каждый житель ощутил на своем горле смертельную хватку голода. Кони, коровы, овцы, козы и прочий домашний скот ржали и ревели, блеяли и гоготали от бескормицы. В поисках пропитания животные обгрызали кору деревьев, вырывали копытами из земли корни и грызли их. Деревья стали засыхать. Начался падеж домашнего скота. Люди не знали, что для них страшнее: сосущая неизгладимая бескормица сегодня или медленная мучительная голодная смерть завтра. О посевах хлеба и жита на следующий год никто даже и не думал. Все мысли были о том, чем бы сегодня насытиться.

В такой атмосфере князь Владимир Мономах со своей семьей и еще несколькими десятками близких людей должен был начинать жизнь с чистого листа в разрушенном, разоренном и голодном Переяславле.

Получив Чернигов, князь Олег не унимался. Ему хотелось как можно больше власти. Едва Мономах дошел до Переяславля, как прискакал гонец из Чернигова. Олег грозил пустить свою половецкую свору сначала на Переяславскую землю, а затем пойти на Новгород, если Мономах не согласится отдать этот важный город его брату, Давыду Святославичу. Владимир пожалел невинных людей, которые могли пасть от этой очередной эгоистической войны, и согласился отдать Новгород. К своему старшему сыну Мстиславу Мономах отправил гонца и сообщал, что ему необходимо перейти на княжение в Ростов. Мстислав спокойно и покорно принял волю отца и стал собираться к переезду в Ростов. Однако жителей Новгорода совершенно не обрадовали эти новости. Они понимали, что эти перемены — дело рук Олега Гори-славича и что ни к чему хорошему они не приведут. Новгородцы уже однажды изгоняли от себя одного из братьев Святославичей, Глеба, теперь же они высказались резко против перемен у себя во власти и не хотели отпускать от себя князя Мстислава. За шесть лет правления этого молодого, доброго, отзывчивого, умного, волевого и храброго князя новгородцы привыкли к нему и считали его чуть ли не своим родным, говорили даже, что «они сами себе его вырастили» и что Мстислав «их князь».

Новгородский князь Мстислав помимо того, что был верным и преданным сыном своего отца, выполнял волю Мономаха, понимал, что в случае отказа уступить Новгород Святославичам прольется много невинной крови, а этого добрый Мстислав не хотел.

Переход на княжение в Ростов не смутил Мстислава, хотя он и привык уже к Новгороду и его жителям. Он, как и его отец, князь Владимир Мономах, готов был править где угодно, лишь бы во благо Отечества. Ранило душу молодого князя совсем другое. Всеми любимый Лучезар, служивший двадцать лет верой и правдой Мономаху и уже шесть лет его старшему сыну Мстиславу, да и всему Новгороду, в ежедневных трудах и заботах совсем не заметил, как к нему подкралась старость. Сейчас же, увидев, как сильно прикипели душой и сердцем все жители Новгорода к его воспитаннику, молодому князю Мстиславу, Лучезар, как много лет назад при Владимире Мономахе Твердислав, понял, что с честью выполнил возложенную на него миссию. Он вырастил доброго, заботливого, умного, мужественного, храброго, сильного волей и сильного духом князя. Больше ему, Лучезару, при князе Мстиславе делать нечего. Пора на покой. В тихую гавань Печерского монастыря. Постараться за оставшееся в жизни время хоть немного отмолить содеянные вольно или невольно грехи да помолиться о мире, спокойствии и благополучии во всей Русской земле.

Не скрывая слез, князь Мстислав принял решение своего верного и надежного, почти что родного Лучезара. Высокий, широкоплечий, седовласый боярин, прославленный воевода, грозный витязь для всех врагов Отечества, душа и сердце дружины и любого коллектива. Лучезар подбодрил своего князя, сказав, что всему свое время и что рано или поздно, хотят ли того люди или нет, приходится расставаться. Прощаясь с Мстиславом, Лучезар рекомендовал на свое место молодого воеводу Добрыню. Добрыня — дружинник лет 35 от роду, со светлыми, немного вьющимися волосами, добрыми большими голубыми глазами, густой светлой бородой. В добрую минуту с ласковой улыбкой на овальном с правильными чертами лице, в

моменты гнева лицо его будто бы каменело, взгляд немного прищурился и пронзал противника насквозь. Ростом он был высок, косая сажень в плечах, кулаки таких размеров, что если под них попадешь, то это будет раз и навсегда. По характеру Добрыня был спокоен, отзывчив и приветлив. Слабого в обиду никогда не даст, противников уважал, но стоял против них крепко. Сам в бою бился мужественно и стойко, дружину подбадривал и вел за собой вперед. Несмотря на свой молодой возраст, был умен, опытен и житейски мудр. Среди товарищей имел непререкаемый авторитет. Его уважали, а если чувствовали за собой какую оплошность, откровенно боялись. Все знали, что Добрыня добрый в миру, суровый, но справедливый в суду.

Мстислав хорошо знал Добрыню. Рекомендация Лучезара для Добрыни была наивысшей наградой за добрую службу от старого друга. Лучезар отказался от каких-либо пышных торжественных проводов и дорогих подарков. Еще вчера знатный житель Новгорода и всей Руси сегодня седовласый пожилой мужчина, с добрым, испещренным морщинами и шрамами лицом и с длинной белоснежной бородой. Лучезар оделся как десятки тысяч русских смердов, закинул узелок с горбушкой хлеба на плечо, взял длинную тоненькую тросточку и пошел навстречу зову своей души. Туда, где много лет назад нашел свой последний покой инок Печерского монастыря Лазарь, в миру Твердислав.

Прошло полгода, как Владимир Мономах с семьей и близкими ему людьми перешли из Чернигова в Переяславль. Не только город, но и вся Переяславская земля лежала в руинах. Сразу по прибытию Мономах направил всю свою силу, энергию, опыт, знания и умения на восстановление Переяславского княжества. Владимир не жалел денег из своей казны, не жалел сил и здоровья, денно и нощно объезжая села, деревни и веси, собирая у себя для советов дружинников, бояр и тиунов. Все трудились не покладая рук. Дел было немерено. Голод стоял на пороге каждой семьи. Дома и хозяйственные постройки были сожжены. Население значительно уменьшилось. Многие люди погибли или были уведены в плен, среди оставшегося населения было много калек и инвалидов. поголовье домашнего скота было либо угнано в степь, либо погибло в пожарах. От княжеской дружины осталась пара десятков воинов. Сильный духом и сильный волей князь Владимир Мономах не сдавался и не отчаивался. Трудности и невзгоды еще больше закаляли его. Энергия, сила и уверенность от князя передавалась его ближнему окружению. От них по цепочке медленно, но верно они стали распространяться по всему Переяславскому княжеству. Былой, проверенной двумя десятилетиями тройки из верных и надежных Лучезара, Ставра и Ратибора больше не было. Но Мономах не оставался в одиночестве. На смену умному, грамотному и мудрому Лучезару Владимир привлек к себе поближе сорокапятилетнего рыжеволосого, стройного красавца воеводу Георгия. Вместо богатыря Ставра Мономах теперь вверял свою дружину опытному, мужественному, храброму и проникательному Дмитру Иворовичу. Невысокого роста воевода Дмитр, лет 35 от роду, косая сажень в плечах, с добрым, простым и ласковым лицом, украшенным шикарнейшей пушистой бородой, был одним из лучших на Руси мастеров воинского искусства.

И вот теперь князь Владимир Мономах со своими надежными Ратибором, Георгием и Дмитром Иворовичем изо всех сил пытались вдохнуть жизнь в опустошенный Переяславский край.

Было тяжело. Очень тяжело. Несмотря на все трудности, тяготы и невзгоды, Мономах и все Переяславское княжество понемножечку, помаленечку, шаг за шагом неуклонно налаживали жизнь и быт. Был бы мир на земле, здоровье и желание у людей, тогда все будет по плечу. В мирное время, если человек физически, морально и душевно здоров, дело встает только за желанием. Если будет желание — сильное, большое, настоящее желание, — то человек сможет из кожи вот вылезти, горы сдвинуть для достижения цели. Здоровьем, слава Богу, Мономах был наделен; желания возродить жизнь на родной Переяславской земле, да и во всей Руси, у него было хоть отбавляй. Вставал вопрос о мирном небе над головой. Тут-то и подкра-

лась очередная проверка на прочность к переяславским воротам, точнее, даже не подкралась, а самым наглým образом ворвалась с диким степным гиканьем, стуча кровавой саблей в дверь.

В феврале 1095 года неожиданно-негаданно у самых стен Переяславля во главе своих хищническо-грабительских шаек объявились два половецких хана — Китан и Итларь.

Несмотря на то, что не прошло и года, как великий князь Святополк Изяславич отдал огромное количество золота, серебра, драгоценной посуды, дорогих одежд, тканей, мехов, многотысячные табуны домашнего скота в обмен на мир со всей Русской землей, эти два алчных хана подступили к стенам Переяславля с требованием выплатить им богатства для заключения очередного мира. Сколько раз можно было покупать этот мир и насколько долговечным он будет, никто не мог знать. Владимир Мономах о заключении этих миров позже написал так: «И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце, и без отца, и раздаривал много скота и много одежды своей». Ханы Китан и Итларь грозили, что если Мономах им не заплатит, то они сожгут город и все Переяславское княжество.

«Бог мой! — подумал Мономах. — Что вы собираетесь жечь? Угли с прошлогоднего вашего нашествия едва успели скрыться под снегом. Люди в землянках лютую зиму коротают оттого, что не успели ничего построить. Да и некому строить. Кому руку, а кому ногу вы же саблей и отрубили. В плен кого вы брать собрались? Безруких да безногих? Кого вы грабить хотите? У людей ни гроша не осталось из средств к существованию. С голоду несчастные пухнут и медленной голодной смертью помирают. Тихо уснет человек, да и не проснется. И поди разбери: от голода или от холода он умер. Да и кто в этом разбираться будет? Только и скажут близкие ему люди: "Ну наконец отмучился несчастный". Что до моей казны? Так я ее никогда и не берег, ни от кого не прятал. Вот и сейчас все до копейки нуждающимся людям раздал. Будем биться. Да, придется биться. Только вот жаль, нас всего пара десятков, кто меч в руках держать может. Но мы в грязь лицом не ударим. Не посраим Отечество наше. Грудью хоть на немного, да защитим слабых и обездоленных. Если бы можно было, я сам лично, да и каждый из братьев воинов моих, выходил бы с вами в поле чистое один на один. Тогда бы да. Здесь бы ваши поганые кости и остались воронам на съедение. Только вот нет. Неведома вам ни честь, ни совесть. Стаей гиен да шакалов только и можете нападать на одного, да для вас желательнее, чтобы этот один был безоружен, а еще лучше, чтобы это женщина была, или старик, или дите малое. Вот тогда да. Ваша стихия. Тут вы во всей своей мерзкой красе. С гиканьем да с визгом налетаете, рубите, калечите, унижаете да издеваетесь. Ну, ничего, ничего. Придет время, враги рода человеческого. Ибо сказано: "Какою мерою мерите, такую и вам будет отмерено"».

Половцы грозили и требовали, Мономах тянул время. Он успел отправить гонца за помощью в Киев, к великому князю Святополку Изяславичу. Половецкие ханы предложили обменяться аманатами — почетными заложниками от двух противостоящих сторон. Во избежание каких-либо непредвиденностей в Переяславль должны были войти безоружные хан Итларь и знатнейшие половецкие войны. От Мономаха в половецкий стан к хану Китану требовали в качестве такого же заложника княжеского сына, семилетнего Святослава. Практика обмена аманатами широко применялась в то время, только вот сам князь Владимир и тем более его семья впервые столкнулись с этим. В том случае, если спорный вопрос решался миром, аманаты возвращались целыми и невредимыми, но если договориться не получалось, тогда почетные заложники рисковали своей жизнью. Ответа из Киева все еще не было. Мономах ждал, надеялся на помощь деньгами или войском. Рано утром хан Итларь в сопровождении знатнейших половцев подступил к воротам Переяславля. Мономах стоял на крепостной стене.

— Ну что? Князь! — закричал хан Итларь. — Смотри, я и мои люди без оружия. Впустишь нас в город и отдашь брату моему, хану Китану, своего сына в обмен на мою голову, или мы начинаем войну?

Сердце Мономаха сжалось. Никогда в жизни он еще не вставал перед таким выбором. Что делать? Как поступить? Это же сын. Родной семилетний сын. Как можно отдать его в лапы

этим диким хищникам? А на другой чаше весов десятки тысяч жизней беззащитных жителей всего Переяславского княжества. Те люди, которых он с тринадцати лет изо всех сил старается беречь и защищать. Отказ половцам сейчас означает гибель этих невинных людей, потому что, если он вступит в бой со своей малочисленной дружиной, все равно не сможет защитить ни Переяславль, ни его округу. Кочевники хорошо знают, что военная мощь Мономаха сейчас слаба как никогда ранее, оттого так нагло и нападают. Как бы ни было больно отцовскому сердцу, в конце концов князь Владимир Мономах, который должен защищать не только свою семью, но и тысячи семей всего своего удела, решился на обмен аманатами. Он сказал, что скоро малолетний княжич выедет из города и пойдет в лагерь хана Китана.

Ужасу Гиты не было предела. Она свыклась с мыслью, что подростки сыновья уезжают на самостоятельные княжения в другие города, но сейчас было совсем другое дело. Мать и отец должны были добровольно отправить своего семилетнего сына в лагерь вооруженных половцев. Что взбредет им в голову? Вдруг не получится договориться? Тогда все. Получается, что родные мать и отец отправляют своего малолетнего сына на верную смерть. При одной этой мысли сердце Гиты обливалось кровью. С трудом сдерживая слезы, молча, чтобы голос не выдал страданий материнского сердца, Гита собирала сына в опасный путь. Мономаху было вдвойне тяжелее. Он, любящий отец и муж, отправлял своего сына, будто агнца на заклание. В голове мгновенными вспышками роились мысли. Вспомнил Владимир, как впервые отец рассказал о трагической судьбе Гиты, у которой погибли отец, мать и оба родных брата, как он дал себе слово беречь свою хрупкую и беззащитную жену. Вспомнил рождение их первого сына. Вспомнил то самое гнездо ласточки под козырьком его терема в Турове, которое так умилило сердце князя. Мгновенно пролетела перед глазами еще совсем короткая, семилетняя жизнь сына Святослава. И что теперь? Теперь он тот, кто обещал заботиться о жене и детях, отправляет своего сына в вооруженный вражеский лагерь. Нет, не о том он всю свою сознательную жизнь думал и не на то надеялся. Не для того он в лютую стужу, испепеляющую жару, метель, град и проливной дождь сотни раз мчался сутками из одного конца Руси в другой. Как же так получилось? Почему он сам, его семья, Переяславское княжество и вся Русь оказались в таком катастрофическом состоянии?

Всеми виной была вездесущая межкняжеская вражда. Каждый сам за себя и каждый сам по себе. Хотя поодиночке они ничего из себя не представляют и практически ничего не стоят. Вот и сейчас к самым воротам Переяславля пришли половцы и наглым образом требуют себе в заложники княжеского сына. А почему они так себя ведут? Почему они думают, что им все дозволено? Это случилось не сегодня и не вчера. Десятки лет межкняжеских обид, войн, недопонимания, недоверия и вражды. Вот, что привело к этому. Последним штрихом всего этого была катастрофа на Стугне, которая случилась из-за алчности и гордыни Святополка. Затем испепеляющее нашествие Олега из Тмутаракани на Черниговские земли все с теми же половцами. Вот и пришло время пожинать плоды своей вражды друг с другом. Половцы в край обнаглели. Потеряли всякий страх. Они уверены, что Переяславлю сейчас никто не поможет. Ну, заключит Переяславль с ними мир, как меньше года назад заключил этот же мир за всю Русскую землю Святополк. Что с того? Разве этот мир их будет как-то удерживать или ограничивать? Нет конечно. Через несколько месяцев, этой же осенью, ничего не боясь, они с визгом и гиканьем нападут не на Переяславль, так на Киев, не на Киев, так на Чернигов. Какая разница, какой именно город в очередной раз будет стерт с лица земли? Это все Русь. Родная, милая душе и сердцу наша Русская земля. Нет, надо срочно что-то предпринимать. Прежде всего объединить всех князей, тогда и за половцев можно будет взяться. Сплоченные русские дружины — страшная сила. Сила, с которой не только половцы, но и поляки, венгры и даже Византия считаются. Решено. Надо сплотить между собою князей. Только вот это все будет позже, а пока нужно решить проблемы сегодняшнего дня.

С ответом от Святополка приехал златовласый киевский здоровяк воевода Славята. Он сообщил Мономаху, что Киев ни деньгами, ни оружием помочь не может.

«Вот тебе и объединились, вот и сплотились для отпора беде. Ладно. Нет так нет. Проблему все равно надо решать. Нет таких проблем, которые бы не решались. Какие-то легче, какие-то сложнее, но главное, что все проблемы решаемы», — думал Владимир.

Мономах собрал на совет воевод и бояр, пригласили туда же и прибывшего из Киева воеводу Славяту. Вопрос был до боли простой: что делать? Княжич Святослав был готов поехать во вражеский лагерь, да и наглый Итларь уже все ворота побил с требованием впустить его в город, грозя в случае отказа начать войну. Денег для покупки этого самого мира нет, войска для войны тоже нет. Напряженное молчание повисло в воздухе.

— А давайте с погаными рассчитаемся их же монетой, — вдруг сказал Славята.

— Какой монетой, ты о чем? — спросил его Мономах.

— Сколько они будут русскую кровь проливать! — разгорался воевода. — Давайте их перебьем!

— Как? Какими силами ты предлагаешь это сделать?

— Все просто, от этого и все очень сложно, — с хитрецей улыбнулся Славята.

— Давай, поведай нам свой простой и одновременно сложный план, — обратился к нему Мономах.

— Княже, хан Итларь сам со своими людьми без оружия к нам в город ломится, ведь никто его сюда не звал. Так пускай заходит да побольше шакалов своих с собой возьмет. Дадим им меда да вина побольше, пусть заливают свои луженые глотки. У другого хана, Китана, тоже войско уменьшится. Так вот мы ночью сперва перебьем ничего не подозревающих Китана и тех, кто за городом в его стане останется, а наутро и жадного Итларя вместе с его воинами возьмем тепленькими, — все так же хитро улыбаясь, поведал свой план Славята.

Мономах нахмурился.

— Ты, видимо, воевода, устал в дороге, метель тебе в голову надула или по приезду успел согреться тем же медом да вином.

— Нет, княже. Как можно? Seriously тебе говорю, перебьем поганных, и дело с концом.

— Да с каким концом!? — начал сердиться Мономах. — Ты сам слышишь, что предлагаешь? Безоружных впустить к себе в дом и перебить их! Где это видано, чтобы гостей на Русской земле били? А про сына моего ты не забыл? Напомню тебе, что Святослав в стане у хана Китана в этот момент находится будет. Как думаешь, в случае опасности Китан блинами с маслом сына моего потчивать будет? — Мономах гневно стукнул кулаком по массивному дубовому столу.

— А ведь и в правду, княже, — начал вдруг разговор Ратибор, — до каких пор поганные будут кровь нашу пить? Сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит. Да, ты прав. Гостям на Руси всегда почет и уважение. Так ведь разве ханы Китан и Итларь нам гости? Разве гости приходят с войском, угрожают войной, берут детей в заложники? Какие же это гости? Это поганные, во всей своей красе. А поганым и смерть поганая! Они грозят войной, если не заплатим им богатые дары. Так заплатили бы. Да только где же их взять? Прошлые войны и голод все высосали. Мы прекрасно знаем, что ты, княже, не только казну свою до копейки раздал нуждающимся, но и дорогую посуду с княжеского двора да украшения жены своей отдал ради восстановления жизни простого люда. Стало быть, платить нечем. Остается биться. Бой... — предвосхищено улыбнулся прославленный воевода Ратибор. — Я люблю бой. Двадцать восемь лет я служу тебе, княже. Сотни битв прошли мы с тобой, и никто из нас ни разу не дрогнул. И теперь для меня честью будет встать с тобой спина к спине против поганных! Выйдем, княже, в поле чистое. Да только на это нас и хватит. Воинов у нас раз-два и обчелся. Положим мы головы свои во славу нашего любимого Отечества. А дальше что? Кто защитит наших детей, наших жен, родителей-стариков, если мы до единого погибнем? А если мы сейчас выйдем на

бой, то только тому и быть. Ибо половцев намного, на-много, княже, больше, чем нас. Я, как мало кто другой, княже, знаю твое любящее сердце и чистую душу. Да только сейчас, княже, не будет тебе в том греха, если ты так перебежешь поганых. Они же всегда, дав клятву о вечном мире, губят землю Русскую и беспрестанно проливают кровь людей невинных. Что же о сыне твоём, юном княжиче Святославе? Так он мне как родной. Я его на руках носил. Я видел, как он сделал первые шаги, слышал, как он стал лепетать первые слова, на коня, княже, на моего в три года ты его посадил. Разве может у меня не болеть сердце об этом семилетнем мальчике!?! Так вот что я скажу тебе, княже. С твоим сыном Святославом во вражеский лагерь Китана поедет мой младший сын Фома, а старший, Ольбег, здесь с нами останется и крепко станет в защиту брата и всего Отечества нашего. Я знаю, княже, что ты любящий и любимый отец. Но знай, княже, что ты отец не только своим пятерым сыновьям, ты отец всему бедному люду переяславскому и всей многострадальной Руси. Сейчас некому кроме тебя, княже, на Руси сплотить всех на благо Отечества и дать отпор врагам, нападающим на грады и села наши. Уготовано тебе, княже, с твоим любящим сердцем, твоей белоснежной душой, разумом исполинским стать опорой и защитой всей Русской земли. Так будь же, княже, отцом всего Отечества нашего! Разбей хищников сегодня, затем объедини и сплоти всю Русь, вырви корень зла в половецкой степи, дай возможность всем людям земли Русской жить в мире, согласии и благополучии! — Ратибор заканчивал свою речь возвышенным тоном со слезами на глазах.

В княжеских палатах повисла тишина. Мономах встал, молча прошел от стены к стене. На минуту вышел на морозный воздух в сени. Внутри все напряженно ожидали его ответа.

— Решено. Никому ни слова.

— Княже, я тебе головой отвечаю! — радостно вскрикнул Славята.

— К чему мне твоя голова? — в раздумьях ответил Мономах. — Сыновей, моего и Ратибора, береги, — твердо добавил Владимир. — На тебе, Славята, хан Китан с войском и наши дети. Ну а ты, — Мономах обратился к Ратибору, — прими на себя хана Итларя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.